

63.3(253.3)

3-38 ЗАХАРОВ

ВЕСНА ЗА ВЕЛКОЙ БОГИЦЕЙ

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

--	--

Душевно-
красиво-гуманно-
визуально-честно
визуально-честно
Духовно

142

63.3(253.3)
3-38

НОВЕДОЖИЯ РУСЬ

А.П. Захаров

ВСЛЕД ЗА ВЕЛИКОЙ
БОГИНЕЙ

142 142/

914

Москва
«Вече»

ББК 63.3
УДК 94
338

Художник И. Савченко

Захаров, А.П.

338 **Вслед за Великой Богиней / А.П. Захаров. — М. : Вече, 2013. — 288 с. — (Неведомая Русь).**

ISBN 978-5-4444-1404-0

Знак информационной продукции 12+

Две неожиданные темы причудливо переплелись в книге тюменского краеведа Аркадия Захарова — судьба предков А.С. Пушкина и история Золотой богини Севера.

О неразгаданной тайне древнего Югорского Лукоморья, величайшей святыне северных народов — чудесной статуе Золотой богини, упоминается еще в старинных сказаниях о «незнаемых землях» Русского Севера. Легенды о ней дожили до XX века, однако ученым священная статуя донныне неизвестна. А.П. Захаров предпринял еще одну попытку раскрыть эту вековую тайну.

**ББК 63.3
УДК 94**

ISBN 978-5-4444-1404-0

© Захаров А.П., 2013
© ООО «Издательство «Вече», 2013

НАПУТСТВИЕ

Открывая новую книгу, мы словно открываем для себя дверь, за которой уходит в прекрасный неизведанный мир неведомая пока дорожка. На ней, вначале едва приметной под пылью веков, случаются удивительные открытия, бесценные находки, неожиданные встречи.

Неленивому и любопытному, дерзнувшему окунуться в древние волны книжного моря, чтобы познать его сокровенные тайны, адресовано это напутствие. Мне, его автору, немало пришлось потоптать поисковых троп, поплутать по книжным заулкам, прежде чем отважиться взяться за перо и написать эти строки.

Уже прошла дата, когда нашему А.С. Пушкину исполнилось двести лет. С позиций сегодняшнего дня, оценивая доставшееся нам его литературное наследие, мы вновь и вновь убеждаемся, что знаем о нем далеко не все. Пушкин — наше все, — сказано было в веке девятнадцатом. Пушкин — наше все, — подтверждаем мы и в начале двадцать первого, упуская при этом, что, несмотря на многочисленные исследования, всего о нем мы до сих пор так и не знаем.

Для большинства из нас Пушкин был и остается великим русским поэтом. Между тем такое представление о его творчестве несколько односторонне. Многие, даже самые искренние почита-

тели Александра Сергеевича, не подозревают, что после роковой дуэли на Черной речке мировая культура потеряла не только великого поэта, язвительного вольнодумца и друга декабристов, но и талантливую историографа в самом начале его пути.

И неизвестно еще, насколько трагически отозвалась эта потеря на нашей российской судьбе: не везло с историками нашей многострадальной Родине. Не то чтобы России не хватало талантов — серьезных и глубоких трудов по нашей истории предостаточно. Но при всей их научной основательности они страдают от скупости языка и сухости изложения, а потому малопривлекательны для неподготовленного читателя.

Совсем не то Пушкин. Жаль, что не много успел он на этом поприще. Как знать, какое влияние на историческую науку и наше самосознание смог бы оказать его гений, не случись трагической дуэли. Биография Радищева, записки о Ермаке, камчатском Атласове, история Пугачевского бунта — все это написано основательно и прекрасным литературным языком.

Наставником Пушкина в истории государства Российского с полным основанием можно считать Н.М. Карамзина, с семейством которого Александр Сергеевич был дружен. Под влиянием Карамзина у Пушкина окончательно сформировался еще в лицейские годы зародившийся интерес к делам давно минувших дней. Этот его интерес сверкнул в самой первой поэме «Руслан и Людмила» и окончательно проявился в «Полтаве», «Арапе Петра Великого», «Борисе Годунове» и даже некоторых сказках, во многих деталях обязанных своим появлением крестьянке с финской мызы Суйды под Гатчиной — Арине Родионовне, крепостной Ганнибалов.

Не отрицая роли лицейского воспитания и ближайшего окружения на формирование духовного мира и мировоззрения Пушкина, попробуем кратко оценить общественную ситуацию в стране, несомненно оказавшую влияние на его творчество. Не будет ошибкой утверждение, что явление миру пушкинского

героя было во многом predetermined необычайным расцветом культуры и науки, переживаемым Россией в начале девятнадцатого века. В этот период русское общество, еще не растерявшее лучших традиций екатерининской эпохи, переживает подъем науки вообще, и в особенности исторической и географической.

Неоценимое по значению для просвещения России имело высочайшее утверждение представленного М.М. Сперанским Положения о Лицее, одним из первых учеников которого суждено было стать Саше Пушкину. В Царскосельском лицее собрались блестящие по тому времени преподаватели географии, астрономии, естественной истории, всеобщей истории. Библиотеку Лицея укомплектовали самыми современными учебниками и книгами, способными возбудить тягу к знаниям.

В эти же годы Россия, словно наконец осознав, что могущество ее должно и может прирастать за счет дальнейшего освоения и колонизации неизведанной сибирской провинции, повернулась к ней лицом. Одна за другой отправляются хорошо снаряженные экспедиции в полярные моря, глухие тундры и пустынные степи. Обе русские столицы жили предвкушением великих открытий и жадно ловили скупые, порой фантастические вести из сибирского царства.

А в ссыльнокааторжной Сибири особых перемен не чаяли, жили сыто, сонно, терпеливо сносили самодурство наместников и мздоимство чиновников, не особенно печалась об интересах метрополии. Сибирь следовало встряхнуть как следует, ссылав для нее новую метлу — прогрессивного генерал-губернатора.

Так уж было заведено в России, что если прогрессивный, то обязательно и опальный. А опальному в Сибири самое место. Такой репутацией обладал М.М. Сперанский, тот самый, кто стоял у колыбели Лицея и предлагал план конституционного преобразования России, считался страдальцем и борцом за правду. Сибирь ему была суждена. Однако Сперанскому по-

везло явиться в Сибирь не с каторжным этапом, а в качестве ее генерал-губернатора.

Множество толков вызвало это назначение, а уж какие последствия! Волны от этого камушка докатились и до престольной Москвы, и до столичного Санкт-Петербурга, всколыхнув благородное общество. Еще бы! В итоге его ревизий два губернатора и сорок восемь чиновников пошли под суд, шестьсот восемьдесят пойманы на злоупотреблениях, сумма исков к ним достигла трех миллионов рублей.

Новый генерал-губернатор вызвал большое недовольство в столице вновь изобретенным наказанием для мздоимцев: ссылкой проштрафившихся чиновников из Сибири в Москву и Петербург. И если двор был недоволен, то в салонах и гостиных недавние сибирские разбойники воспринимались как романтические герои. Одного такого удачно изобразил Грибоедов в комедии «Горе от ума»: «...дуэлист, в Камчатку сослан был, вернулся алеутом и крепко на руку нечист...»

Строки эти относятся к одному из близких друзей А.С. Пушкина Федору Ивановичу Толстому по прозвищу Американец, который побывал на Алеутских островах и посетил дикие племена Российско-американских колоний. Дома он одевался по-алеутски, а стены комнат его были увешаны оружием алеутов. Женат он был на цыганке. Человек сложный и своеобразный, Ф. Толстой входил в круг друзей Пушкина, дружил с князем П.А. Вяземским, К.Н. Батюшковым, был хорошо знаком с В.Л. Пушкиным, Е.А. Баратынским, В.А. Жуковским, князем А.А. Шаховским и другими писателями. Осенью 1826 года у А.С. Пушкина едва не произошла с ним дуэль, но затем они помирились и даже подружились настолько, что Пушкин избрал Толстого посредником при своем первом сватовстве к Н.М. Гончаровой. Талантливый и остроумный рассказчик, Толстой не раз описывал в кругу друзей свои фантастические сибирские похождения. Впрочем, в рассказчиках подобного рода

недостатка в светских гостиных не было: представители почти всех знатных родов прошли через сибирскую службу.

Среди близких знакомых А.С. Пушкина была еще одна неординарная личность, связанная с Сибирью неразрывными узами. Речь идет о популярной писательнице, умнейшей и несчастной женщине, Фроловой-Багреевой, дочери самого М.М. Сперанского. Между Пушкиным и Фроловой-Багреевой сложились теплые взаимоотношения, позволявшие ей время от времени устраивать головомойки легкомысленному поэту. Взаимная симпатия возникла на основе общих литературных интересов. Поклонница творчества Пушкина Фролова-Багреева писала о его поэме «Руслан и Людмила» отцу в Тобольск. Сперанский лестно отозвался: «Я так же, как и ты, заметил сей метеор. Он не без предвещения для нашей словесности»...

Среди лицейских друзей Пушкина замечен Алексей Демьянович Иличевский — сын томского губернатора. По окончании Лицея он получил назначение в родную Сибирь, на службу в Тобольский почтамт. На службе в Тобольске Иличевский пробыл недолго и в 1822 году возвратился в Москву, затем в Петербург, где вошел в круг литераторов и поддерживал дружеские отношения с Пушкиным. Одновременно с Иличевским, Батеньковым, Калашниковым в свите Сперанского в Тобольске служил еще один сибирский знакомец Пушкина — Василий Дмитриевич Корнильев, происходивший из семьи тобольских купцов, издателей журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», и женившийся в 1828 году на сестре сибирского генерал-губернатора И.И. Пестеля. Сохранилось письмо М.П. Погодина к князю П.А. Вяземскому и личная записка А.С. Пушкина, подтверждающие личное знакомство Пушкина с Корнильевым. Очень близко был знаком Василий Дмитриевич и с отцом поэта — Сергеем Львовичем.

Естественно предположить, что и Пушкин получал информацию о Сибири и от своих добрых приятелей. Сквозь полусказочный ореол смутно рисовались в его воображении бескрайние

просторы сибирского царства, отважные первопроходцы, дикое туземное население, страшные языческие боги, первобытная природа. Рука сама тянулась к перу...

Попробуем и мы пройти его дорогой, чтобы взглянуть на Сибирь с позиций пушкинского времени. Мы используем источники, к которым мог иметь доступ поэт, очертим круг его сибирских знакомых, просмотрим личную библиотеку и переписку с друзьями¹.

Приглашая на этот путь вдумчивого и внимательного читателя, я отнюдь не собираюсь навязывать ему свое мнение. Наоборот, если где-нибудь на распутье, поразмыслив каждый на свой лад, мы разойдемся своими стежками, беды не будет, поскольку каждая из них неизменно приведет нас к знанию.

Решившись на роль поводыря-краеведа, автор постарался в пределах разумного бережно отнестись к документам и свидетельствам былого, пытаясь передать своим новым спутникам по тропе аромат дыхания далекого прошлого. Отсюда местами длинные цитаты и скупой на эмоции язык повествования. Но без этого не может быть настоящего краеведения.

Итак, если вы не передумали, присядем на дорожку и соберемся с силами: впереди путь долгий. Для автора он начинался лет двадцать назад. Было это так.

¹ Именно эту суперзадачу книги не разглядел в общем-то доброжелательный критик второго издания книги С. Пархимович (Ваш проводник — Аркадий Захаров. «Лукич», № 3, 1999. Тюмень), укоряя автора в игнорировании современных научных источников, и потому в неточности некоторых сведений. Автор сознательно пошел на этот прием, чтобы увидеть Сибирь глазами обывателя из XIX века, повторить путь формирования в его сознании сказочного образа территории и с этих позиций оценить некоторые пушкинские произведения. Автор искал родственные связи Бабы-Яги, но никак не самое Сорни-най. Хотя и такой эпизод в его поиске имел место.

ВСТУПЛЕНИЕ НА ТРОПУ

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело
делается.

Народная мудрость

Вполне вероятно, что эти строки так никогда и не были бы написаны, если бы не целая цепь удачных случайностей и удивительных совпадений, которые и подвигнули автора к вступлению на дотоле неведомую ему дорожку, уводящую в туманную и загадочную область — краеведение.

Первым подтолкнул меня на этот полный неожиданностей и замечательных находок путь мой бывший однокурсник, хант, родом с таежной реки Конды, Алексей Сургучев, который однажды в минуту откровения заикнулся о спрятанной в глухой кондинской тайге Золотой Бабе — священном идоле древнего населения Западной Сибири.

Заикнулся и замолчал. Но я уже понял, что случайно прикоснулся к чему-то очень важному, и не отступил, пока слово за словом не вытянул из Сургучева давнюю и удивительную историю. По старинной легенде, поведенной моему другу отцом-охотником, в озерной системе к северу от поселка Согом, что притаился в хантыйской тайге, есть заплывшее бездонной

трясиной озеро с лесистым островком посередине. Этому потаенному островку старики доверили сохранить великую тайну Югры — Золотую богиню народов ханты и манси. Некогда знаменитая богиня скучает там в одиночестве, забытая и недоступная непосвященным. Трясина преодолима лишь несколько дней в году, когда вешние воды покрывают окружающее болото и по нему можно проплыть на легкой долбленной лодочке. Но и тогда остров отыскать непросто. Ветер отрывает от берегов целые торфяные поля вместе с деревьями и кустами и гоняет их по озеру, постоянно меняя его очертания.

Даже если посчастливится наткнуться на потаенный остров, то высадиться на него из-за топи не просто: подводный настил известен немногим старикам. Зимой трясина не замерзает и мокрый снег лишь прикрывает топь и не выдерживает лыжника. Гнилая вода выступает и намерзает на лыжи пудовыми коростами. Только в сильнейшие морозы, когда снег смерзается в толстый наст, болото можно преодолеть.

Приехавшего на лодке паломника натоптанная тропинка выводит на укромную поляну с кострищем и огромным медным котлом. В небольшом амбарчике на столбах — ритуальные принадлежности, маски, жертвенные стрелы. На сучке березы — два десятка деревянных ложек. Ветерок треплет разноцветные ленточки на ее ветвях. Из глубины поляны из-под развесистых еловых лап мрачно глядит лупоглазая Золотая Баба, по пояс вросшая в земляной холм. На каменном плече Бабы греются зеленоватые ящерки...

В недавние времена собирались к ней ханты и манси на ежегодный праздник женского духа, чествование матери-прародительницы обских угров. Здесь после шумных шаманских камланий убивались жертвенные олени и богиню ублажали свежей кровью. Жертвенное мясо варили и съедали, а в освободившийся котел снова наливали воду и, когда она закипала ключом, бросали

в нее дары Золотой Бабе: монеты, кольца, бляшки и украшения. Кипяток вместе с дарами выливали к подножию идола и присыпали землей. За долгие века холм приношений дорос бабе до самого пупа, и никто не может сказать, какие богатства таятся в его недрах. Из-за этих сокровищ и прозвали угры своего обожаемого идола Золотой Бабой или на их языке — Сорни-най.

Слухи о богатствах Золотой Бабы издавна ходили по тайге и временами доносились до ушей, которым совсем не предназначались, разжигая алчные страсти. Но, как уверяли старики, чужеземцу, увидавшему священное капище, суждена была скорая и неминуемая смерть. В двадцатые годы на жертвенное место случайно наткнулся недобитый колчаковский отряд. Бандиты, сколько смогли, разгребли смерзшийся холм и ограбили идола. Обозлившись, они надругались над богиней и отбили ей руку. Однако стража богини подняла окрестные стойбища и ни один из осквернителей не ушел. Главаря колчаковцев, полуживого, привезли к богине и, привязав за ноги к склоненным молодым березкам, разорвали надвое, чтобы свежей человеческой кровью смазать языческому истукану его каменные увечья.

С тех пор стоит в тайге югорская мадонна одна-одинешенька и стережет свои несметные сокровища...

Сознаюсь, слушая своего приятеля, я поначалу не очень ему верил. Видя, что я посмеиваюсь, Алексей обиделся, полез в шкаф и предъявил в доказательство обширную переписку с Институтом этнографии. Специалисты не только не сомневались в существовании Бабы, но и грозились в ближайшие годы нагрянуть с экспедицией. С вызовом экспедиции не шутят: если Алексей решился на такое — значит, имеются серьезные основания. Пришлось поверить Сургучеву и припомнить всякого рода каменных истуканов.

Сначала пришли на ум скифские каменные бабы южных степей, из которых когда-то ушли уральские угры. Потом вспом-

нился сидящий в позе лотоса Будда. Что с того, что Сургучев ничего не знает о его ногах и коленях — сам же он утверждает, что Баба выросла в земляной холм. Изображения Будды всегда женоподобны и могут быть приняты за плоскогрудую женщину. Вдруг колени и ноги сидящего по-турецки истукана засыпаны дарами и землей? Значит, прячется на острове не Золотая Баба, а алтын бабай (дорогой старик), занесенный в Сибирь татаро-монгольскими племенами еще в незапамятные времена и ставший со временем главным божеством Югры? Существует же у хантов представление о посмертном переселении душ, как в ламаистской религии...

Или это античная мраморная богиня, вынесенная уграми из их совместного с готами похода на Рим и попавшая потом за Урал — какая-нибудь Венера-охотница? Внутренне распалившись, я так и пристал к Сургучеву с расспросами в стремлении уточнить внешний облик богини: как выглядит красивая ли. Да, видимо, он и сам немного знал. «Баба как баба, — отвечал он, — голова, грудь, рука, правда, одна осталась. Конечно, красивая, она же мать наша! Если хочешь, поедем, поглядим — я знаю, где она спрятана».

Хотел ли я! Да кто из нас не мечтал об островах сокровищ, не жаждал опасных приключений, не искал славы первооткрывателя сокровенных тайн. Конечно же я хотел найти Золотую, или пусть даже каменную, языческую богиню. Появился убедительный повод вновь посетить милый моему сердцу Север, подышать тайгой, проплыть по черной воде извилистых речушек. Но не праздным туристом, каких развелось и шатается множество, а в роли исследователя югорской старины. Я готов! Молодому в путь собраться — только подпоясаться. Других же причин, сдерживающих экспедицию, у нас с Алексеем, к счастью, не оказалось.

До лета оставалось достаточно времени, и, чтобы не упустить его зря, я засел в библиотеке за изучение остяцкой демоноло-

гии, в надежде подковаться теоретически и наткнуться на следы золотого идола.

Мир остяцких демонов оказался на удивление разнообразно и густо населенным. Ввел в него меня березовский краевед прошлого века.

В сороковых годах прошлого века жил в затерянном среди снегов и лесов Сибири городке Березове смотритель городского училища Н.А. Абрамов. К службе на ниве просвещения он относился ревностно, а все свое свободное время отдавал изучению истории и географии этого глухого угла Российской империи, знаменитого как место ссылки некогда всемогущего сподвижника Петра I Александра Даниловича Меншикова, его детей и князей Долгоруких.

Смотритель училищ, не жалея сил, ездил по Березовскому уезду, включавшему огромное пространство, начиная от Туринского, Тарского и Тобольского округов до нижнего течения Оби и Ледовитого океана и без усталы рылся в церковных и городских архивах, собирал статистические, географические и этнографические сведения, записывал местные предания. Во многих статьях, написанных Абрамовым, с неизменной симпатией описывается образ жизни, обычаи, верования и предания остяков и самоедов. Среди работ Абрамова, отмеченных Русским географическим и археологическим обществами, наиболее значительное место занимает «Описание Березовского края», созданное как результат личных изысканий автора, документов березовского архива, а также «верных преданий березовских жителей».

Свидетельствами Абрамова пользовались видные сибирские историки, такие как П.А. Словцов, а мне, тогда начинающему краеведу, сомневаться в его трудах и тем более не пристало. Чем более я вчитывался в «Описание Березовского края», тем более убеждался, что в рассказах Алешки Сургучева есть какая-то доля истины.

Уездный смотритель училищ сообщал о множестве остяцких болванов: «Близ нынешней деревни Белогорской, в 35 верстах ниже Самарова, была нагая деревянная женщина, сидевшая на стуле под березою. Остяки называли ее Большой богинею. При завоевании Сибири она приказала будто бы остякам схоронить себя, по иным же преданиям, она сама бросилась в Обь.

На устье Иртыша находилось капище с идолом, коего называли Обской старик (Ас-иге, или Ега-иге), божество рыб. Он имел вид человека, с безобразным лицом и рогами, жестяным носом и стеклянными глазами. На нем было несколько одежд, и сверх их — кафтан из красного сукна. Вокруг кумира лежали лук, стрелы, копье и кольчуга. По сказанию остяков, это их божество нисходило в бездны вод и вело войну с подводными божествами; проходило большие и малые воды и своею властью отпускало промышленникам столько рыбы, сколько кто заслужил усердием в приносимых ему жертвах. Празднование Обскому старику было в мае месяце при открытии рек. По окончании первого рыбного промысла остяки, соревнуясь друг с другом, приносили идолу жертву: взяв самую жирную часть из лучшей рыбы, намазывали ею все лицо идолу, приговаривая: ешь, наш добрый бог, и на другое время дай больше рыбы.

В Шоркарском городке было капище, посвященное идолу Ортику, который имел серебряное лицо, деревянную голову, вместо туловища — мешок, набитый мягкой рухлядью (мехами. — А.З.), руки — суконные рукава, ног не было. Кумир одет в суконный кафтан и поставлен в переднем углу капища на возвышении в виде стола. Его почитали другом и помощником Торыма.

Мастер, или Мастерко, находился близ нынешнего села Троицкого. В переднем углу капища, посвященном этому идолу, стоял большой мешок, набитый мешками разной величины и сверху туго завязанный. Посередине мешка спереди была

привязана серебряная тарелка: вот изображение Мастерка (на тарелке? — А.З.). Его почитали помощником Ортика, вестником воли высших божеств и божеством здоровья. Больной, просивший от Мастерка помощи, должен был сшить ему мешок из холста, сукна или другой ткани, но не из кожи. Усердные клали ему серебряные вещи и деньги...

В Белогорских юртах, на берегу Оби, было капище и в нем медный гусь, божество птиц. Седалище ему было устроено в виде птичьего гнезда. Остяки верили, что сей боготворный истукан легким и скорым летанием загоняет птиц в те места, где почитатели его занимаются птицеводством.

В одном капище с ним был другой идол, самый главный у остяков и вогулов, но при обращении их в христианскую веру, в 1712 году, он унесен на реку Конду к вогулам и там скрыт в отдаленности глухих лесов.

Обдорский край имел своих идолов: Золотую Бабу, которую почитали пермяки до своего крещения. В 70 верстах ниже Обдорска находились два идола: один в мужском, а другой в женском одеяниях, с особенными украшениями в остяцком вкусе. Одежды их обложены были разными мелкими металлическими фигурами; на головах же было по серебряному налобнику. Каждый идол стоял в особом капище при одном избранном дереве.

Остяки, проезжая водою мимо них, старались держаться середины реки, чтобы веслом не коснуться до берега и тем не разгневать божества. Томимый жаждой не осмеливался ни напиться воды, обтекавшей обожаемое место, ни вырвать близ него травы, ни сломать деревца. При народных бедствиях, как, например, при повальных болезнях, при неулове рыбы или зверя, при падеже оленей и проч., были общие жертвоприношения. Главный шаман предварительно отправлялся к одному из идолов, входил в капище и вопрошал его о жертвах, после чего объявлял волю божества».

Обдорский край имел своих идолов... Художник А.Г. Визель

Много еще написал Абрамов о загадочных остяцких идолах и диких для нас жертвоприношениях им. Всего не пересказать, да и не в этом моя задача. Однако и из приведенного отрывка можно заключить, что в треугольнике между Кондой, Иртышом и Обью еще недавно процветала богатая языческая культура и

приносились обильные пожертвования кумирам. В этот район и заманивал меня Сургучев на поиски Золотой Бабы, о которой Абрамов сказал до обидного мало. Чтобы не впасть в ошибку, приняв на веру Алешкины заверения, следовало попытаться разузнать подробнее об этом таинственном и тщательно оберегаемом божестве обских угров, известного под именем Золотой Бабы.

Скудные известия о ней на страницах летописей и книг оказались на редкость запутанными и противоречивыми.

Первое сообщение о великой богине уральских племен донеслось через толщу веков, как ни странно, с берегов далекой Исландии, где в конце XIII века правил варяжский конунг и летописец Снорри Стурлуссон, отважный и просвещенный властелин, оставивший после себя непреходящей ценности литературный и исторический памятник — собрание древних нормандских саг, под названием «Круг Земной».

В саге об Олафе Святом, описывающей события 1016—1028 годов, рассказано о походе братьев Карли и Гунстейна в северную страну бьярмов (пермов?). Вел их викинг по имени Торир-собака. По окончании торго с бьярмами, накупив белых, боровых и соболиных мехов, Торир предложил своим спутникам пограбить могилы и капища бьярмов: «Торир сказал, что есть такой обычай, что если умирает богатый человек, все его имущество делят между умершим и наследниками. Мертвому достается половина или треть, но иногда еще меньше... Они оставили людей охранять корабли и сошли на берег. Сначала они шли по равнине, потом начались большие леса. “Сдирайте с деревьев кору, — сказал Торир, — так чтобы от одного дерева всегда можно было видеть другое”. Они вышли на большую поляну. Середина поляны была огорожена высоким частоколом. Торир сказал: “Здесь внутри ограды есть курган. В нем золото и серебро перемешано с землей. В ограде стоит

также бог бьярмов, который называется Йомали. Пусть никто не смеет его грабить”. Они пошли к кургану и выкопали из него столько сокровищ, сколько могли унести в своих одеждах. Потом Торир сказал, что пора возвращаться обратно. Все побежали к воротам, а Торир вернулся к Йомали и взял серебряную чашу, которая стояла у нее на коленях. Она была доверху наполнена серебряными монетами... Ночи были светлые. Они плыли днем и ночью...»

Судя по описанию местности и обычаев бьярмов, можно сделать вполне определенный вывод, что герои саги побывали где-то в верховьях Северной Двины или Печоры, в древней Пермской земле, и Торир-собака ограбил, возможно, саму Золотую Бабу. Из того, что в саге не упомянут материал, из которого сделан идол, очевидна его обычность, не способная поразить воображение, — дерево или камень. Из того, что чаша с серебром стояла на коленях идола, следует, что идол был сидящим, а в приношениях ему основу составляло серебро. Именно серебру отдавали предпочтение перед другими металлами уральские угры, а древние пермские боги чаще всего ваялись сидящими. Как показали исследования, в основе варяжских саг лежали реальные события, и нет оснований сомневаться, что эпизод с ограблением Йомали был выдуман.

Косвенно это подтверждает и первый русский источник, в котором упомянута Золотая Баба, — летопись от 1398 года, посвященная кончине апостола Пермской земли епископа Стефана Великопермского: «Си бо святыи святитель, новый апостол Пермская земля, учитель веру утверди и грамоте их изучи, се бо блаженный епископ Стефан, божий человек: ни бога знающих, ни законов водящих, молящихся идолам, огню и воде и камню и Златой Бабе, и кудесникам и волхвам, и дровью... Боги их раскола ежи суть болваны истуканные, изваянные, вырезом вырезаемые...»

Пермяне берегли свое сокровище ...и, чтобы укрыть его надежнее от посягательств православных миссионеров, унесли идола через Урал в Сибирь, перетаскивая временами с места на место для конспирации.

Казымские ханты говорили: «Сорни-най у нас». Сосьвинские уверяли: «У нас». Юганские твердили: «У нас где-то». И только кондинские манси заявляли: «У нас ее давно нет. Ее куда-те утащили наши старики и потом умерли, никому не сказав. Теперь мы не знаем, где она спрятана».

Полученные сведения, прямо скажем, не вдохновляли. Совершенно случайно в одном из сельскохозяйственных журналов отыскалась статья старшего научного сотрудника НИИСХ Северного Зауралья В. Бухменова о находке в районе Согомских озер, неподалеку от мансийской деревни Нюркой, каменной статуи. Публиковалась даже ее фотография. Правда, из остатков камней автору статьи не удалось сложить скульптуры, потому что алчные и бестолковые кладоискатели, чтобы ее расколоть, калили ее огнем и поливали водой. В довершение перекопали и перерыли всю округу. Народная память сохранила и имя таежного Герострата: тобольский купец Сыромятников. И не стало вековухи — каменной бабы. Бесследно исчезли и фигурки ее стоявших когда-то рядом детей. Осталась только легенда: «На племя, что кочевало в верховьях Конды и Юконды, напали плохие люди. Спаслись лишь старуха с двумя детьми и какой-то зверь, на котором они ехали, пока не окаменели. С тех пор и стоят каменные: в болоте — животное, а на увале — старуха с детьми. Из болота вытекает Хой-речка, а таежный урман, шумящий над каменной бабой, — зовется “Старухиным мысом”».

С этой новостью и поспешил я к Алексею Сургучеву: «Оказывается, давным-давно обнаружили и расколотили Золотую Бабу, а ты и не знал!» — «Почему не знал? — не огорчился Алексей. — Знал, мне о ней отец и дядя рассказывали. Не

настоящая эта Баба, а подсадная, вроде утиноного чучела. Ее для отвода поповских глаз поставили и подарков ей совсем не давали. Говорят, везли ее с верховьев Конды в большой лодке. На несколько дней пути впереди нее спешили гонцы с приказом всем жителям Конды на время уходить в глубь тайги... Никто не должен видеть Бабу, никто не должен знать, где она остановится. Заслушание — смерть. Снимались с рыбных угодий стойбища и откочевывали на время. Вскоре вся тайга узнала, что Баба приехала на Конду. Прознали про нее русские и поверили, что она и есть главная, которую Золотой звали. Обманули их наши шаманы как весеннего селезня — подсунули фальшивую. А настоящая Баба шибко надежно захоронена, однако недалеко от подсадной...»

И настолько убедительно изложил мне Сургучев свою версию, что я незаметно для себя проникся доверием к его рассказам об идолах. Вдобавок все прочитанное мною косвенно подтверждало его правдивость.

Неразгаданная тайна тревожила и распалаяла воображение, взывала к действию и в конце концов привела летом 1979 года меня, моего друга из Нягани Владимира Романова и рекомендованного нам Сургучевым проводника А. Собрина в дебри реки Конды на поиски Золотой Бабы.

...Едва забрезжил рассвет, как в утренней прохладе над водой появились молочные прожилки, поплыли белые клочья, которые густели и наливались на глазах. Воздух набухал влагой, очертания недалеких кустов расплылись в белесой мути, робкие звуки утра погасли в ее рыхлой вате, и наконец, все поглотила в себе такая густая туманная пелена, какая бывает только на Конде под осень.

Когда я вознамерился проверить лодку и пополз из палатки, меня не пустил Собрин: «Уйдешь — пропадешь в тумане и сгинешь, как не раз бывало. Лежи и жди, пока ветром его не

развеет...» Нам повезло — туман растаял, мы погрузились, и вот наша «Казанка» уверенно глиссирует по черно-коричневой остывающей воде. Экипаж, включая здорового бестолкового кобеля Бурьку, устраивается поудобнее: уверения Собрина, что плыть недалеко, всерьез принимать не приходится — для него сто километров не расстояние.

После тревожной ночи под равномерный гул мотора хорошо дремлет, но Собрин бодрствует на руле, по одному ему известным приметам угадывая фарватер.

Под вечер лодка ткнулась носом в твердую на вид песчаную косу возле устья неширокой таежной речки. «По этому истоку завтра попадем в большое озеро, — сказал Собрин, заглушив “Вихрь”, — из него по протоке проскробемся в другое и пошарим на островах».

Северяне в слово «исток» вкладывают значение, еще не рас-толкованное словарями. У них оно означает нечто вроде «потока воды, истекающего из одного водоема в другой». Не река, но и не ручей. Как и все таежные речки, найденный нами исток имел крутые берега, большую глубину и массу спрессованного мусора и деревянного лома, начиная почти от самого устья.

Сквозь густые береговые заросли тальника мы с Володькой с трудом продрались к завалу. Оказалось, что весь сор и плавник держатся на двух упавших с противоположных берегов истока деревьях, образовавших своего рода плотину из веток. Но что странно: стволы не сами рухнули и не ветер их свалил, а оказались специально подрублены.

Уже в сумерках, с помощью топоров и мотора, нам удастся пробиться сквозь завал. От нависающих над руслом ветвей в истоке темно. Ловлю себя на мысли, что с неба его не видно. На самых малых оборотах, то и дело задевая винтом за подводные препятствия, продвигаемся вперед, пока не упираемся в очередной непроходимый завал. «Опоздали, — ворчит Романов, — надо

было по большой воде, в июне. Сейчас намучаемся...» Собрин же, осмотрев завал, устало командует: «Ночевать надо. Доставайте примус — костер жечь не следует. Спать будем в лодке — так безопаснее...»

Среди ночи нас разбудил отчаянный, злобный лай привязанного на берегу кобеля. Бурька раньше так никогда не лаял. Поспешно зарядив ружья, стреляем в воздух, но пес не унимается и, оборвав поводок, исчезает в тайге. Его ожесточенный лай вскоре затихает в отдалении. Рассвет не наступал мучительно долго.

Утром Собрин долго искал и изучал следы. Вернулся мрачный и, прихлебывая у костра чай, неожиданно заявил:

— Однако смелая собака была. Жалко, что пропала. Подождать бы надо — вдруг вернется.

— А кто приходил ночью?

— Не знаю, так маячит. — И, помолчав немного, непоколебимо добавил: — Я, однако, ждать останусь. Дальше идти нельзя — тайга знак дает.

Переубеждать его — дело бесполезное, и, посоветовавшись, решаем пробиваться к островам вдвоем.

Завалы на истоке следуют один за другим. Преодолев один, мы упираемся в следующий. Иногда пытаемся форсировать небольшие завалы с ходу. Изредка это нам удается, но большей частью мотор резко откидывается, ревет, винт хватает воздух, снова погружается, раздается треск, и двигатель развивает бешеные обороты — опять срезало предохранительный штифт. И все же, меняя штифты и винты, понемногу продвигаемся, пока не упираемся в совершенно непреодолимый завал.

Как и самый первый, он оказался рукотворным. Вода струилась через него небольшим водопадом. Осмотрев препятствие, решаем обойти его по берегу. Только водномоторник может понять, какой это нелегкий труд!

Лишь на следующий день мы одолели «ломоватый исток». Сквозь узкое, зарастающее тальником горло истока, раздвигая бортами кусты, лодка вырвалась на залитый солнцем озерный простор, нечаянно распугав огромный табун уток.

Собрин указал нам надежные ориентиры, и, порыскав немного вдоль берега, мы нашли протоку в другое озеро. Она оказалась мелкой и не широкой, но зато совершенно свободной от завалов. Выйти для отдыха на топкий берег нам не удалось, и того вожделенного озера, на поверхности которого бугрилось несколько островков, мы достигли вконец измотанными. Обрадованно даю полный газ и правлю к ближайшему острову. Лодка сначала уверенно глиссирует, но затем сбавляет ход, гонит перед собой мутную волну, мотор натужно буровит винтом черную грязь и, наконец, захлебывается. Лодка, осев, увязает в жидком сапропеле, слегка прикрытом тонкой пленкой воды. Влипли! Понятно, почему Собрин остался.

О движении вперед не может быть и речи. Весло уходит в ил по самую рукоятку, но так и не упирается в дно. Пробуем, действуя веслом как лопатой, прокопать в грязи перед лодкой подобие желоба, чтобы хоть немного продвинуться назад. С трудом, но получилось. И так, метр за метром, почти сутки мы преодолевали ту четверть километра, что с ходу проскочили за пару минут. Вконец обессиленные, с перегретым мотором мы возвратились на первое озеро и до бесконечности долго искали горло истока. Не знаю, сколько бы мы проискали выход, не заглохни мотор. В наступившей тишине мы услышали отдаленное журчание водопада в истоке. Не буду рассказывать, как мы добирались назад, как радовались встрече с Собриним и печалились потере собаки. Мы тогда так утомились, что и вспоминать не хочется. А вот ощущение, что мы были близки к разгадке какой-то тайны, не покидает меня и сегодня.

Когда мы допытали Собрину, почему он не пошел с нами на остров, тот очень серьезно ответил:

— А если бы вы пропали в тайге? Кто бы ваш розыск организовал? С тайгой, парень, не шутят — в ней всяко бывает, подстраховка нужна: собака вон бесследно сгинула.

— На будущий год, по разливу, снова сюда приеду, — заявил Володька.

— По разливу этот исток непросто найти — все кусты в воде стоят. Да до весны еще и дожить надо, — охладил его пыл Собрин. — Соберемся ли мы еще раз... Комполен нас пускать не хочет.

— Какой такой комполен? — удивился я.

— Слуга Золотой богини, — приглушенно ответил охотник. — У нее три хранителя: водяной, змей и комполен — лесной человек.

Помню, я недоверчиво ухмыльнулся, не поверив собринским суевериям, а он, заметив мою ухмылку, обиделся и не сказал больше ни слова. А может, просто посчитал, что напрасно проговорился о своей таежной тайне, которую посторонним доверять не следует.

Осенью он утонул при непонятных обстоятельствах. На этом закончились мои практические поиски Сорни-най. Но волею случая оказавшись на тропе поиска, я уже не смог сойти с нее и продолжил поиски следов югорской богини в литературных и исторических источниках. Конечно, я не мог и предполагать, что, достаточно попетляв, тропа эта выведет меня к чудесному Лукоморью. Но прежде пришлось перелистать горы книг. На мое счастье, если чем оказалась и богата наша Тюмень, так это библиотеками. Те самые сибирские коммерсанты, которых принято изображать полуграмотными самодурами, на деле были столпами, на которых держалось просвещение, культура и технический прогресс сибирской провинции. Это купцы стояли у колыбели сибирского книгопечатания, это они построили коммерческое и реальное училища, это на их средства собирались фонды лучшего

в Сибири краеведческого музея и даже кормилась в Швейцарии группа «Освобождение труда». Много их было. Но остановимся на одной фамилии — Текутьев, поскольку именно он приложил руку к основанию городской библиотеки, получившей название Пушкинской.

Городской голова купец Текутьев в Тюмени слыл человеком высокообразованным и просвещенным, поскольку содержал свой театр. При театре в 1989 году открылась первая в городе бесплатная публичная библиотека. А поскольку торжественное открытие приурочили к 100-летию со дня рождения А.С. Пушкина, библиотеку назвали Пушкинской. Накануне революции ее фонд составил около пятидесяти тысяч томов.

После революции национализированные библиотеки реального училища, клуба приказчиков, рабочего клуба и другие объединили с частью пушкинской и разместили в бывшей Спасской церкви, которая приютила книги на долгое время, пока безудержно прибывающий поток литературы не заполнил до краев старые стены, почти не оставив места читателям и служащим книжного культа.

И тогда, как гласит предание, отцы областной культуры стали «принимать меры». Для начала ликвидировали тюменское книжное издательство, в надежде приуменьшить приток книг в хранилище. С этой частью программы «отцам» удалось справиться довольно легко. А чтобы снизить эффект от достойной геростратовой славы акции, в спешном порядке приступили к строительству новой библиотеки.

Результат превзошел все ожидания: город получил прекрасный храм культуры и науки, а заждавшиеся читатели смогли наконец добраться до годами пылившихся в фондах и недоступных по чисто техническим причинам книг. Словом, мне повезло.

Однако вопреки ожиданиям интересующих меня книг оказалось немного.

— А вы не пробовали обратиться в МБА? — пожалела меня дежурная зала каталогов.

— МБА? — удивился я.

— МБА, — подтвердила дежурная. — Это наш новый отдел — межбиблиотечный абонемент. Через него вы можете заказать необходимую книгу из любой библиотеки Союза. Обратитесь там к Калининой...

Повторять не пришлось.

Заведующая отделом МБА недолго изучала представленный мной список. Затем испытующе оглядела меня и заинтересовалась:

— Золотую Бабу ищите?

Я не знаю отчего смутился и попытался оправдаться.

— Уже пробовал, не получилось. Теперь хочу просто побольше разузнать о ней, чтобы не искать, не зная что.

— Многие на ней себе шею свернули... Если дадите слово, что искать ее больше не будете, так и быть, помогу вам.

Я клятвенно заверил, что искать никаких баб в тайге больше не буду и в мои жизненные планы поиск Золотых Баб никак не вписывается.

Заведующая усмехнулась моим уверениям и достала тетрадку:

— Здесь у меня подобрана небольшая библиография этой темы. Попробуем заказать. А пока... Вы Льва Теплова читали? Нет? О, это большой энтузиаст поисков Золотой Бабы. У нас в зале периодики есть его статья...

И вот я держу в руках журнал «Знание — сила». Да, основательно поработал журналист Теплов. На Конде, как и у нас с Володькой, его поиски не увенчались успехом, зато в архивах тобольской консистории удалось отыскать кое-что: «В 1863 году священник Попов выведаль у хантов имена их главных святынь и послал в Тобольск донос. Самая главная святыня, писал Попов,

называется по-ненецки Яу-мал, затем идет камень Нумгатай в Тазовском заливе — видимо, метеорит, затем каменная статуя Погорма, фигуры из дерева Минисей, Хоругвай и Посоты...»

В доносе Попова поражает упоминание идола по имени Яу-мал. До него кумира по имени Яумал, или Юмала, Иомаль, Йомала, во всей мировой литературе упоминал лишь Снорри Стурлуссон. Но во времена Попова написанная за 800 лет до того сага об Олаве Святом была неизвестна в России и вряд ли читал ее в оригинале провинциальный священник. А потому такое совпадение далеко не случайно и должно иметь реальную основу.

Одно из дел тобольской консистории по розыску языческих шайтанов датировано 1757 годом: «Наши люди из Ендыря — Сергей Шерга и Иван Кольпаев, а также Алексей Пангль из Шапшиных юрт, люди все, судя по именам крещеные, ездят и собирают жертвы какому-то важному шайтану. Ендырь место глухое, это озеро (из системы Согомских) километрах в 50 к юго-западу от Белогорья, между реками Кама и Вынтья, и людей оттуда не нашли. Алексея Пангля призвали к допросу. И тут открылось, что на Конде умер самый главный шаман, а его вдова Гликерия Юдина живет в беззаконии с Василием Маткой. Вдова шайтанщика заботилась, чтобы род ее не прекратился. Хотя ее выселяли в Самарово, а потом даже увезли в Тобольский монастырь, оттуда ее украли. К тому времени она имела детей от Василия, и оба они считались уже “главными шаманами”».

Инструкция «кондинской миссии», составленная незадолго до революции, опять требовала от миссионеров немедленно разыскать идола, слывущего под названием Троицкого, к которому, как к центру идолопоклонства, стекаются отовсюду инородцы-самоеды и остяки-идолопоклонники и христиане. Троицкое — село рядом с Белогорьем, и неудивительно, что богопротивный идол с тайным именем получил христианское название — Троицкий.

Из перечисленных в документах названий мест и населенных пунктов, так или иначе связанных с местопребыванием таинственного идола, вытекало, что последнее его обиталище находилось поблизости от тех мест, на которые указал нам Алексей Сургучев. Похоже, что мы были близки от его убежища. Особенно отчетливо мысль об этом возникла, когда я дочитал до конца статью Теплова: «Старики Григорий и Парфентий Сургучевы были шаманы или связаны с шаманами Золотой Бабы, хотя один из них был даже председателем колхоза.

Однажды Григорий Сургучев, подвыпив, рассказал охотнику Кадулину: «Знаешь что, Кадулин, этот шайтан находится в покое. Никому и никогда его не найти. Есть маленький островок среди болот...»

Все совпадало с рассказом моего приятеля. Не напрасно предупреждала меня заведующая МБА не связываться с Золотой Бабой. Попав в сферу ее притяжения, я незаметно увлекся ее родословной, отдавая ее изучению все свободное время.

В процессе этой увлекательной работы совершенно неожиданно, но, как оказалось, вполне закономерно на первый план вылезла и, полностью заслонила первоначально избранную тему, завладела вниманием автора этих строк древняя, но вечно молодая и обаятельная Баба-Яга.

При знакомстве с этой северной ведьмой и ее нечистой родней выяснилось, что генеалогическое древо угасающего рода Яги, включающего славянскую Ладу, зырянскую Йома-Бабу, ненецкую Яумалу, югорскую Сорни-най и великое множество других идолов-богов, уходит корнями в древнее языческое прошлое народов нашей Родины.

Не только торжеству христианства, но больше изменению социальных устоев общества, повышению культурного и общеобразовательного уровня обязаны мы тем, что к началу грядущего века на генеалогическом древе язычества не засохла на

утешение детворе одна последняя ветвь — ветвь из сказочного леса Бабы-Яги.

Культуры множества племен и народов континента, соприкасаясь на перекрестках веков, взаимно обогащали друг друга, способствуя зарождению героини многих сказок — Яги. При обилии родственников у Яги совершенно явственно просматриваются родители — культуры славянская и угорская, контактам которых образ Бабы-Яги обязан своим появлением.

Однажды холодным вечером, как обычно, зашел я в библиотеку, чтобы занять привычное место в читальном зале. В фойе меня встретил плакат: «Клуб “Тюменская старина” проводит вечер “Сказки”». Тюменская старина меня как раз интересовала, а потому я заглянул на огонек.

В просторном конференц-зале я нашел общество далеко не детского возраста: артистов, художников, педагогов, студентов и пенсионеров. В роли главного сказителя выступал популярный на тюменщине писатель Геннадий Сазонов. Геолог по основной профессии, немало лет отдал он тундре и тайге и среди аборигенов Югры слыл своим. Желанному гостю доверяли предания, рассказывали сказки. Обработку одной из них он нам тогда прочитал.

— Сказка называется «Комполен» — злой дух леса, — так начал писатель. — Есть на реке Конде широкие разливы и болотистые места, называемые по-местному «туманы». Случаются там иногда густые и непроглядные туманы, попасть в который путнику — погибель...

Стоило мне услышать это вступление к сказке, как припомнились и туман, и манси Собрин, испугавшийся неведомого комполена...

Обстановка в зале сложилась самая домашняя, народ собрался исключительно симпатичный, и я тоже рискнул выступить с сообщением о предполагаемом родстве Золотой Бабы с Бабой-Ягой.

Вспомнилась мне моя дорогая бабка Марья Ивановна Разбойникова, которая бесконечную свою сказку «Как черти из неволи шли» всегда начинала присказкой: «В некотором царстве, в некотором государстве, под номером седьмым, под которым мы сидим, на гладком месте, как на бороне, жил-был царь Картоуз, он надел на голову арбуз, на конец — огурец и стал такой молодец, что ни в сказке сказать, ни пером описать...»

С этой забавной присказки я и начал свой рассказ о Золотой Бабе.

Когда вечер окончился, Геннадий Сазонов догнал меня в фойе и посоветовал:

— Напишите о своих изысканиях — должно интересно получиться. Если понадобится помощь — вот мой телефон...

Помощь мне вскоре понадобилась, но позвонить писателю я опоздал: его не стало. Однако именно с его напутствием отправился я по неведомой дорожке по следу Яги к далеким от сказки историческим реальностям, которая выведет меня в пушкинский мир, поможет отыскать на карте знаменитое Лукоморье, остров Буян, края, где живут царевны-лебеди и царевны-лягушки, где чудеса, где леший бродит...

В результате этих поисков написана эта книга, которая не может быть названа ни научной, ни художественной. Ее жанр можно определить как записки краеведа.

Верста первая

ЛЕГЕНДА О ЗОЛОТОЙ БАБЕ

(вместо присказки)

Угры приходили вместе с готами в Рим и участвовали в разгроме его королем вестготов Алларихом в 410 году. На обратном пути часть их осела в Паннонии и образовала могущественное Венгерское государство, часть вернулась на родину к Ледовитому океану и до сих пор имеет какие-то медные статуи, принесенные из Рима, которым поклоняется как божествам.

Юлий Помпоний. Лет. XV в.

В незапамятные времена, на рассвете новой эры, устав от затянувшихся войн с Китаем, от границ Тибета выплеснулись на просторы сибирских степей орды кочевников гуннов и растеклись по огромным пространствам, подчиняя и увлекая за собой кочевые народы, оттеснили в леса и болота более слабые финно-угорско-самодийские племена. Завоеватели перевалили через Рифейские горы (Урал), чтобы разграбить и потрясти

Европу и основать в Поволжских степях мощный Хазарский каганат.

А схожие по образу жизни и культуре финно-угорские племена, смешавшись с северянами-гиперборейцами, заселили безбрежные лесные массивы от Ботнического залива до Саян.

От нашествия гуннов остались у уральских угров воспоминания об ушедшем на запад племени степных угров-коневодов и, вероятно, золотая статуэтка буддийской богини-бодхисатвы, занесенная гуннами вместе с культом женского начала — йони. Привнесенному кумиру суждено было стать национальным сокровищем уральских и обских угров, известным под именем Йома-Бабы, или Сорни-най.

Занятые распрями, южные соседи на несколько веков оставили в покое укрытых за густыми лесами и широкими реками угров, предоставив им возможность спокойно заниматься подсечным земледелием, охотой и рыбной ловлей, вести неторопливую жизнь и поклоняться богам-идолам.

Такими их и застали в IX—XII веках славяне. Пришельцы обнаружили у лесных охотников, скотоводов и земледельцев культуру по уровню не только не ниже собственной, но и во многом превосходящую. В угорскую Биармию вели торговые дороги с востока и запада, из Ирана и Скандинавии. Слухи о ее богатствах и Золотой богине — Йомале шли по всему Древнему миру...

Язычники-славяне находили у язычников-угров идолов и богов, похожих на собственных. Когда же на грани первого тысячелетия Древняя Русь, под влиянием занесенной из Византии новой христианской религии, отеклась от старых богов и сожгла на днепровской круче дубового истукана Богини-Матери с ее сыновьями Лелем и Полелем, испуганно затаилось русское язычество, хоронясь на дальних окраинах, где в непроходимых делях последние волхвы еще сберегали старинных идолов, не спеша обменять их на лики непонятого Христа.

В Малой и Центральной Азии вошедший в силу ислам заставил склониться перед Пророком солнцепоклонников, посредством меча утвердился в аулах язычников каракитаев и столкнулся в кровавой сече с христианами несторианского толка монголами — найманами.

Напуганные жестокими карами за идолопоклонство, которые приверженцы Корана обрушивали на неверных, сохраняющих в своих домах изображения живых существ, практичные персияне повели караваны с посудой, оружием и украшениями в далекий северный край, где имелся достойный эквивалент — меха и где идолопоклонство всюду процветало.

На северо-западе воинственные норманны по примеру конунга Олафа отвернулись от кровавадного Одина, чтобы на перекрестии меча присягнуть Иисусу, который отнюдь не мешал хищным викингам в их кровавых набегах на соседей. Избороздив в поисках добычи все северные моря, самый коварный из них, Торир-собака, добрался до капища югорской богини Йомалы и едва унес ноги от разъяренных бьярмов.

Не дремали и предприимчивые новгородцы, снаряжавшие в походы за пушниной в страны полунощные ватаги отчаянных смельчаков-ушкуйников. Из XI века дошел до нас рассказ о поиске пути в Югру отроками Гюряты Роговича. Множество чудес поведал он киевскому игумену, но не упомянул о главном — югорском Золотом идоле. Возможно, языческая душа новгородца не приняла еще новой религии и втайне сохраняла верность старым богам русичей, схожим с Золотой Бабой.

Не одно столетие будут еще скрытно противиться христианской вере в обширных пределах новгородских и, числясь в приходе православными, в домашнем быту сохранять языческие поверья. Только в XII веке проникнет учение Христа к вятичам, в Вологодскую землю, на берег Северной Двины и Камы. Еще позднее примут ее пермяне (зыряне), поклонники Йома-Бабы,

которую умный подвижник Стефан Пермский назовет Золотой. От Стефана Пермского впервые появилось на Руси письменное известие о югорском шайтане, хотя о нем наверняка и раньше знали. Да и как не знать, если уже с XI—XII веков новгородцы привычно промышляли в Зауралье и на берегах Оби соболя и куницу. Умудрялись к взаимной выгоде и с туземцами ладить. Чужие боги полесовщикам не мешали: в тайге в каждом урочище свой шайтан владыка — его и ублажай.

Как ни бился епископ Стефан, обращая в новую веру жителей Пермской земли, многие зыряне не приняли христианства и, продолжая почитать великую богиню Йому, враждебно относились к миссионерам. От преследования церковников вогульские и зырянские роды стали откочевывать с западных склонов Урала на северо-восточные — в Югру. С собой уносили и привычных идолов.

Не удовлетворились новгородцы малым достатком от промысла, захотелось всю Югру «под себя взять», и в 1364 году пошли они через Камень (Урал) большим войском и, разделившись на две ватаги, стали воевать вверх и вниз по Оби. Затревожились остяки и вогуличи за свое сокровище — Бабу Золотую и унесли ее от устья Оби на полдень, в непролазные топи. И затаилась на время в болотной глуши Сорни-най, или Золотая Баба.

Не прошло и ста лет, а в холодные просторы Югории двинулась рать московитов. Это по повелению царя Ивана III устюжанин Василий Скряба в 1465 году повел на покорение Зауралья дружину вольницы, угрожая пленением самой Золотой богини. Выступил против Скрябы ярый охранитель язычества — вогульский князь Асыка. Немало нанес он урона пермской стороне и тамошней церкви. Не раз и не два ходило его усмирять войско, пока в 1481 году Андрей Мишнев с шильниками и устюжанами не разбил вогуличей под Чердынью. Но не склонила головы непокорная Югра, и в мае 1483 года великий князь московский вновь шлет

войско под началом Федора Курбского-Черного на князя Асыку и на Югру. В поход отправилась чуть не вся Северо-Восточная Русь: устюжане, вологжане, вятичи, сысоличи, вымячи и пермяки. Шли не столько за усмирением строптивых вогуличей, сколько за приведением к Москве нового данника, за мягкой рухлядью, старым персидским серебром и бесценными белыми кречетами. Продирались сквозь урманы, минуя хитроумные ловушки, опасно озирались на мрачных деревянных истуканов, измазанных кровью и жиром, дивились странным избушкам на высоких ногах, остяцким могилам с надгробием в виде домика и многим непонятным, а потому страшным обычаям Югры.

А по вечерам, сгрудившись у костров, слушали рассказы о Золотой богине бывалых вогуличей, остяков и самоеди, об идоле суровом и всемогущем, требующем кровавых жертвоприношений и исцеляющем недужных, насылающем мор на стада и помогающем от бесплодия женщинам, прорицающем будущее и... Господи! Дай назад на Русь вернуться!

Верста вторая

ПОКОРИТЕЛЬ ЮГРЫ

Лета 707 посылал князь великий в Югорскую землю и на гогуличи воевод князя Семена Федоровича Курбского, да князя Петра Ушатого, да Василия Иванова сына Гаврилова и всех с воеводами людей со князем Семеном Федоровичем Курбским со товарищи 4014 человека.

*Летопись. Разряд архива иностр. дел,
№ 129, выписал И.Д. Беляев*

Не успела Югра отдохнуть от нашествия Федора Курбского и выплаты ясака, как на самом севере, у морской луки, явился в 1488 году его сын Семен, князь ярославский, с несметным войском. Энергичные москвиты, пробившись через снега и ущелья, вышли на просторы Северного Приобья и, в короткий срок покорив свыше тридцати укреплений и приведя к присяге югорских князей, возвратились восвояси. О сем славном деянии в память потомкам остался «Указатель пути в Печору, Югру и к реке Оби», в котором сообщалось о Лукоморье и Золотой Бабе: «Золотая Баба, то есть Золотая старуха, есть идол, находящийся

в устье Оби, в области Обдоре, на более дальнем берегу... Рассказывают... что этот идол Золотая Баба есть статуя, представляющая старуху, которая держит сына в утробе, и что там уже виден другой ребенок, который, говорят, ее внук».

В результате похода к титулу великого князя московского добавились: «великий князь обдорский, кондийский и пельмский», а воевода Семен Курбский навсегда вошел в российскую историю как покоритель Югры.

Князья Курбские заслуживают, чтобы о них сказать подробнее. Вот как о них вспоминают летописи: «...Курбские. Имя их упоминается впервые в половине XV столетия, когда владельцы Москвы, руководимые мудрою политикой, давно уже успели вместе с прочими князьями подчинить себе и ярославских. Курбские служили им верно: по крайней мере, ни в мятежные времена Василия Темного, ни в смуты Иоаннова малолетства, столь обильные крамолами бояр, ни один из них не запятнал доброго имени. Многие сверх того отличались добродетелями гражданскими и дарованиями воинскими. Таков был князь Семен Федорович Курбский, который требовал соблюдения церковных и этических канонов не только от близких, но не побоялся высказать голос и против своего государя Великого князя Василия, когда тот, отправив старую свою жену в монастырь, женился на молодой Елене Глинской. За дерзость Василий Великий князь Семена от очей своих отогнал, даже до смерти его...»

В те самые лихие времена, когда опальный покоритель Югры доживал свои последние дни в изгнании и забвении, родился в славном роду Курбских княжич, нареченный Андреем, будущий великий воин и писатель, не рассказать о котором здесь мы не можем, поскольку с именем его мы не раз встретимся в дальнейшем.

Уже на 21-м году своей жизни стольник Андрей Михайлович Курбский в звании есаула участвует в походе Ивана IV под стены

Казани. Спустя год Андрей уже начальствует правою рукой всего царского войска на берегах Оки, готовясь встретить соединенное войско крымских и казанских татар. В 1552 году он вместе с князем Щенятевым разбил татар на реке Шиворони. Несмотря на жестокие раны, полученные в сече, в августе того же года он принял начальство войсками правой руки при осаде Казани и снова был изранен. Иван Грозный за доблесть возвел молодого витязя в достоинство боярина и приблизил к себе.

После падения Казани Россия ввязалась в изнурительную Ливонскую войну, казна скудела, повышался спрос на пушнину. В то же время появилась реальная возможность проникновения за Урал в Сибирь по Каме. Политическая обстановка в Сибири складывалась благоприятно: владетель сибирского юрта Едигер признал себя в 1555 году данником Москвы и принял московского посла Дмитрия Непейцына.

А один из освободителей от татарских заслонов дороги из Прикамья в Сибирь Андрей Курбский победоносно воевал тем временем в Литве. Победа сопутствовала ему до 1562 года, когда он проиграл литовцам битву под Невлем, был разгромлен и сам едва спасся.

Раздраженный неудачей Иван Грозный, всюду мнящий крамолы и измены, вспомнил, что Курбский был другом ненавистного ему Адашева и грозил Андрею карою. Угроза расправы вынудила бывшего царского любимца покинуть Родину и родовые поместья, чтобы перейти на службу к главному врагу Иоаннову — королю польскому.

И, видимо, служил он не за страх, а за совесть, потому что король даровал Курбскому поместье Ковель и другие.

«Изменив государю Иоанну, он покинул в жертву вероятной смерти жену и сына... и для чего? Чтобы сказать Иоанну укор бесполезный! А горестнее всего: с поляками, с татарами опустошал Россию, умывался русскою кровью... И хотя по вероятности та же

месть, которую изливал он разорением русских сел и монастырей, побудила его взяться за перо и начертать величественную картину доблестей злополучных героев века Иоаннова; при всем том ни подвиги юных лет, ни слава красноречивого писателя не оправдают его в измене отечеству...»

Да, что было — то было. Водил польские полки против ратей Грозного первый русский диссидент Андрей Курбский и под старость писал ему из изгнания свои язвительные укоризны.

Неслучайно стерлось из народной памяти некогда громкое имя Курбских — народ не прощает отступникам. Зато навсегда запечатлел в своем фольклоре имя его современника и возможного противника. Не исключено, что ратная судьба сводила где-нибудь под Могилевом или Псковом двух героев: Ермака и Курбского.

Ермак в народе считался основателем Камской вольницы и покорителем Казани. В песнях и народных сказаниях подвиги Курбского приписывались отчасти Ермаку. И хотя народные сказания и былины на чистом вымысле не рождаются, участие Ермака во взятии Казани ничем не подтверждается. Но зато есть другой исторический документ о казацком атамане.

В конце июня 1581 года комендант Могилева Стравинский прислал польскому королю Стефану Баторию донесение. В нем Стравинский сообщал об оборонительных боях, которые он вел с русскими войсками, и упомянул фамилии нескольких русских воевод, атаковавших Могилев. Среди тех, чьи имена назвали коменданту пленные, указан и «Ермак Тимофеевич — атаман казацкий». Все-таки штурмовал крепости Ермак — атаман казацкий! Просто перепутаны в песне Казань и Могилев.

Документ, написанный Стравинским, позволяет с уверенностью утверждать, что Ермак участвовал в Ливонской войне и в ходе ее встречался с Курбским, причем не обязательно в 1581 году. Ведь война тянулась почти четверть века, а Ермак,

Карта Московии Сигизмунда Герберштейна. 1549 г.

прежде чем стать атаманом, должен был досыта наслужиться рядовым казаком. Впрочем, о нем вся речь впереди.

В эти же военные времена служил Стефану Баторию еще один замечательный человек — полонизированный итальянец Алессандро Гваньини. Воинственный авантюрист успешно командовал войсками, начальствовал над Витебской крепостью и на досуге писал компилятивный труд «О северной и восточной Сарматиях», беззастенчиво перелагая Герберштейна. Были в этом труде Лукоморье, колдуны, невиданные звери и каменная Золотая Баба — кумир обдоров.

Упомянув Сигизмунда Герберштейна, мы должны остановиться на нем подробнее. Как аттестовал его Андрей Курбский: «Муж искусный во шляхетских науках, приходил два раза к Москве, образовал свои дарования в Высшем Венском училище, состоял на службе у австрийского императора. В 1517 году Максимилиан отправил его послом к королю польскому Сигизмунду и великому князю московскому Василию Иоанновичу. Он заслужил особое

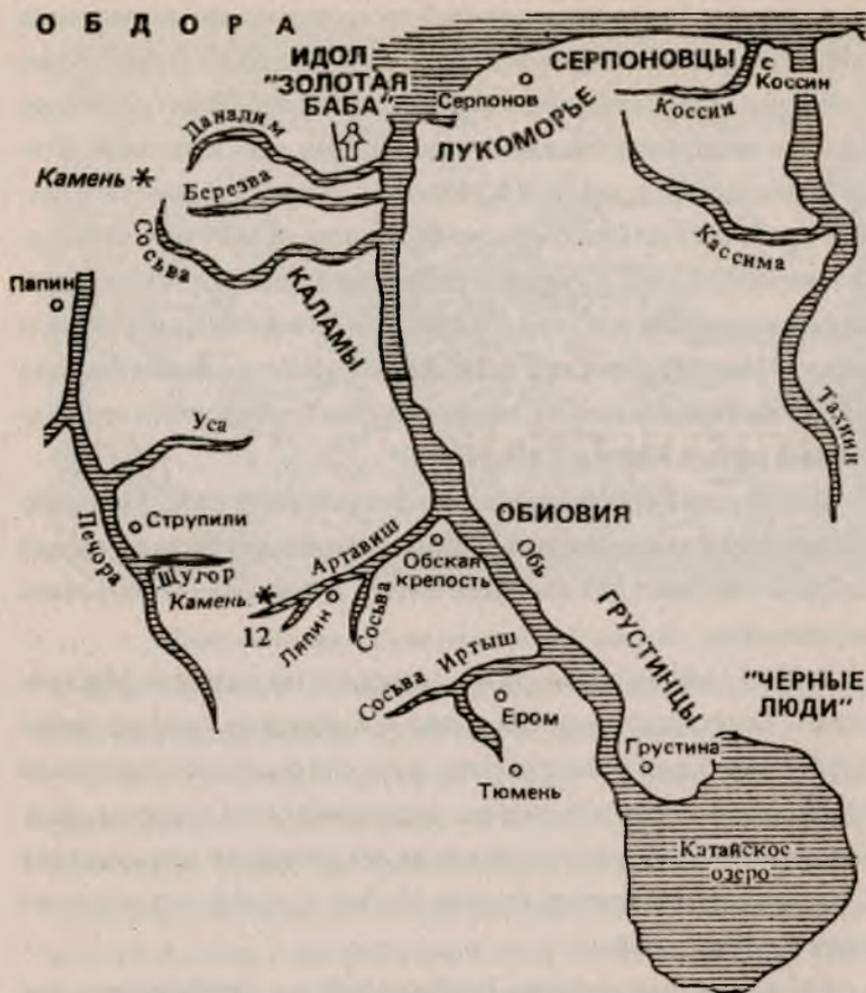
уважение великого князя, который часто угощал его роскошными обедами, забавлял соколиною охотою и беседовал и ним. Через 8 месяцев Герберштейн возвратился к Максимилиану с богатым запасом сведений о России, дотоле в Европе едва известной. Когда Герберштейн приезжал в Москву, Семен Курбский был еще жив и рассказывал Сигизмунду о своем походе 1499 года на Югру. О том, как 17 дней взбирался он на Рифейские горы, покрытые вечными снегами, как он с товарищами заложили на пустынном берегу Печоры крепость и отправились от нее на лыжах собаках к берегам Оби. От князя Семена получил Герберштейн его «Дорожник пути в Югру и Сибирь»».

В 1526 году Герберштейн снова появился в Москве. Талантливый ученый и внимательный наблюдатель в короткий срок успел собрать материал, на который иному пришлось бы затратить десятилетия.

В 1549 году он издал свои «Записки о государстве Московском», полностью включив в них «Дорожник» князя Семена Курбского. В них повествование о России было дано настолько основательно, что иностранцы, посещавшие Россию после него, без всякого смущения использовали это сочинение для придания солидности собственным трудам. Не был в этом плане исключением и А. Гваньини.

Сведения, сообщаемые Герберштейном, принимались как исключительно достоверные и внимательно изучались. Та часть, где публиковался «Дорожник пути в Югру и Сибирь», привлекала особенное внимание. Чудеса и богатства таинственного Лукоморья при устье Оби не сходили с уст. А некий данцигский сенатор Антон Вид еще до опубликования «Записок» Герберштейна, между 1537—1544 годами, издал и обнародовал карту, на которой были обозначены обские низовья.

На этой карте, за страной «Тюменью великой» и за городом «Сибирь», по левой стороне Оби была нарисована похожая на

Географическая схема легендарного Лукоморья в соответствии с древнерусским «Дорожником пути в Югру и Сибирь», которым пользовался С. Герберштейн (схема составлена в МГУ в 1980-е гг.)

католическую мадонну Золотая Баба с ребенком на руках. У ее ног — язычники, приносящие в жертву богине меха. Завистливая Европа грезилась богатствами Лукоморья.

Верста третья

В СТРАНЕ СУРОВОЙ И УГРЮМОЙ

...Ему открыли, чтобы он, Ермак, с товарищи, отложив всякую мнимую себе от Строгановых опасность и подозрение, надежно бы следовал к ним, и тем своим прибытием устранил соседственных их неприятелей...

П. Икоsov. История о родословии и богатстве и отечественных заслугах знаменитой фамилии гг. Строгановых

Разгоряченные рассказами летописцев о богатствах Югры и Сибири, жадные до чужих сокровищ, европейские монархи вынашивали планы по захвату новых земель, искали смельчаков, готовых отправиться в рискованные экспедиции к «странам полуночным». А уж на Руси появился такой герой, с именем, как удар меча, — Ермак. (Существует два варианта происхождения имени Ермак. Оба связаны с одеждой. Тюркское — от эрмек, «армяк» — верхняя одежда из грубой верблюжьей шерсти. Человек, носивший армяк, мог получить прозвище по названию одежды. И угорское «ермак охчам» — шелковый платок, всегда носимый на голове остяцкими богатырями из опасения, чтобы

их не сглазил союзник их неуязвимого противника — злой дух. Если казацкий атаман носил на себе платок, он мог получить прозвище от его остяцкого названия. Не забудем, что Прикамье — родина вогулов.) Подстрекаемый промышленниками Строгановыми, сей славный сын казачества привел с собой с бранных полей Литвы дружину «буйственную и храбрую», с которой и переволок казацкие челны через «Камень» и спустил их на сибирской стороне в неторопливые воды Туры. Невелика казацкая дружина, а Сибирь впереди необъятна и неведома. Что там?

А и там, как повсюду, нет мира и согласия. Данника Москвы, князя и владыку Сибирского юрта Тайбугина Едигера умертвил шибанский царевич Кучум и сам сел на ханство. И сидел бы себе потихоньку, так нет — послал своего племянника Маметкула заирать Москву — разорять русские городки в Перми Великой. Изрядно погулял Маметкул, но от Нижне-Чусовских городков повернул назад — беспокойно и в своем ханстве: недовольные тайбугины точат ножи на хана.

Не хотят княжата-тайбугины кланяться пришлому бухарцу Кучуму, не хотят по его велению молиться пророку Мухаммеду, не почитают мулл и все норовят вернуться к своим родовым идолам, что еще сохраняются в сибирской тайге и барабинских степях. «У чужого хана и бог чужой», — говорят потомки Тайбуги и косят глазом на московскую сторону, на Белого царя, со времен Едигеровой шерти на древнюю веру не посягавшего.

В надежде укрепить свое влияние на коренное языческое население трижды призывал Кучум в свою столицу Искер мусульманских проповедников из Бухары, пытался силой принудить сибирских татар, вогулов и остяков принять ислам.

Недовольные притеснениями Кучума ждали удобного случая, чтобы расквитаться за все. Неожиданные пришельцы из Россиигодились в союзники против засилья бухарцев.

Ермак, вступая в Сибирскую землю, меньше всего думал о религиозных разногласиях в ней. Вся Россия была представлена в его дружине: русские, чувашы, мордва, украинцы, манси, татары. Около трети составляли пленные немцы, шведы, литовцы, поляки, для которых путь на родину шел через Сибирь. Объединить их одной верой было невозможно, да и вряд ли думали отчаянные казацкие головы о спасении души, когда не жалели и жизни. Впрочем, было в Ермаковой дружине три попа и один монах-расстрига, которых атаман не освобождал от тягот воинской службы.

Прозорливый атаман проявил завидную веротерпимость и не стал пытаться привести новых сибирских подданных России в христианскую веру. Даже в своей столице Искере он сохранил мечеть и близ нее мусульманское кладбище. Слухи о добром атамане распространились, и бывшие вассалы Кучума один за другим стали приносить присягу на верность ему. Сближению казаков с местным населением во многом способствовали межнациональные браки. Служители Христа, прибывшие с дружиной в Сибирь, не воспрепятствовали таким союзам — казаки народ вольный.

Некоторые казаки по восточному обычаю завели по нескольку жен. Когда в Тобольск прибыл первый архиепископ, он был буквально поражен обилием смешанных браков, не освященных церковью. Но семейному счастью это, по-видимому, не мешало. Уже впоследствии, после гибели Ермака, церковные летописцы попытаются изобразить атамана великомучеником за Христову веру. Знамена Ермаковой дружины будут сохраняться в церквях Березова, Тобольска и Омска.

А при жизни атаману грозила опала и позорная смерть. «А не вышлите из острогов своих в Пермь волжских казаков атамана Ермака Тимофеева с товарищи, — писал царь Строгановым, — не учнете их держать у себя и Пермских мест не учнете оберегати,

и такую вашу измену, что над Пермскими месты учинится от вогулич и от пелынцев, и от сибирского салтана людей вперед, и нам в том на вас опала своя положить большая, атаманов и казаков, которые слушали вас и вам служили, а нашу землю выдали, велим перевешать».

На эту угрозу царя вскоре Ермак ответит посольством и вестью в Москву о присоединении Сибири, в которой лукаво намекнет, что «Сибирь взята главным образом его, Ивана Васильевича, князя всея Руси молитвами...»

Однако не в царских молитвах скрывался секрет успеха. Ермак знал о религиозных и династических разногласиях в стане «сибирского салтана». Знал и надеялся не столько силой, сколько дипломатической мудростью удержать Сибирь. В кровавой сече овладев столицей Кучума, но не одолев салтана окончательно, задумался атаман, как удержать в покорности добытую кровью товарищей землю. Прослышал атаман о Золотом шайтане, которому к приходу казаков в Сибирь поклонялись еще не обращенные в ислам татары и югричи. Атаман понимает, что обладание Золотой богиней даст ему практически неограниченную власть над ее почитателями. И вот весной 1583 года из столицы покоренной Сибири казаки отправляются на Север собирать ясак с покоренных, воевать еще не покоренных и искать Золотую Бабу, о которой кунгурская летопись скажет: «...Ту бо у них молбище большее богине древней, нага с сыном на стуле сидящая, приемлюще дары от своих и дающе ей статки во всяком промысле...» В Демьянском (Нимьянском) городке казаки обложили Золотую Бабу. Какой-то чуваш из ермаковой дружины смог проникнуть в городок и увидеть, как молятся остяки Золотой Бабе. Всю ночь он бродил вокруг кумирни в надежде похитить и унести чужого бога, но не смог улучшить момент, когда ее оставят без присмотра. Но когда наступило утро, бесценный остяцкий

«Сибирь взята главным образом Ивана Васильевича, князя всея Руси, молитвами...» Художник А.Г. Визель

кумир исчез, словно в воду канул. Упорно сопротивлявшиеся остяки успели спрятать Золотую Бабу.

Так и не удалось Ермаку полонить югорскую богиню. Но она напомнила о себе после гибели атамана и разгрома его дружины.

По свидетельству С.У. Ремезова в «Истории Сибирской», все вещи, найденные при Ермаке, разделили между собой князья и мурзы, один панцирь принесли в жертву в мольбище знаменитого хантыйского шайтана в Белогорье... Туда перекочевала Золотая Баба.

Верста четвертая

СИБИРСКИЕ ГЕРОСТРАТЫ

...Давным-давно это было. Великая Богиня Вут-Ими жила в низовьях на Ледовитом море... На семи нартах на белых быках-оленях ехала Вут-Ими в Нумто. Дочь свою оставила на Казымском мысу, сына своего оставила в Мапълех-Сойме, сама уехала вверх, в Вошьеган...

Хантыйская песня на медвежьем празднике

Немудрено, что англичанин Джильс Флетчер не нашел ее в 1588 году на прежнем месте в устье Оби и с записал в своем сочинении «О государстве русском» в главе о пермяках, самоедах и лопарях: «...Но что касается до рассказа о Золотой Бабе или Яге-бабе (о которой случилось мне читать в некоторых описаниях этой страны, что она есть кумир в виде старухи), дающей на вопросы жреца прорицательные ответы об успехе предприятия или о будущем, то я убедился, что это простая басня»².

² Н. Веселовский. Мнимые каменные бабы // Вестник археологии и истории. СПб. Вып. 195.

Почти столетие простояла в Белогорском капище у устья Иртыша золотая Яга-баба (от ненецкого яха, хантыйского яга, ягун, ёган, югам, аган, что на разных диалектах означает одно и то же: река), пока от новой угрозы ей не пришлось перебраться в непроходимые дебри на реке Конде, а может, и на Казыме.

Одновременно с появлением первых русских поселений в Сибири туда устремляет свои взоры и Московская патриархия. Религия — мощный идеологический механизм монархии, и его следовало немедленно привести в действие во вновь обретенной языческой стране для укрепления власти. Однако новые подданные в лоно церкви не спешили. Югра продолжала почитать своих идолов, Бараба молилась каменным болванам, заболотные татары поклонялись домашним божкам, небольшая часть, в основном пришедших из Бухары, исповедовала ислам, а редкие русские поселенцы из казаков, ссыльных и беглых никакого бога не признавали.

Вагайские татары объявили святой Ермакову могилу и, по щепотке подбирая с нее чудодейственную и целительную землю для амулетов, сровняли ее до того, что место ее стерлось из памяти. А хошотский тайша, владетель Среднего Жуза, Аблай, затеял тяжбу с Москвой и Тобольском из-за панциря Ермака, которому приписывались магические свойства.

В такой обстановке нелегко пришлось православным миссионерам, просветителям и носителям христовой веры. Креститься язычника можно было принудить одной лишь неволею. В 1685 году крестились ясачный вогулич Тибайко Черемкулов, его жена и дети. Причина отречения от язычества — желание убежать от суда за убийство своего племянника Терешко Иванова. Этот Терешко был парень крутой — зарезал старца Моисея из Николаевского Верхотурского монастыря. На допросе и пытке Терешко повинился. Архимандрит Варлаам с братиею в целях

снискания популярности среди вогулов сделали вид, что приняли покаяние и простили. В 1680 году Терешко был высочайше помилован, бит кнутом и отпущен из приказа. Едва освободившись, Терешко зарезал Тибайкину мать, а Тибайко зарезал самого Терешко. Из боязни наказания Тибайко бил челом государю о крещении и получил разрешение.

14 февраля 1685 года архиерейский двор писал тобольскому воеводе П. Прозоровскому: «По правилам де святых апостол и святых отец, он, Тибайко, молитвами оглашен, а молитвенное имя его Вонифатий.. и святым крещением просвещен». Новокрещеного поверстали в казаки для служения до смерти и увечья с назначением оклада жалованьем и деньгами. По тем временам это была высокая честь.

Случаи добровольного крещения язычников были настолько не часты, что приходилось идти на издержки и закрывать глаза на испачканные кровью руки вновь посвященных. Введение православия за Уралом сильно тормозилось не только из-за отсутствия достаточного числа священников, но и из-за особенностей языческой югорской религии.

Живущий на седьмом небе верховный бог ханты и манси Нуми-Торым не вмешивается в дела людей и индифферентен к их грехам. Правда, он карает за лжеприсягу, святотатство, запретный промысел, но этим и ограничивается его нравственное влияние. Стало быть, незачем бросать столь удобную веру в угоду суровому и непонятному Христу, без которого не ступить и шага.

Откровенная неудача православия в Сибири привлекла внимание Петра I, и в 1700 году в Тобольск был назначен новый митрополит Филофей Лещинский. Новый митрополит нашел тобольскую епархию в печальном состоянии: церквей было мало, язычники оставались без оглашения проповедью, а в то же время ислам продолжал завоевывать умы вогуличей.

В конце 1706 года царь Петр предписал Филофею и березовскому воеводе призвать ляпинского князя Шекшу и спросить его, не пожелает ли он за царские милости принять христианскую веру. Попавший в безвыходное положение князь Шекша был крещен в 1711 году.

В том же году тобольский губернатор князь М.П. Гагарин, выполняя волю Петра I, снова настойчиво предложил Филофею заняться крещением сибирских инородцев. Для успеха экспедиции он снабдил его монахами, судном, гребцами, толмачами-переводчиками, охраной, деньгами и вещами для раздачи новокрещеным. Ставка делалась на «кнут и пряник».

Вдобавок случилось на Пельме чрезвычайное происшествие. У тамошнего вогульского князя Сатыги заболели двое сыновей. Желая вымолить им у идолов исцеление, Сатыга ничего не жалел и исполнял все прихоти шаманов. Но, несмотря на все жертвы, сыновья умерли. Тогда обезумевший от горя отец изрубил и пожег идолов. Такое происшествие Филофей Лещинский счел наиболее благоприятным для начала христианизации.

Немало потрудившись, взяв измором и принуждением, он окрестил большинство пельмских вогулов, за исключением самого Сатыги и его приближенных, укрывавших в тайге главного кондинского идола.

Именным приказом сибирскому митрополиту от 6 декабря 1714 года Петр I снова предписал: «По сему указу ехать тебе, богомольцу нашему, во всю землю Огульскую и Остяцкую и во все уезды, и в татары, и в тунгузы, и в якуты, и в волостях их, где найдешь кумиры и кумирницы и нечестивые их чтителица, и то по сему... указу пожечь, а их вогуличей, остяков, татар и всех иноземцев Божиею помощью и своими трудами в христианскую веру приводить...»

Весной 1715 года митрополит снова выехал к вогулам. В составе миссии был сыльный казачий полковник Григорий

Новицкий, высокообразованный для своего времени человек, оставивший в память о своей миссионерской деятельности «Краткое описание о народе остяцком» — бесценный труд, к которому будут обращаться многие историки и этнографы. Не избежать этого и нам.

Упорное сопротивление миссионерам оказали кондинские манси из Нахрачинских юрт, что в среднем течении Конды. Прибывшим вероисповедникам вогулы во главе с горбатым шаманом Нахрачом Евлаевым то грозили смертью, то предлагали увеличить дань на своего идола, наложенную будто бы Ермаком, наконец согласились принять крещение с условием: бога их не уничтожать, а, окрестивши и возложивши на него золотой крест, поставить в церкви; самим вогуличам окрестить жен и детей; многоженство не запрещать; позволить употреблять в пищу конское мясо.

Когда переговоры не принесли успеха, нахрачевцы внешне приняли христианство, в душе оставаясь язычниками. «Нахрачевцы, — писал протоиерей Сулоцкий, — были самые лукавые из новокрещеных, отдавая Филофею своего идола, отдали ему подменного, а своего многочтимого укрыли в лесу».

Шаман Нахрач поплатился за это жизнью, став еще одной жертвой во славу Яхи-бабы.

Сокровенное место, где обрела свое пристанище Золотая Баба, охранялось стражей в красных одеждах. Никто, кроме главного шамана, не имел права входить в кумирню, чтобы узнать волю идола, который, по словам вогулов, если требовал жертвы, то издавал голос младенца (*И. Завалишин. Описание Западной Сибири*). Неизвестно, слышал ли этот крик отважный полковник Григорий Новицкий из свиты Филофея, упорно искавший в кондинской тайге Золотую Бабу. Убитый вместе со священником Сентяшевым при неясных обстоятельствах, он так и не успел дописать свое «Краткое описание о народе остяцком».

Захваченных у язычников идолов миссионеры предали огню. Сожгли дотла Ортика. Не пожалели и Менква. Расплавили и вылили в Обь медного гуся. Спалили Обского старика — царя рыб. Рассказывают, что из пламени его костра вылетела и устремилась в небо душа речного бога, принявшая облик белого лебедя.

Золотую Бабу отыскать не смогли. Не выдали национальную гордость и святыню хитроумные остяки. Надежно схороненная в безбрежной тайге и бескрайних болотах, с тех пор навеки сгинула со света Золотая Баба — Сорни-най. Но, по суевериям угров, никто не может умереть и исчезнуть бесследно, не оставив на земле своего антипода, злобного призрака, который бродит незримо среди живых, причиняя им горе и неприятности, строя пакости и всевозможные козни, лишь иногда являясь в виде тени.

От сожженных югорских идолов и Золотой Бабы тоже остался такой двойник. Имя ему — Баба-Яга.

Верста пятая

ПО НЕВЕДОМОЙ ДОРОЖКЕ

В Марайской волости украдена ЯГА из буро-карих конских кож, кожан из козлиных овчин, дровни, два хомута и вожжи.

Тобольские губернские ведомости,

11 января 1864 г.

Один мой знакомый по клубу «Тюменская старина» однажды посоветовал: «Кончай ты искать свою Бабу-Ягу! Баб кругом и без того полно, а Ягу и искать не надо — в каждом коллективе своя имеется. Сказки это же для детей...»

Я не стал с ним спорить тогда: пришлось бы долго объяснять, что не всякая сказка детям предназначается. Салтыкова-Щедрина, например... Известный в XIX веке их собиратель А.Н. Афанасьев, сказками которого я как раз занимался, именно так и считал.

Действительный член Русского географического общества по определению этнографии Афанасьев осмысливал русские сказки в понятиях так называемой «мифологической школы», усматривая в происхождении народно-поэтических образов зависимость от древнейших мифов, порожденных обожествлением природы.

В них я надеялся отыскать кончик той путеводной нити, которая может вывести в царство Яги.

Афанасьев взял из архива Русского географического общества хранившиеся там сказки, присоединил к ним многочисленные записи В.И. Даля и составил сборник, в который вошли сказки архангельские, вологодские, енисейские, казанские, пермские, новгородские и иных краев и мест России с запада до востока. Издание сказок достоверностью представленного материала заслужило похвалу Н.А. Добролюбова.

Фольклор, многие века по традиции передававшийся от поколения к поколению, благодаря Афанасьеву не погиб и поясняет многое в истории Яги и Золотой Бабы. Игак, в путь по этой неведомой дорожке...

На грани двух миров, светлого и темного, среди дремучего леса издревле векует в странной избушке, окруженной забором из человеческих костей, старая Яга. Временами злобная ведьма налетает на Русь, несет с собой мор людей и падеж скота, похищает детей. Иной раз и к ней заглядывают гости с Руси. Одних Яга пытается съесть, других привечает, помогает советом и делом, предсказывает судьбу. Как и положено двойнику, Яга имеет обширные знакомства в живом и мертвом царствах, свободно посещает их. Кто она, эта загадочная старушка, откуда пришла в русский фольклор, почему ее имя чаще встречается в сказках северо-восточной Руси, мы и постараемся разобраться.

Если выше упоминавшееся свидетельство Джильса Флетчера, отождествлявшего Золотую Бабу и Ягу-Бабу, принять за кончик путеводной нити, то терпеливо разматывая путаный клубок исторических сведений, археологических находок, старинных ритуалов и обрядов, поверий и преданий, современной краеведческой литературы и старинных народных сказок, можно прийти к выводу, что сказочный образ Яги возник в русском народном творчестве как результат многовекового взаимодействия

на общем индо-иранском фоне славянской и финно-угорской культур.

Свидетельство Дж. Флетчера имеет для нас выдающееся значение не только вследствие весьма малого числа письменных известий начала XVI века о Русском Севере и Сибири, но и потому, что оно исходит от наблюдателя, поставленного в непривычные для него условия, что, естественно, обострило его внимание и позволило замечать детали, ускользающие от внимания путешественников из пограничных областей, для которых многие факты не представляли интереса, поскольку были привычными. Несомненно, что проникновение русских на Север, в Югру и Сибирь, знакомство с бытом местного населения и последующие рассказы о нем оказали заметное влияние на формирование образа Яги в русских, а затем и в зырянских сказках. Неслучайно в начале книги предпринята попытка осветить возникновение контактов между русским и финно-угорским населением. В предисловии Зеленина к изданию 1915 года сборника «Великорусских сказок Вятской губернии» отмечается: «...пользующимися известностью в околоте сказочниками оказываются здесь чаще солдаты... Даже и сказочники не солдаты, бесспорно, позаимствовали многие свои сказки от солдат...» Это положение, очевидно, справедливо не исключительно для Вятской губернии, но и для других областей. Именно новгородские дружинники, казаки-первопроходцы, воины, ямщики и солдаты принесли на Русь те необыкновенные сведения о жизненном укладе, обычаях и верованиях Югры, которые, перемешавшись с древнеславянской мифологией и фольклором, наложили отпечаток на волшебные сказки о Бабе-Яге.

В народных русских сказках, собранных в прошлом веке Афанасьевым, югорские мотивы выступают достаточно отчетливо. В сказке о Василисе Прекрасной мать, умирая, говорит дочери: «Вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту

куклу, береги ее всегда при себе и никому не показывай, а когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у нее совета». Начало этой сказки о Бабе-Яге имеет явно сибирские корни.

Похожий сюжет с куклой-бабушкой встречаем в сказке казымских хантов «Хилы и Аки черное сердце» (записана А. Тархановым): «На перепутье семи соров, на перепутье семи рек жил Хилы со своей бабушкой, звали ее Има...

В условный час в условный день пришел Аки (старик), черное сердце с деревянным идолом-божком, и Хилы тоже побеспокоился о защите: уговорил свою мудрую бабушку Има сесть в нарточку, надел на нее украшения, платки, платья — преобразилась старуха. “Сама богиня Вут-Ими пожаловала на спор”, — подумал трусливый Аки, увидев разнаряженную “куклу”. В этой сказке под словом «бабушка» понимается ее изображение в виде куклы.

У хантов и манси (равно как у ненцев и других северных народов) существовал обычай делать кукол-иттарм — вместилища душ умерших, которые живут в куклах, пока не возродятся в каком-либо ребенке. Куклу из дерева одевали и ставили на постели умершего. Во время еды к ней в первую очередь придвигали кусочки пищи. Кукла считалась противоположностью двойника покойника, который может причинить вред семье умершего. Кукла ведет борьбу с двойником и охраняет от него юрту. В русской сказке кукла, вместилище души матери, помогает Василисе победить Ягу. Что это — заимствование или отголосок древнего обычая? «Василиса пошла в свой чуланчик, поставила перед куклою ужин и сказала: “На, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылают за огнем к Бабе-Яге; Баба-Яга съест меня!” Куколка поела, и глаза ее заблестели как две свечки. “Не бойся, Василисушка, — сказала она. — Ступай, куда посылают, только меня держи всегда при себе...”»

Возможно, представление, что душа человека, заключенная в деревянной кукле-иттарме, должна возродиться в новорожденном, проявилось в другой русской сказке о «Терешечке и ведьме»: «...Старик со старухой сделали колодочку, положили в люлечку, завернули в пеленочку, и вместо колодочки стал расти сынок Терешечка... Отец сделал ему челночок. Терешечка поехал рыбу ловить». Последняя деталь еще раз подтверждает северное происхождение сказки, где рыбная ловля с малолетства — главное занятие коренного населения.

Постоянное место обитания Яги — дремучий лес. Живет она в маленькой избушке на курьих ножках, такой маленькой, что, лежа в ней, Яга занимает всю избу. Подходя к ней, герой обыкновенно говорит: «Избушка-избушка, встань к лесу задом, ко мне передом!» Повернулась избушка, а в ней Баба-Яга: «Фу-фу! Русским духом пахнет... Ты, добрый молодец, от дела лытаешь или дела пытаешь?» Тот ей и отвечает: «Ты, старая, прежде напои-накорми, а потом про вести спрашивай». Несомненно, сказка эта придумана людьми, хорошо знакомыми с бытом обских угров. Фраза о русском духе попала в нее неслучайно. Деготь, широко применявшийся русскими для пропитки кожаной обуви, сбруи и корабельных снастей, раздражал чуткое обоняние таежников, употреблявших для пропитки обуви гусиный и рыбный жиры. Гость, зашедший в юрту в «смазных сапогах», оставлял после себя стойкий запах русского духа.

Народоволец С. Швецов, отбывавший ссылку в Сургуте, оставил в своих «Очерках Сургутского края» любопытную запись, подтверждающую, что производство дегтя местному населению было незнакомо еще в конце XIX века: «В Сургутском крае, как рыболовном, потребляется большое количество смолы и дегтя, нужных для смоления лодок, снастей и т.п. При обилии леса гонка смолы и дегтя почти ничего не стоила бы населению, но никто из местных жителей не умеет гнать деготь, и рыбаки покупают

по рублю и дорожке за ведро, привозимый из Самарова, где этим занимаются крестьяне».

Нашел свое отражение в сказке и обычай северного гостеприимства: гостя полагается сначала накормить, а затем можно расспрашивать.

Таинственная избушка на курьих ножках не что иное, как широко известный на Севере лабаз или чамья, тип хозяйственной постройки на высоких гладких столбах, предназначенный для сохранения снастей и припасов от мышей и хищников. Лабазы всегда ставятся «к лесу задом, к путнику передом», чтобы вход в него находился со стороны реки или лесной тропы. Исследователь тюменского Севера В.П. Евладов в своей книге-отчете «По тундрам Ямала к Белому острову» рассказал, как его спутники-ненцы, да и он сам по их требованию, при приближении к святому месту — обиталищу идолов-сядаев — переодевали одежду и шапки задом наперед (передом назад), чтобы обмануть злого духа и не навлечь на себя кару за посещение запретной территории.

Такое переодевание должно было ввести в заблуждение шайтана — показать ему, что путник стоит к нему задом, покидает запретное место, а не приближается к нему. И тогда обманутый дух оказывался неспособным причинить зло нарушителю покоя его владений. При этом Евладов подчеркивает, что войти на территорию идола разрешалось только со строго определенной стороны. В свете вышеизложенного, сказочная фраза «Избушка-избушка, повернись к лесу задом, ко мне — передом» предстает перед нами с неожиданной стороны и принимает конкретное значение. Если простой поворот одежды задом наперед кардинально меняет отношение между человеком и злым духом, то, значит, таким же образом можно переменить и характер настроения самого злого духа, олицетворяемого идолом, если развернуть уже самого идола на 180 градусов. По поверьям аборигенов-язычников,

после смерти доброго человека остается его душа, но уже злая, противостоящая всему живому. И зло — такая же производная от добра, как тень от света. Однако если перенести на 180 градусов источник света, то и тень переместится на противоположную от границы между добром и злом сторону. А если перевернуть не источник добра и света, а саму границу добра и зла, которой в данном случае служит вход в избушку, расположить его не со стороны злого и темного леса, а от светлого пути? Возможно, тогда и душа злого обитателя избушки повернется к добру и свету?

Язычники считали, что на характер божеств, олицетворяемых идолами, можно влиять, если принести им обильные дары или, наоборот, наказать. Значит, можно влиять и другим способом, например, обмануть или повернуть лицом к путнику. В сознании абсригенов Приобья стойко укоренилось понятие о двуединстве добра и зла, так же как жизни и смерти. Считается, что зло — это обратная (противоположная) сторона добра. И, следовательно, способно обернуться добром.

Вот потому и приказывает путник избушке: «Повернись к лесу задом, ко мне — передом». После полуоборота избушки зло становится добром, а злая и коварная Яга оборачивается доброжелательной и приветливой бабусей, во всем помогающей страннику, пустившемуся на поиски удачи, потому что на Руси издавна считали: «Нет худа без добра».

Из совокупностей мелких деталей и фактов в фантазии народных сказителей и коллективном сознании этноса складывались устойчивые сказочные образы, подобные Яге. Не исчезающие с течением веков прежде всего потому, что зародились они на основе фактического этнографического материала и реальных наблюдений.

Небольшие охотничьи лабазы иногда делаются на двух-трех высоко спиленных пнях — чем не курьи ножки? Еще больше

похожи на сказочную избушку небольшие, без окон и без дверей культовые амбарчики в ритуальных местах — урах. В них обычно находились куклы-иттармы в меховой национальной одежде. Кукла занимала собой почти весь амбарчик; может, именно поэтому в сказках всегда мала избушка Бабе-Яге. Точнее, бабе-в-яге, поскольку ягой называется меховая доха.

Н.А. Абрамов в «Очерках Березовского края» (СПб., 1857) объясняет, что яга — одежда наподобие халата с откладным, в четверть, воротником. Шьется из темных неплюев, шерстью наружу. Некоторые под нее подкладывают беличий или песцовый мех, а иные — фланель. Употребляется березовскими чиновниками и купцами в городе, и особенно в дороге. Такие же яги собираются из гагарьих шеек, перьями наружу; по красивости и редкости они ценятся до 150 рублей серебром. Ягушка — такая же яга, но с узким воротником, надеваемая березовскими женщинами в дороге.

В.И. Даль в своем «Словаре», давая слову аналогичное толкование, подчеркивает его тобольское происхождение.

В 1771 году В.Ф. Зуев, побывавший в Березовском уезде, описал одно такое капище с идолами: «Стоят в лесу, в маленьких, нарочито сделанных теремках, одеты в суконные малицы, всякими литыми оловянными, медными, железными фигурками снабженные, в пимах, и на голове венцы серебряные, вокруг их довольно наложено всяких домовых вещей, как чашек, ложек, ножей, рог с табаком безотлучно бывает и проч.». Несомненно, подобное зрелище производило неизгладимое впечатление и в пересказе способно было стать основой сказочного сюжета.

Верста шестая

У ЛЮДОЕДКИ

Баба-Яга: «Покатаюсь я, поваляюсь я, Терешечкиного мяса наевшись!»

Русская сказка «Терешечка»

Казалось бы, все ясно с Ягой. Волею судеб издревле соседствовали русские с уральскими и обскими уграми, порой воевали, порой торговали, собирали ясак с покоренных, рождались и вместе охотились в дебрях. И общение не замедлило сказаться в культуре, песнях и сказках. Из заповедных шайтанских урочищ Югры в русские сказки переселили наблюдательные первопреходцы необыкновенную избушку на курьих ножках и разодетого в роскошную ягу идола с измазанным кровью ртом.

Все вроде так, да вот беда: не давала покоя фраза из сказки о Терешечке, взятая в качестве эпиграфа к этой главе. Не очень вязалось представление о Яге-идоле, который валяется, наевшись мяса Терешечки. Да и какая вообще надобность кататься-валяться под деревом после обжорства, вместо того чтобы отлежаться в покое? И кровожадность лесной старушки внушала глубокие сомнения, казалась привнесённой в русскую сказку откуда-то из знойных стран, с островов Океании, где голые людоеды под

звучи тамтамов лихо отплясывают вокруг костра, на котором жарится соплеменник. А в наших умеренных широтах такого, кажется, не случилось.

Впрочем, доверие к народной памяти и убеждение, что сказка не что иное, как размытый след давно ушедших в Лету событий, позволили предположить, а не может ли баба-в-яге иметь свойство раздваиваться или, наоборот, объединять два прототипа: и самого идола Золотую Бабу, и ее служительницу — живую бабу-в-яге, жрицу и шаманку. Если это предположение верно, то и фраза «покатаюсь-повалюсь» в сказке сохраняется неслучайно, а, возможно, представляет частицу языческого колдовского ритуала, следовавшего когда-то за человеческим жертвоприношением.

Верста седьмая ЖЕСТОКИЙ ЦАРЬ

...Этот царь беспощаден.

Голод — название ему...

Н.А. Некрасов.

Железная дорога

Как ни странно на первый взгляд, лучше понять характер Яги помогла перестройка, которая пробудила активность неформальных объединений, приоткрыла полог секретности над многими страницами прошлого. Желание знать правду о нашей истории пробудило от долгого сна истинных патриотов страны. Когда-то разогнанные бериевским ведомством уральские краеведы объединились в попытке оживить былые традиции и возродить общество уральских краеведов. На их учредительную межрегиональную конференцию среди делегатов от клуба «Тюменская старина» случилось выехать и мне.

На подобного рода форумах главные события происходят за пределами душных конференц-залов, в кулуарах и фойе, где идет обмен адресами и информацией, завязываются знакомства, случаются замечательные встречи. Именно там, в прохладном университетском коридоре, у книжного лотка встретилась мне

давняя знакомая и землячка, доктор исторических наук Лариса Павловна Рощевская, представлявшая краеведов Республики Коми.

Моя мучительница Яга имела в тех краях кровные связи и близкую родню, а потому я постарался не упустить случая поделиться со специалистом своими размышлениями о плотоядных привычках коварной бабуси. Видимо, неуверенность и сомнения были написаны на моем лице, потому что внимательная Лариса Павловна поторопилась меня успокоить: «Прекрасные наблюдения! У вас интересная тема, поздравляю. Пусть вас не смущают неожиданные выводы по поводу языческого происхождения Яги и соответствующих обычаев. Имейте в виду, что языческий путь развития прошли все народы и человеческие жертвы богам приносили многие, в том числе и славяне. В Киевской Руси это делали в честь Перуна. Этот обычай нашел отражение и в былине о новгородце Садко, которого приносят в жертву морскому богу, чтобы успокоить море и спасти корабль. У вас есть заготовка доклада? Замечательно, тогда следует обязательно выступить — свои идеи надо обкатывать. Аудитория сегодня самая подходящая: и компетентная, и своя по духу. Так что не стесняйтесь и привыкайте к публике...»

Честно говоря, поднимаясь на кафедру для выступлений, я никак не надеялся увлечь взрослую аудиторию родословной Бабы-Яги. Однако уже после первых фраз обнаружилось, что скептические ухмылки исчезают, шепотки смолкли и огромный зал обратился во внимание. А когда установленный регламентом срок истек, аудитория единодушно согласилась отодвинуть долгожданный перерыв, чтобы дослушать до конца.

В перерыве меня нашел коллега из Екатеринбурга Юрий Дмитриевич Охапкин и посоветовал: «Попробуйте покопаться в наследии нашего земляка Носилова. Константин Дмитриевич был большим знатоком Севера и, сдаётся мне, у него должны

найтись необходимые вам материалы. У меня как раз имеется список его работ — взглянуть не хотите?»

Удача явно следовала за мной по пятам. И вот я снова сижу в темной комнатухе межбиблиотечного абонемента и просматриваю бесконечные ленты микрофильмов с произведений Носилова. Неистовый исследователь Севера опубликовал в 1901 году в журнале «Русская мысль» очерк «Из истории Далекого Севера. Прошлое Обдорска». В нем автор собрал ряд преданий и легенд о быте аборигенов. Одну из небылиц, какими обычно потчуют доверчивых слушателей, рассказал Носилону престарелый обдорянин:

— Разве действительно самоеды приносили человеческие жертвы? — спрашивает у него Носилов.

— Что вы! Это было у них самое обыкновенное. Не только жертвы, но и так просто зарежут человека и поедят его³.

— Да неужели?

— Уверю вас, поедят: так и сварят в котле и слопают, ока-
янные.

— Неужели?

— Уверю вас... жертва — какая-нибудь несчастная сирота-девочка...

Следом Носилов пересказывает то ли быль, то ли вымысел об обдорском сотнике Какаулине, которому гостеприимный самоедский князек якобы принес на закляние свою юную дочь, не удовлетворившись подношением гостю одной только оленихи-важенки.

Вряд ли стоит упрекать Носилова в попытке публикации ради дешевой популярности у российского обывателя непроверенного материала. Нелегкая жизнь ученого-исследователя Севера и множество опубликованных работ служат достаточной аттеста-

³ Сибирский приказ. № 462; ДАИ. IV № 126 II.

цией его объективности. О древних обычаях языческого Севера путешественник знал не понаслышке. Во время своей зимовки на Новой Земле Носилов написал один из самых страшных своих рассказов о жизни брошенных на произвол судьбы царским правительством ненцев.

Стихийные бедствия, болезни и падеж оленей, неудачный промысел и множество других причин могли поставить беззащитного перед могучими силами природы тундровика на грань жизни и смерти, когда не оставалось иного выхода, кроме человеческой жертвы.

Старый ненец Уучей рассказал путешественнику о страшном голоде, который однажды случился на Новой Земле, когда из-за долгой непогоды ушел зверь и кончились продукты. Голодная смерть грозила обитателям стойбища, и тогда шаман предупредил мужчин, что спасение — в человеческой жертве.

— Только это он сказал нам, — бабы завыли, присмирели и головы повесили, и девка завыла.

— Зачем завыла? — удивился я (Носилов).

— А затем завыла, что догадалась, что мы ее давить будем...

— Как давить? — не понимаю я.

— А так — шайтану! В чуме никого не было подходящего: ребят нельзя, бабу тоже жалко, а девке все равно помирать — одна-одинешенька на белом свете.

«Я даже не верил своим ушам, — рассказывает Носилов, — слыша это из уст своего добродушного приятеля, но он был серьезен в этом откровенном рассказе, да и нечего было шутить в таком положении».

— Что же вы, задавили ее шайтану?

— Нет, отвертелась: на счастье ее пришел зверь.

Разумеется, сироту удушили бы не ради жертвы шайтану как таковой. После принесения жертвы должно было состояться обязательное поедание жертвенного мяса, что давало шанс выжить

обитателям стойбища. Как видно из очерков одного и того же автора, на человеческие жертвоприношения тундровиков толкала жестокая действительность, полуголодная жизнь и постоянная отчаянная борьба за существование.

Но с шовинистической точки зрения обывателя трагические эпизоды жизни затерянного в безбрежных снегах вымирающего народа выглядели по-иному. Не пытаясь вдаваться в первопричины самозаклания доведенных голодом до отчаяния людей, обыватель дает им презрительное прозвище «самосд». И в надежде найти оправдание своему преступному равнодушию, в утешение себе и на удивление обществу распространяет страшные небылицы о несчастных.

Жестокий голод случался и в таежной зоне. В бумагах Сибирского приказа сохранилось описание великого голода в Сургутском уезде зимой 1625/26 года: «Не истерпя голоду собак переели; были случаи и людоедства: Вас-Юганской волости ясачный остяк Пыктыйко пошел промыслять ясак на лес и с промыслу не бывал и вести про него не было, а его жена без него не истерпя голоду, двоих детей своих съела»⁴.

Справедливости ради отметим, что каннибализм в древних мифологиях присущ многим верховным божествам, например культ Зевса Ликейского, человеческие жертвоприношения Дионису, Артемиде и многим другим. По мере возникновения запретов на каннибализм, его все больше относят к низшему миру чудовищ-людоедов, великанов, ведьм. Среди подобных существ и Баба-Яга. Происходит вытеснение мотивов каннибализма в сферы магии, шаманизма, требующих достижения ведьмой, колдуном, шаманом особого состояния сознания, отождествляемого с одержимостью, безумием и достигаемого с помощью специальных, часто табуированных действий. Отсюда широкое распростра-

⁴ Сибирский приказ, ст. 376. Ср. кн. № 8, л. 27, 32а.

нение поверий о том, что подобные люди употребляют в пищу человеческое мясо. Было бы несправедливым утверждать, что жертвоприношения языческим богам совершали только самоеды. Приносили их и другие язычники, особенно во время войн. Еще в XVII веке самоеды совершали частые набеги на остяцкие волости: «В 1678—1679 годах пришла на Обдор воровская самоедь больше 400 человек и ясачных остяков, которые были в юртах и на промыслах и у рыбной ловли убили 23 человека и над ними надругались, носи и рук персты у них резали, а их жен грабили и нагих оставили, а детей имели к себе в полон». Так и в сказке: «Налетела Баба-Яга и унесла к себе Ивашечку...»

Возникновение поверий о том, что ведьмы, колдуны и шаманы употребляют в пищу человеческое мясо, происходит как раз от этого.

В то же время духи-людоеды представляют собой одну из главных опасностей, подстерегающих камлающего шамана во время его путешествия в загробный мир. При наложении каннибальских обрядовых мотивов на миф о великой матери-прародительнице, вроде Йомы или Сорни-най, возникают образы, подобные Бабе-Яге.

Между тем знаменитый собиратель русских сказок А.Н. Афанасьев считал, что Баба-Яга — существо человеческое и принадлежит к числу вещей жен, ведьм, а ведьмы и ведуны — люди, как и шаманы, которые властительной силой жертвоприношений и чародейным словом заговора могли управлять поступками людей и самих богов.

Верста восьмая

НАЙ, СОРНИ-НАЙ И НАИНА

Но слушай: в родине моей
Между пустынных рыбаей
Наука дивная таится.
Под кровом вечной тишины
Среди лесов, в глуши далекой
Живут седые колдуны;
К предметам мудрости высокой
Все мысли их устремлены;
Все слышит голос их ужасный,
Что было и что будет вновь,
И грозной воле их подвластны
И гроб, и самая любовь.

А. С. Пушкин.

Руслан и Людмила

«Россия — славяно-финно-угорская страна, — заявил однажды мансийский поэт Юван Шесталов. — Само слово “Москва” угорское и говорит о том, что славяне, осваивая угорские земли, перенимали многое из культуры и обычаев угров. Даже великий Пушкин не избежал этого. Еще бы: ведь его любимая нянюшка

Арина Родионовна сама с детства воспитывалась на финском фольклоре и передавала его своему питомцу. Впитанные с молоком сказки не смогли в дальнейшем не отразиться на творчестве Пушкина».

Весь мир отмечал 150-летие со дня смерти Пушкина, и говорили и писали о Пушкине много. И все же высказывание Шесталова мне тогда запомнилось. Захотелось самому разобраться в справедливости сказанного, и я вновь засел за книги. Подобрать литературу оказалось не трудно: библиотека как раз развернула к юбилею обширную книжную выставку — только знай читай. С нее и началось мое близкое знакомство с Пушкиным.

Не ошибся Юван Шесталов: многие века русские жили в близком соседстве с финно-угорскими народами: карелами, финнами, эстами, вепсами, коми, мордвой, марийцами, удмуртами, вогулами, остяками. Случалось между соседями всякое, бывали и военные стычки, но больше славяне и угры мирно соседствовали и торговали. Взаимные контакты обогащали не только материально. Постепенно стирались грани между двумя культурами. Столетиями жили рядом угры и русские, дружили семьями, ходили в гости, верили одним суевериям, слушая сказки, перенимали сюжеты и героев друг у друга. Порой и не разобрать, какая сказка древнее — угорская или русская. Сделать такой вывод так же сложно, как определить, какой народ сформировался раньше. Одно несомненно: культура финно-угров оказала самое непосредственное влияние на формирование фольклора северных славян, проникла в религию и обряды православной церкви, оказала эмоциональное воздействие на многих российских литераторов. И совершенно не случайно появление в первой поэме Пушкина героев из северной страны Суоми — Финна и Наины.

А.С. Пушкин обратил свой поэтический взор к Северу еще в молодые годы в период работы над «Русланом и Людмилой».

Вероятно, к тому времени Пушкин был достаточно наслышан о некогда могущественной в необозримых северных просторах касте языческих колдунов. Выросшая на финской мызе Суйды няня Пушкина Арина Родионовна могла с самого детства впитывать в сознание яркие образы северного финского эпоса: седобородого добродушного колдуна Вайнямейнена и злобной колдуньи Лоухи. Романтическое воображение, подпитанное сказками Арины Родионовны, нарисовало в поэме коварную колдунью-северянку Наину. Вот как рассказывает о родине Наины Финн: «...Природный финн, в долинах нам одним известных, гоняя стадо сел окрестных, в беспечной юности я знал одни дремучие дубравы... Тогда близ нашего селенья, как милый цвет уединенья, жила Наина...»

Из этих строк можно с уверенностью заключить, что красавица Наина проживала поблизости от затерянного в лесах финского Севера селения, жители которого занимались, по-видимому, оленеводством, поскольку никакие другие стада не пасут в дремучих дубравах. Из текста также следует, что юная красавица проживала отдельно от людей, в уединенье. Такой способ расселения чрезвычайно распространен у северных народов, занятых охотой, рыболовством и оленеводством, поскольку, в отличие от группового поселения, позволяет рационально осваивать большие территории.

То, что хорошо и привычно для северянина, удивляет и настораживает русского земледельца, привыкшего жить большой общиной. Рискнувший поселиться в одиночестве, на выселках, неизменно приобретал славу человека нечистого: разбойника, а то и колдуна. Пушкин строкой об уединении Наины предварительно информирует читателя о ее странном поведении, пытается настроить на особое отношение к ней. Из дальнейшего описания места обитания и деятельности Наины можно заключить, что живет она среди финно-угорского народа коми, поблизости от

полуночных (уральских) гор — обители ее приятеля Черномора, о котором еще вся речь впереди:

...Тогда он встретил под горой
Старушечку чуть-чуть живую,
Горбатую, совсем седую.
Она дорожную клюкой
Ему на север показала.
«Ты там найдешь его» — сказала.

Итак, Черномор — северянин. У коми-пермяков еще в незапамятные времена появился миф о существе, обладающем одновременно чертами Яги и Черномора. Это существо человеческого облика носило имя Яг-Морт. Яг — на языке коми означает соновый лес, бор. Морт — человек. Яг-Морт — лесной человек: «...уводит жен, уводит детей, угоняет скот, режет его». К тому же слыл Яг-Морт великим колдуном... Так сообщает о нем миф народа коми. У их соседей и соперников остяков существовал эпос о волшебном богатыре Яге. (Что наводит на мысли об общем прототипе, положительном для одноплеменников-остяков и отрицательном для страдавших от его набегов коми.) А вот как у Пушкина о Черноморе: «Узнай, Руслан: твой оскорбитель волшебник страшный Черномор, красавиц давний похититель, полночных обладатель гор». Полночных — значит, находящихся на севере Сибири. Современник Петра I, Григорий Новицкий, в «Кратком описании о народе остяцком» пишет: «Сибирское государство содержится в полночной стране...» Явно, что Черномор генетически происходит от Яг-Морта. Яга, как и Наина, одинокая обитательница леса. Несомненно, что это близкие по облику и по духу персонажи и появились они из одного фольклорного источника. Но Яга значительно старше и приходится Наине «крестной матерью», если так можно сказать о нечистой силе.

Как и Яга, Наина не ведьма — существо сверхъестественное, а колдунья — существо человеческое, способное вершить чудеса при помощи магической науки, заговоров и заклинаний, иначе говоря — шаманка.

В том, что у Пушкина надменная красавица северянка становится в конце концов колдуньей, нет ничего необычного. У языческих финно-угорских племен с их культом женского божества женщины-шаманки встречались довольно часто. Вероятно, сведения о языческих шаманах и волхвах, почерпнутые Пушкиным из литературы о Севере, преломившись в его воображении, нарисовали нам образ колдуньи, чье имя и характер схожи с данными главной зырянской богини Йома-Бабы и хантыйской великой богини Вут-Ими, а внешность более всего напоминает знакомую нам всем с детства Ягу.

В 1938 году в Архоблгизе вышел чудесный сборник «Фольклор народа коми» со вступительной статьей А.А. Попова. В него вошли мифы, предания и сказки коми-зырян, начиная с древнейших времен. Читая их, нетрудно заметить, как с течением времени зырянская богиня Йома-Баба постепенно становится прообразом Бабы-Яги, а затем Ягой, наделяя их присущими себе свойствами. В раннем фольклоре коми Йома приобретает попеременно черты то мужского, то женского пола (возможно, проявилась борьба между патриархатом и матриархатом), пока не приобретает окончательный женский облик. В одном из немногих памятников древнейшей мифологии — мифе «Как сотворилась земля» — близнецы Йома и Войпель рождаются на небе и от них происходят все народы на земле. Здесь Йома — положительная богиня, прародительница человечества, существо женского рода.

В сказках более позднего периода Йома — уже женщина, но не богиня.

Из сказок своей няни юный Пушкин мог усвоить, что «в краю пустынных рыбарей» на финском Севере «живут седые колдуны».

И навеянные сказками Севера образы Пушкин включил в свою поэму, в которую они органично влились, как сливались между собой культуры славян и финно-угров.

«Далеко отсюда, на самом восходе солнца, жили когда-то два брата. И был у тех братьев бог Йомаль, страшный бог. Питался он человеческим мясом, запивая мясо теплой овечьей кровью. Пока братья приносили ему раз в семь дней жертвы, бог любил и защищал их. Но как-то однажды они забыли принести очередную жертву: двух мальчиков, двух девочек и трех овец, и свирепый Йомаль разгневался и напустил на братьев большого черного коршуна...»

В угорских мифах и эпосе коршун представляет божество зла. Почти как у Пушкина: «Бьетса лебедь средь зыбей, / Коршун носится над ней». Переход персонажей из сказок и мифов в литературные произведения дело обычное, и он не должен удивлять.

В глубокой древности, по-видимому, с культом Йомы были связаны человеческие жертвоприношения, при которых мясо подалось. Это не являлось принадлежностью исключительно культа Йомы, а было присуще всем религиям древности. Отголосок этого обряда мы находим в святом причастии, когда вкушается «тело и кровь Христовы». Взаимопроникновение сюжетов коми и русского фольклора ясно заметно, если сопоставить сказки народа коми и сказки собраний Афанасьева, Зеленина, Ончукова. При наложении сюжетов они калькируются, но по объему, яркости сюжета, обилию деталей, красочности и образности языка русский вариант представляет собой значительно ухудшенную копию пермяцких сказок, видимо более ранних.

Распространение коми-пермяцкой сказки и проникновение ее в русский фольклор объясняется давним соседством русских и коми и особенно обязано рабочим коми — отходникам, работавшим в традиционных местах отходных промыслов на Каме, уральских заводах, архангельских лесопилках и других местах.

Однако пора от коршуна перейти к волшебным лебедям, если верить сказкам, заслужившим себе далеко не ангельскую репутацию: «Гуси-лебеди давно себе дурную славу нажили, много шkodили и маленьких детей крадывали». В русском фольклоре мало отыщется примеров, когда гуси или лебеди, при всем народном почтении к ним, выступают в качестве положительных героев.

Случайно ли людская молва наделила этих красивых и сильных птиц нелестной репутацией приспешников Бабы-Яги? Похоже, что далеко не случайно и в основе сказок о гусях-лебедях лежат сведения о том, что в окружении Золотой Бабы и некоторых других великих кумиров были болваны в виде Гуся и Лебедей.

П.П. Инфантьев, совершивший путешествие к кондинским манси в начале века, рассказывает о культовом амбарчике: «Кукла была одета в разноцветные лоскутки и стояла посреди амбарчика. По ту и другую сторону истукана были расставлены 14 медных лебедей — семь самцов по правую и семь самок по левую руку. Лебеди считались покровителями птицелова...»⁵ Может быть, именно эта медная стая дала неизвестному сказочнику сюжет для сказки о Гусях-Лебедях, утащивших Ивашечку к бабе-в-яге? Очень похоже. И на этот вопрос еще предстоит найти ответ.

Почитание лебеда мы находим также у многих других урало-алтайских народов, а также у финских и тюркских племен (сибирских татар). У вотяков-язычников в честь этого представителя богов ежегодно устраивался праздник, который проходил в священных рощах. Главный бог Soltan приносился на это торжество двумя лебедями⁶.

⁵ *Инфантьев П.П.* Путешествие в страну вогулов. СПб., 1910. С. 70.

⁶ *Афанасьев А.Н.* Изв.И.О.Г.О. 1881. Вып. V. С. 281.

Обратим внимание на имя главного бога — Солтан и оставим в памяти.

По мнению идолопоклонников, сильные шаманы способны превращаться в зверя, рыбу и большею частью в птицу — ворона или коршуна. Могут вызывать пожары, град, гром. На шамана надо было учиться, начиная с молодых лет. Часто шаман сам выбирал себе преемника, чувствуя приближение старости или тяжелой болезни. Важной частью шаманской науки считалось камлание. Вот как описал его Г. Старцев в своей этнографической книге «Остяки»: «Шаман принимал самые различные позы: вертелся, приседал, скакал. Иногда же казалось, что его трясла лихорадка и тошнило; губы, туловище и ноги начинали дрожать. В бессвязном крике, пении и плаче можно было уловить определенные мотивы с повышением или понижением голоса.

Крайне характерными были моменты, когда шаман приставлял края бубна к пояснице, к изгибу левой ноги и туловища, прикасался к детородному члену и орал. При этом правая нога и левая рука поднимались и опускались одинаково равномерно и делали одни и те же движения в разных направлениях. Было семь сеансов-колен с перерывами. С каждым коленом шаман становился энергичнее, лютее, страшнее. Жуткое впечатление произвел он на зрителей, вызывая духа-женщину. Тогда он трясся и ревел...» И хотя книга Старцева вышла лет на сто позже «Руслана и Людмилы», в описании северных колдунов в них упоминаются одни и те же присущие шаманизму атрибуты: ученичество у колдуна, глухой лес, гром и молния, вызов женского духа и последующие отрицательные эмоции:

...Творю поспешно заклинанья,
Зову духов — и в тьме лесной
Стрела промчалась громовая,

Волшебный вихорь поднял вой,
Земля вздрогнула под ногой...
И вдруг сидит передо мной
Старушка дряхлая, седая...
...Ах, витязь, то была Наина!..

Мы уже говорили, что Наина должна была принадлежать к одному из финно-угорских народов Северного Урала, которым обязана своим именем, не упомянутым ни в одном из известных толкователей имен собственных.

Пушкинская Наина унаследовала свое имя от хантыйского «най», что означает одновременно и «женщина» и «пламя». Наина, най — женщина-пламя, жгучая красавица, душа огня, фея пламени. Сегодня трудно предполагать, где подсмотрел Пушкин Финна и шаманку Наину, но совпадение слишком явно, чтобы быть случайным. И если все-таки допустить, что Наина — результат авторского вымысла поэта, то Йома и Сорни-най — реальный, некогда существовавший языческий идол, главное женское божество уральских угров, известный под именами Има, Йомаль, Юмала.

В древней языческой Руси влияние кудесников и волхвов было чрезвычайно велико, но с приходом христианства постепенно ослабело. В этом процессе язычество приобрело новые причудливые формы: от канонизации языческих святых до превращения их в сказочные персонажи, подобные Яге и Наине.

Ведуны и ведьмы со временем утратили свое искусство, затаились на далеких окраинах и в глухих лесах. Дольше других просуществовали колдуны в безбрежных сибирских урманах, дожив до тех дней, когда принадлежность к шаманской касте стала считаться контрреволюционным деянием со всеми вытекающими последствиями.

Верста девятая

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

...и наконец-то я стораю и человеком становлюсь.

Ю. Шесталов.

Когда качало меня солнце

Сгореть на священном огне, чтобы стать человеком?! Именно эта языческая идея заложена в основу сказки о племяннице Бабы-Яги — Царевне-лягушке.

Среди тех немногих, кто занимался изучением русской народной сказки, профессор Ленинградского университета В.Я. Пропп, оставивший после себя несколько трудов о сказке, самым значительным из которых следует считать книгу «Исторические корни волшебной сказки». В этой фундаментальной работе Пропп подробно остановился на предполагаемой родословной Яги, сделал подробный анализ ее характера, внешнего облика, аксессуаров и атрибутики, ей присущих, попытался отыскать корни рода славянской Яги в фольклоре Африки, островов Океании, в Северной Америке, связывая ее происхождение с древним обрядом инициации.

Увлеченность гипотезой о связи обряда инициации с мифами о существах, подобных Яге, по-видимому, помешала ученому

Так представляли Великую Богиню в эпоху палеолита («Виллендорфская Венера»)

внимательно присмотреться к другим возможным версиям, в результате чего от внимания ускользнули чудесные фольклорные источники северных народностей нашей Родины. Возможно, при более тщательном их рассмотрении сегодня не возникало бы вопроса о прототипах Бабы-Яги и самом ее имени.

Вместе с тем труды В.Я. Проппа могут служить основательным подспорьем в расследовании почти детективной истории о разбойной бабуся, изрядно наследившей не только в фольклоре, но и в истории, и оставившей о себе недобрую память как о похитительнице. По традициям детективного жанра поиск нарушителя следует начинать с изучения его окружения и родственных связей. Поступим по традиции.

Определенно, что конференция уральских краеведов не прошла для меня напрасно: совершенно неожиданно из Сыктывкара пришла в мой адрес маленькая бандероль. Это краеведы из Республики Коми постарались помочь мне в поисках Бабы-Яги и прислали изрядно зачитанный сборник «Фольклор народа коми», изданный в Архангельске еще в 1938 году.

Чудесный это оказался сборник. Его составители, стараясь не расплескать ни капельки из чаши народного знания, бережно записали, не прибегая к литературной обработке сказки и предания народа коми — ближайшего соседа славян. В сборник вошли мифы, предания и сказки коми-зырян, начиная с древнейших времен. Вся их прелесть в этнографической точности записи, позволяющей наблюдать процесс развития и преобразования фольклорных образов с течением времени и изменением общественно-экономических отношений и религиозных воззрений. Особенно привлекает не утраченная художественность изложения и яркость образов.

При внимательном чтении нетрудно заметить, как с течением времени древняя зырянская богиня Йома-Баба постепенно становится прообразом Бабы-Яги, а затем, наделив Ягу присущими себе свойствами, меняет имя Йома на имя Яга.

В самом раннем фольклоре Йома, отражая борьбу между матриархатом и патриархатом, а возможно, и влияние древнеиранских религий, попеременно приобретает черты то мужского, то женского пола, пока не принимает окончательно женский облик: сначала это богиня, а позже, в сказках, — земная женщина.

В.Я. Пропп в книге «Исторические корни волшебной сказки» отметил: «Если Яга состоит в родстве с кем-нибудь из героев, то она всегда приходится сродни жене или матери героя, но никогда не самому герою или его отцу». В вятской сказке Еги-боба говорит: «Ах ты дитяtko! Ты мне будешь родной племянничек,

твоя мамонька сестрица мне будет». Сестрицу здесь не следует понимать буквально. Скорее, эти слова означают, что его мать принадлежит к тому родовому объединению, к которому принадлежит и сама Яга. Еще яснее этот случай, когда герой уже женат. В этом случае говорится: «это зять мой пришел», т.е. Яга или мать, или сестра его жены и принадлежит к тому же роду, что и она.

В пермской сказке⁷ герой в поисках исчезнувшей жены попадает к Яге. «Где ты, милой друх, проживался? — Проживался я у дедушки в учениках шесть лет, он споженил меня на малой дочери. — Вот ты какой дурак! Ведь ты жил у брата моего, а взял племянницу мою».

Сомнительно, чтобы герой ничего не знал о своей теще, живущей в лесу. Но если предположить, что теща, сестра и другие заменили собой другие формы родства по линии тотемного, а не семейного родства, то тогда в этом нет ничего удивительного.

Видимо, неслучайно на эту форму родства намекают сказки пермяков и вятичей, ближайших соседей уральских угров, род которых делился на две экзогамные фратрии — Пор и Мось. Счет родства у них шел не по отцовской, а по материнской линии. Матерью-прародительницей фратрии Мось считалась лягушка Мис-нэ. Сынские ханты называли лягушку «женщина Мис» или «Мисы кут нэ» — женщина Мис, живущая среди кочек. Манси, считавшие себя потомками лягушки, называли себя «нарас-махум» по имени лягушки-матери Нарас-най, что означает Болотная женщина. Но на языке манси слово «най» означает не только молодую красивую женщину, но и пламенную красавицу. Как в связи с этим не вспомнить чудесную, не-

⁷ Зеленин Д.К. Великорусские сказки Пермской губернии. Петроград. 1914.

повторимую по сюжету сказку о Царевне-лягушке. После того как Иван сжигает лягушачью кожу, Царевна скрывается у своей родственницы Бабы-Яги, вернее, поочередно у трех сестриц-ягг (ягаги — по-мансийски — сестра). Ягаги ведут себя с Иваном по-родственному доброжелательно и по-северному гостеприимно. Царевна-лягушка (Нарас-най), по-видимому, приходится бабусям-ягушам родственницей. Недаром в словаре В.И. Даля большая зеленая лягушка именуется якушей, а по наблюдениям В. Бартенева один из северных хантыйских родов (очагов) назывался «Яги».

Интересно, что на Русском Севере в орнаментах вышивок встречалось изображение рожающих женщин в виде лягушки. В ряде случаев лягушки-рожаницы изображены рядом с теремком-капищем. Эти изображения связывают с культом полухристианской-полуязыческой богини того же Севера Параскевы Пятницы, которая за нарушение запрета на работу в пятницу может истыкать ослушницу веретеном и превратить в лягушку.

Профессор А.А. Потебня в исследовании «Баба Яга» предположил, что Параскева Пятница и Яга изначально представляли один и тот же персонаж, со временем раздвоившийся. В доказательство он приводит вариант русской сказки, не оставляющий сомнения, что лягушка приходится Яге дочерью. Это его наблюдение хорошо согласуется с финно-угорской мифологией о Йоме, Сорни-най и Нарас-най. Несомненно, что они имеют общий со сказками о Яге мифотворческий источник и объединены по территориальному признаку.

В мифе коми «Как сотворилась земля» находим: «Прежде земли и неба не было, а было болото и на нем кочки. Ни зверей никаких, ни человека, ни птиц... Однажды под писк комаров вылезает из болота две лягушки... Лягушки упали, ударились обо что-то твердое и превратились в людей. Слепая и глупая

стала называться Еном, зрячая и хитрая — Омолем. Жена Ена родила ему двух близнецов: девочку, которую назвали Йомой, и мальчика Войпеля... А народы на земле произошли от Войпеля и Йомы». У коми есть поговорка: «Йома-Баба кодь льюк», что значит — зла, как Йома-Баба. Иной и не может быть тень и двойня Яги.

Выходит, что Йома-Яга — сама внучка лягушки? Или ее дочь? По коми-фольклору получается, что не только дочь, но и мать лягушки. Наследственность чаще всего передается в третьем поколении. Вот сказка «Йома и две сестры»: «Жили-были муж с женой, и родилась у них дочь. После этого жена умерла и он женился на другой. Вторая жена тоже родила ему дочь. Невзлюбила мачеха свою падчерицу, возненавидела ее, била чем ни попадя. А однажды прямо сказала мужу: “Куда хочешь убирай дочь с моих глаз”. Увели они девушку и бросили в колодец. Попала она на какой-то зеленый луг. Видит: пасется табун лошадей. (Обратим внимание на лошадей Йома-Яги и возьмем на заметку.) Подошла она к коням, похололила их, почесала, и кони ей сказали: «Пойдешь ты дальше, придешь в избу Йома-Бабы. Она принесет тебе красные и синие лукошки, возьми себе красное”.

Пришла, наконец, к дому Йома. Входит в дом, Йома ей и говорит: “Кажется, у меня прислуга появилась. Поди-ка поскорее затопи баню, да так, чтобы ни огня, ни дыма не было видно, наколи дров, да так, чтобы ни звука не было слышно”.

Затопила девушка баню, а Йома принесла туда полное лукошко лягушек-ящериц да водяных насекомых. “Вымой, говорит, выпарь моих деток...”»

Таким образом, родство Йома-Яги с лягушкой и даже ящерицей можно считать доказанным. Яга и лягушка имеют небесное, божественное происхождение и оба — существа сверхъестественные.

Г. Старцев в этнографическом очерке «Остяки» сообщал о существовавшем у хантов представлении о подземном мире, управляемом духом, имеющим связь с лягушкой и ящерицей.

На одной из найденных в 1946 году в г. Чердыни Пермской области шаманских пластин, «бесовских привозных козней», с изображениями богов, связанных с культом плодородия у древних уральских племен, богиня, несущая на голове символ верхнего мира — Солнце, стоит ногами на знаке нижнего мира — ящерице. Подобные изображения не единичны и повторяются по сюжету. От ящерицы — символа нижнего мира — недалеко до ящерики — Хозяйки Медной горы в уральских сказах Бажова.

У хантов, считавших лягушку своей прародительницей, существовал обычай: если кто-нибудь случайно раздавил лягушку, то «во искупление греха» он должен был отлить ее изображение из свинца и положить в избушку вместе с иттармами предков. Как близкое к Сорни-най божество, Нарас-най могла находиться в одной кумирне с ней, что послужило поводом для объяснения в сказках родства между Йомой-Ягой и лягушкой. Там же, среди священных жертвенных стрел, возможно, хранилась и та, которую Царевна-лягушка достала из болота своему суженому.

Л.Р. Шульц, изучавший быт самых южных — салымских остяков, описал культовую избушку одного из хантыйских идолов-тонхов Салхана (хана Салыма?): «...Тут же висят миниатюрные луки (тув-йогит) с такими же стрелами, ступки для толчения крапивы с пестами и веретена. Это приношение тонху по случаю рождения сына или дочери».

Судя по большому количеству в капище ступок с пестами, возможно, представлявших собой некий фаллический символ, луков, стрел и веретен, можно сделать вывод о том, что эти предметы составляли обычный набор приношений идолам, связанных именно с рождением ребенка.

Атрибут многих сказок о Яге — веретене часто встречается и в сказках коми о Йоме-Бабе. Сама форма веретена, отдаленно напоминающая человеческую фигурку, в душе привыкшего к деревянным божкам язычника вызывала суеверные чувства, нашедшие свое отражение в сказках и, как мы увидим далее, в религиозных обрядах.

В зырянской сказке «Девочка ростом с веретено» одним из главных действующих лиц выступает Йома-Яга. Связь веретено—Яга совершенно не случайна и олицетворяла для некоторых северных народов рождение ребенка. Вспомним, что Сорни-най (она же Яга-Баба) приписывалась способность помогать рождению детей.

Вряд ли можно считать случайным в одной лишь сказке о Царевне-лягушке именно такое сочетание ключевых предметов: ЛУК, СТРЕЛА, ВЕРЕТЕНО. Ступа не упоминается, но подразумевается, поскольку в сказке задействованы сразу три сестрицы Яги, которые без нее не обходятся. Вот как в сказке о веретене: «Ой, Иван-царевич, — сказала старуха, — как ты долго!.. скоро свадьба! Живет теперь у большой сестры (по-мансийски — яга-га!), ступай туда да смотри ты: как станешь подходить — у нее узнают, Елена обернется веретешком, а платье на ней будет золотом... (как у Сорни-най), ты... отвори ящик, веретешко переломи, кончик брось назад, а корешок — перед собой: она и очутится перед тобой».

По-видимому, совершенно не случайно герой сказки посещает последовательно трех сестер-ягаг. Одна моя знакомая, манси по национальности, рассказывала памятный с детства ритуал поклонения великой казымской богине Вут-Ими: сначала поклонялись ее младшей сестре, потом ехали на поклонение к средней, а уж потом — к старшей.

Издалека прикатилось в сказку веретешко пряжи Параскевы Пятницы! «Большой сын стрелил, принесла стрелу княжеска

дочь; средний стрелил, стрелу принесла купеческа дочь; а малому Ивану-царевичу принесла стрелу из болота лягушка...» Лягушка — Нарас-най, или, в переводе, Болотный огонь, родная сестра, дочь и племянница Золотого огня — Сорни-най — Йомы-Яги. На примере Царевны-лягушки мы с вами могли убедиться, как образы угорского тотемизма мифологии и языческих суеверий перешли в русскую народную сказку. Чтобы обрести красавицу, нужно не побояться спалить лягушачью кожу на золотом огне любви — мудрость, завещанная всем последующим поколениям древними уграми. Не забудем ее.

Верста десятая

ШАМАНЫ И ЭКСТРАСЕНСЫ

Были, были у нас шаманы. Лечили травами,
медвежьей желчью, сращивали переломы,
вправляли вывихи. Маленько камлали...
Да разве можно за это в каталажку сажать!
У русских были свои знахари, у хантов —
свои...

Андрей Кыкин, хант

На моем столе зазвонил телефон. «Я в Тюмени проездом, — слышалось в трубке, — не могли бы мы на полчаса встретиться? Есть необходимость обменяться информацией о Золотой Бабе...»

В дверь протиснулся крупный седеющий мужчина с окладистой бородой. От его густого баса в комнате сразу стало тесно: «Я Стоцкий Орест Вадимович, специалист по биополю, или, как модно нас называть, экстрасенс. Между прочим, кандидат геолого-минералогических наук. Прочитал в газете вашу версию о происхождении Яги и Золотой Бабы и порадовался ответственному подходу к проблеме. После целого ряда спекуляций на этой теме вроде “Золотого огня Югры” и кинофильма

“Золотая Баба” — редкий случай. Потому я и счел нужным встретиться.

Дело в том, что Золотой Бабой я тоже занимаюсь целый ряд лет и, видимо, немало здесь преуспел. Такие “частные” вопросы, как парапсихология, НЛЮ и бермудские явления, нельзя рассматривать сами по себе, без учета самых широких сведений из космического естествознания, истории, геологии, астрономии и так далее. Надеюсь, вы не станете отрицать прозорливой мудрости древних?»

Я отрицать не стал, и Стоцкий продолжил с увлеченностью фанатика, зациклившегося на одной идее: «Без своего глубокого знания астрономии, геологии и собственных систематических научных разработок в этих областях я не смог бы разобраться, почему Золотая Баба оказалась на юге Ямала, мне одному известном месте. К сожалению, еду в Москву — это тот типичный случай, когда от головы до хвоста и от хвоста до головы разное расстояние: чтобы собрать экспедицию на Ямал, надо из Тюмени сначала выехать в столицу... Если захотите присоединиться — милости прошу».

Я поспешно поблагодарил. Экстрасенс понимающе кивнул и продолжил: «Очень приятно. К сожалению, в нашей жизни чаще встречаю обратное. Один из редакторов, к счастью уже бывший, умудрился в 1984 году исключить из моей статьи в популярном журнале объяснение, почему арии индо-иранского происхождения и предки финнов, скандинавов, пигмеев 12,5 тысячи лет назад ушли с располагавшейся ранее в Северном океане Гипербореи, чтобы заселить Евразию. Причиной был катастрофический поворот Земли на 72 градуса. Гибель мамонтов — последствие катастрофы. В мифах Греции и Древнего Китая запечатлены фрагменты этого космического происшествия. Обратная волна миграции ариев через 5—7 тысяч лет после катастрофы принесла с собой золотого идола на северную оконечность Азии — Ямал.

Я должен был вам сказать, что не приемлю современной узкой методологической базы, свойственной основной части исследователей, и, видимо, в силу этого и решаю задачи, которые другим обычно не под силу. В частности, я никогда не метался, как многие в последние десятилетия: признавать или не признавать реальность биоэнергии, физичность космической среды. Я не занимаюсь в этом плане болтовней, хотя и опубликовал статью о физических основах биоэнергетики в материалах пятого конгресса парапсихологов в Братиславе.

Вместе с группой наиболее талантливых экстрасенсов на основе имеющейся информации удалось уточнить место хранения и историю Бабы. Кстати, должен вам заметить, что я категорически не согласен с вашей оценкой роли шаманов и шаманизма.

Шаманы сохранили древнейшую науку управления и познания биополя, доставшуюся им от жрецов-дравидов. По сути дела, шаманы — это экстрасенсы в современном понимании этого явления. Вы согласны с такой точкой зрения?»

Я счел разумным не вступать в полемику, и Стоцкий с воодушевлением продолжил: «У меня есть разработка в области каркаса физических полей, и Тобольск на нем — экстремальная точка. Ранее там фиксировали большое количество галлюцинаций и прочих аномальных физиологических явлений, а сейчас мы наблюдаем рост антиобщественных проявлений. Думаю, сказываются особенности каркаса физических полей в данной зоне. Неслучайно именно отсюда вышел талантливый экстрасенс Григорий Распутин и именно в этом регионе особенно нередки встречи с неопознанными летательными аппаратами. “Колдун несет богатыря” — у Пушкина фраза не случайная, она несет информацию о таких встречах на Севере, когда пришельцы пытались захватить с собой человека. Один из таких случаев, кончившийся трагедией, произошел совсем недавно — в феврале

1959 года, когда на Северном Урале погибло сразу 10 опытных альпинистов. Эти ребята отправились на вершину, которую манси называют Хода Сяхэл — Гора мертвых. Как и полагается такому месту, имело оно дурную славу: считалось, что там обитают духи. Туристов это не испугало, они отважились на штурм вершины и потерялись. Через контрольное время спасатели вышли на поиск и обнаружили пустую палатку, со всеми вещами, ее полотно оказалось разрезано и от нее по снегу тянулись следы босых и обутых ног; палатку покидали в спешке. Обнаружились и трупы — все погибли от множественных телесных повреждений неизвестного характера: у всех был неестественно-оранжевый цвет кожи. Ветви деревьев были как бы опалены и имели повышенную радиоактивность, одежда обгорела. Возникало впечатление, что гибель людей и оранжевый цвет их кожи вызваны излучением неизвестной энергии. Манси-охотники утверждали, что именно в эти дни видели над Горой мертвых бесшумные огненные шары, которые летали.

И еще. В Ямальской тундре и на плато Путорана ходят таинственные слухи о “снежном человеке”, которого в античности называли сатиром, или “гомо ноктюрн”. Я думаю, между НЛО и йети должна быть какая-то связь.

Вообще говоря, мне симпатична ваша версия происхождения имени Яга из финно-угорской лексики, но, сознайтесь, вы не до конца раскрыли, что ее прародительница — Золотая Баба. По многим признакам она напоминает индийскую богиню бессмертия Авалокитешвару⁸. А имя Яга, скорее всего, сходно с именем индийского духа воды Игиги...»

Речная старуха Яга-Баба и дух воды Игиги — есть что-то общее, отметил я про себя.

⁸ Авалокитешвара — бодхисатва милосердия в буддизме. — *Примеч. ред.*

Когда мой гость экстрасенс выговорился и ушел, предварительно заручившись согласием держать его в курсе моих изысканий, я задумался над свалившейся на меня информацией: неведомая дорожка поиска от стран полунощных круто повернула на полдень.

Кто бы мог подумать, что след от ступы северной ведьмы уведет в далекие жаркие страны Индию и Иран, в которых изворотливая старушка, чтобы окончательно запутать след, вдруг переменит пол и превратится в уважаемого Баба-Йога, означающего на санскрите «Отец йоги».

Верста одиннадцатая

ОТЕЦ ЯГИ

В религии народов Двуречья крупную роль играли чрезвычайно древние верования о многочисленных низших духах, злых и губительных. Это духи земли, воздуха, воды Анунаки и Игиги, олицетворения болезней и всяких несчастий, поражающих человека.

С.А. Токарев. Религия в истории народов мира. М., 1986. С. 328.

«Шумеры мы! — разгорячился на одной из литературных встреч со своими почитателями мансийский поэт Юван Шесталов. — Древнейшая цивилизация мира зародилась на отрогах Урала и растеклась по всему свету, оставив в память о себе недалеко от нынешнего Челябинска город с каменными домами и водопроводом возраста, перед которым египетские пирамиды и сфинксы имеют младенческий вид. Земные и небесные катаклизмы стерли с лица Урала древнее государство, его подданные разбрелись по всей Земле, чтобы на новом месте утвердить свою культуру. Одно из них — Двуречье... А уральские угры — это

отпрыски древнего народа шумеров, носители его древних обрядов, языка и религии...»

Может, и не все из находившихся тогда в зале поняли в тот вечер полет мысли неугомонного патриота Югры Ювана Шесталова: чужак, куда занесло грешного — в Двуречье! Далековато от земель, холодных и полунощных. И невдомек было тем немногим скептикам, что Юван на этот раз был совсем недалек от истины, ничего не выдумал и не приукрасил, разве что чуть горячился, как многие поэты. Впрочем, это к нашему поиску не относится.

Действительно, предки всех современных иранских народов — шумеры не были коренным населением Двуречья, а явились сюда откуда-то из северных краев, с Урала и Гипербореи, из северо-восточных областей Юго-Западной Азии и имели высокий уровень культурного развития: у них была письменность. Сопоставление известного нам по письменным памятникам, глиняным клинописным табличкам третьего тысячелетия до новой эры шумерского языка с финноугорскими и кавказскими дает основание предполагать о их близком родстве и общих корнях. Принято считать, что на территориях современного Ирана жили племена, говорившие на диалектах, исходных для дравидийской семьи, возможно связанной с древнеуральскими языками. Распространяясь далее на восток, древние дравиды создали в долине Инда высокоразвитую цивилизацию, которая поддерживала торговые и культурные связи с шумерской. У них были сходные языки и похожие боги.

Древнеиранские и древнеиндийские племена были сходны по языку и культуре. Разделение их произошло во втором тысячелетии до новой эры. В эту эпоху религиозные верования обоих племенных групп были, как и языки, сходны. Родство их не представляет сомнений, а вот контакты индоиранцев с населением Гипербореи и приуральскими племенами установить гораздо сложнее.

*«По наши дни затеряны связи финно-угров с иранским миром...»
Художник А.Г. Визель*

Утонули во тьме веков и по наши дни загадочны связи финно-угров с иранским миром. Иранское столовое серебро, ювелирные изделия и оружие, свастика в орнаменте, ритуальные танцы с мечами и саблями, аналогичные встречающимся у на-

родов Ирана и Кавказа, южная распашная одежда, культ лошади и многое другое говорят о наличии южных корней и устойчивых связей между угро-финскими и иранскими народами.

В финно-угорских языках много существенных, с точки зрения нашего исследования, совпадений с иранскими словами. С девнеиранским связано коми-зырянское, удмуртское, хантыйское название хлеба, золота в коми-пермяцком и удмуртском, скота в удмуртском и коми-пермяцком. Иранского происхождения удмуртское — *murt*, коми-зырянское *mort* — человек. Отсюда этнонимы «удмурт», «мордва» от древнеиранского *martya* — мужчина.

Вероятно, вместе с другими элементами культуры еще в древности с территории Урала в Иран (не исключено, что и наоборот) был привнесен культ бога Йимы, прародителя и первого царя людей золотого века, героя, подарившего людям огонь, владыки небесного царства вечного огня.

В религии Древнего Ирана обожествлялось небо. А главным божеством язычников коми тоже был «Ен», под которым понималось небо. Означало небо и центральное божество их соседей удмуртов — «Инмар». А за тысячи километров от них на территории Древней Индии дочь Солнца носила похожее имя «Индра», означающее светлое небо. Обожествлялось, по-видимому, не вообще небо, а Солнце, культ которого в глубокой древности имел распространение у всех северных народов и дошел до наших дней в виде праздника появления Солнца у ненцев и северных хантов.

Фольклор коми сохранил много сказок и легенд, где, как и в древнеиндийских мифах, фигурируют Солнце, мать Солнца, сын и дочь Солнца и даже бык Солнца. У марийцев верховное божество по имени «Юма» в числе многих имеет эпитет «сотня» — свет. В языке коми слово «сота» означает «жечь», «палить». Аналог Йомы и Юмы югорская Сорни-най также несет в своем

имени понятие «Золотой огонь». Все это явные признаки их причастия к культуре бога солнца Йимы. В связи с этой гипотезой припоминается сказка коми «Откуда пошел народ»: «...У двух братьев Остъяс (овцы) и Ошъяс (бык) был страшный бог Йомаль...» Странные имена братьев и их бога далеко не случайны и уводят нас к религиям Ближнего Востока, откуда, если верить сказке, и пошел народ коми.

В древнем шумерском мире на территории Двуречья овца, коза и бык служили символами небесных божеств. Неслучайно эти животные увековечены знаками Зодиака. Человекобык Апис символизировал бога-луну и считался верховным божеством. Имя одного из братьев в сказке «Ош-яс» не только созвучно с Апис, но и означает быка. По-видимому, в упомянутом мифе коми мы находим отголосок древнеиранских мифов периода угасания культа Аписа и зарождения новой религии бога солнца Йима, ставшего на Урале Йомалем, а потом и Йома-Бабой. Культ Йома-Бабы существовал в Прикамье вплоть до начала христианизации Пермского края, когда под давлением миссионеров он начал ослабевать и вытесняться на северо-восток за Урал, где сохранился в виде великой казымской богини Вут-Ими.

Чтобы понять, почему бог Йомаль вдруг становится Йома-Бабой, придется припомнить, что в иранских и тюркских языках слово «баба», или «бобо», добавляется к имени собственному в знак особого уважения при обращении к мужчине, старшему по возрасту (например, Али-баба), и переводится с санскрита как «отец». Перенятое славянами у тюрков слово «баба» приняло у них смысл противоположный и стало означать пожилую женщину.

Из мифологии пермян видно, что изначально Йома-Баба был мужским божеством, постепенно изменившим свой пол под влиянием преобладающего у уральских угров поклонения женскому началу. Положительный герой Йима сменил не только пол, но и

характер. Возможно, в связи с тем что его идолу в старину приносились человеческие жертвы, у коми есть поговорка: «Йома-Баба кодь льюк» — зла (зол), как Йома-Баба.

Давно позабытый Ираном, Йима-Баба продолжал долго еще почитаться на финно-угорском Севере под именами Юмы, Йома, Йомалы, Юмалы, Вут-Ими. А от иранского Йима-Баба добавку к своему имени унаследовали Золотая Баба и Йага(Яга)-Баба. Впрочем, последняя унаследовала от бога огня еще и мужской родовой признак хранителя очага. Именно поэтому она всегда возлежит на печи. Интересное наблюдение, связанное с Ягой и очагом, высказал в конце прошлого века исследователь Севера Бартенев: «Остяки строго придерживаются гентильного (так в тексте. — А.З.) родства. Из названий нельзя вывести характера того союза, который они называют абрась. (Арась — очаг, мансийское. — А.З.). Большинство из этих названий представляют слова, ничего не означающие в остяцком языке, например: ЯГИ, Пандо, Тальчоп... Личные имена большею частью производны: Ерт-иги (дождевой старик) и т.д.».

С утверждением, что название родового союза (очага) ничего не означает, видимо, нельзя согласиться. На ограниченной территории одновременно сосуществуют миф коми о Яг Морте, былина остяков о богатыре Яге и остяцкий родовой союз (очаг) Яги, возможно унаследовавший имя былинного героя.

Н.Л. Гондатти, совершивший экспедицию на Тобольский Север, в своей работе «Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири» (М., 1888) сообщал, что в верованиях манси духи — покровители огня назывались **наине-одыр**. Следовательно, Яга — это наине-одыр. А имя Наина, как это часто случается у языческих народов, прежде чем стать собственным, было существительным и может переводиться как «пламенная». По этой причине пушкинская Наина унаследовала все черты и повадки фольклорного персонажа — Бабы-Яги.

Вряд ли мы имеем дело со случайным совпадением. Вероятнее всего, первоначальное значение названия рода попросту забыто или сознательно утаено от не в меру любопытного путешественника. Если существовал остяцкий род Яги, то непременно должен был существовать также и тотем рода Яги и его материальное изображение, обычно в виде болвана-идола. Возможно, им была сама Сорни-най — Золотая Баба, отождествляемая с Ягой. Может, ее и искал безуспешно в свое время Джильс Флетчер? Кстати, то, что название рода забыто, может свидетельствовать также и о давней потере или утрате изображения тотема и о постепенном стирании из памяти его названия.

Об идоле Йомале упоминал Снорри Стурлуссон в саге о походе Торира-собаки в простиравшуюся до океана Бьярмию, или Пермию. Почти через тысячу лет после него захоластный березовский священник Попов выведаль у хантов и донес в тобольскую консисторию имя их главной святыни: Яу-мал. Еще через пятьдесят лет профессор Б.М. Житков высказал предположение, что название полуострова Ямал происходит от имени ненецкого шайтана Яу-мал хэ, что значит речной святой. Впрочем, он мог носить и остяцкое имя Яха-баба, т.е. речная богиня.

Но вернемся на территорию Ирана в древний шумерский мир, где был создан и сохранился до наших дней первый известный науке письменный источник с упоминанием существа, похожего именем и характером на нашу Ягу-Бабу. Это эпос о первом царе Урука Гильгамеше — высшее достижение художественной мысли одной из первых цивилизаций мира, древнейшая, старше Илиады более чем на тысячу лет поэма.

Поэма о Гильгамеше была нанесена клинописью на глиняных таблицах на четырех древних языках проиранского Востока — шумерском, аккадском, хуритском и хеттском, вероятно, еще в конце III тысячелетия до новой эры.

В долинах Тигра и Евфрата гипербореи шумеры сосуществовали со скотоводческими семитскими племенами, тесно перемешиваясь друг с другом, в результате чего семитский язык постепенно вытеснил древний язык шумеров. В проиранский мир к семитам мы вернемся еще не раз далее.

В поэме царь Урука Гильгамеш обращается к своему союзнику, человекобыку Энкиду: «Друг мой, далеко есть горы Ливана. Кедровым покрыты эти горы лесом. Живет в том лесу свирепый Хумбаба. Давай его вместе убьем мы с тобою...» Человеко-быка мы уже встречали в фольклоре северян коми. Так, может, таинственный Хумбаба жил когда-то в кедровых лесах Урала? По предположениям некоторых современных археологов, возникшим после раскопок древнейшего города Аркаим в Челябинской области и «долины царей» (Ингальской долины) в Тюменской, именно на этой территории в «стране городов» зарождались протоиндоарийская и протоираноарийская цивилизации. Здесь же написаны Ригведа и Авеста. А воинственные арийские амазонки, нападая на окрестные народы, дали повод для создания сказок о свирепой «бабе». Окончательного подтверждения догадке пока нет. Однако, несомненно, что Хумбаба, Йима-Баба, Йома-Баба, Йага (Яга)-баба, Золотая Баба, Бабай — сверхъестественные существа одного ряда и ведут свое происхождение из глубокой старины.

Выше уже упоминалось культовое место обских угров, сосредоточение маленьких избушек на одном-двух столбиках, служивших хранилищами кукол — вместилищем душ умерших предков. Такое место, настоящий городок мертвых духов, носит название Ура. Граница между светлым и полночным царством носит имя Урал (страна городов?). Названия древнейших городов Двуречья имеют в своем составе корень «ур», а один из них так и называется — Ур. В дравидийских языках слово «ур» означает поселение, город. Сотни населенных пунктов в Южной Индии, верховным божеством которой считался «владыка йоги» Шива,

имеют окончание «ур». В совпадении хантыйской и древней дравидийской топонимики, следы которой встречаются также и в Иране, мы имеем не простую случайность. Эти следы ведут нас к царству мертвых и йогам, или ягам по-нашему.

Специалист по индуистской религии Е.И. Парнов считает: «Всех без исключения индуистских богов безусловно следует причислять к йогам (ягам?). Дайкини (бесовка), ши-качи (ведьма), йогини (колдунья), все эти низшие женские божества с демоническими именами и соответствующей внешностью воплощают творческую энергию шакти».

Кроме чисто грамматического созвучия имен колдуний — русской Яги (Йаги), индийских йогини, иранской игиги, — заставляющего задуматься и попытаться сделать обобщения, обращает внимание непременная спутница Яги ступа, которая в свете изложенного приобретает необычный и зловещий смысл. На санскрите слово «ступа» означает верхушку мавзолея, надгробие, культовое сооружение на могиле индуистского или буддийского святого. А санскрит — основа большинства европейских языков.

Из сказанного можно сделать вывод, что образ Яги был синтезирован из множества сходных образов индоиранской мифологии и привнесен в сознание северных народов. Или наоборот, из какого-то изначально общего источника параллельно появились персонажи русских сказок — Яга, культовые индоиранские герои Яма и Йима, богиня уральских угров и самодийцев Йома баба, она же Йомала и Сорни-най.

В русской сказке об Иване-царевиче и Белом Полянине (жителе снежного, белого поля) неутомимая воительница Яга — золотая нога совершает свои набеги из подземного царства. Спасаясь от преследования царевича, она приподнимает в ущелье железную доску (надгробие, ступу?) и скрывается под землей, в царстве мертвых, где правил лунорогий Яма. Последуем за ней незаметно и мы.

Верста двенадцатая

ЯГА — КОСТЯНАЯ НОГА И ЯМА — ВЛАДЫКА МЕРТВЫХ

...В тридесятом царстве, за огненной рекою живет Баба-Яга; у ней есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает... Пошел Иван царевич — стоит дом Бабы-Яги, кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человеческой голове, только один не занятый.

Марья Моревна.

Русская народная сказка

Как-то незаметно прижился я в читательском клубе при нашей библиотеке. А когда настал мой черед делать доклад для ценителей «тюменской старины», решил рассказать о своих изысканиях и сомнениях. Выступление прошло, можно сказать, почти удачно, только под конец его одна умненькая студенточка с филфака университета задала вопрос каверзный: «А все-таки почему у Яги нога костяная?»

Искра сомнения, зароненная студенточкой, заставила вернуться к теме, которую я считал законченной. (Говорили же мне, чтобы с Ягой не связывался.)

Для сказки не существует временных и пространственных ограничений. В один миг переносит она нас со знойного Юга на холодный Север. Последуем за ней и мы.

В Вятских краях еще в начале века Яга сохраняет свое древнее имя Еги-бобо, Егибисна, Егибиха, Егибишна. В сборнике Зеленина (1915) встречается северный вариант сказки о Терешечке под названием «Ивашко и ведьма»: «...Потом приходит вот эта самая Егибиха (нечисты вот эти самые: в озерах живут, в лесах живут) и говорит: “Ванюша! Подъедь-ко ты к бережку...”» Очевидно, это более ранний вариант сказки, чем сказка о Терешечке, прошедшая литературную обработку. В упомянутом сборнике просматривается интересная закономерность: во всех сказках народных сказителей — Егибоба, Егибиха и т.д., а в сказке, рассказанной священником Покровским, — уже Баба-Яга. Но это может говорить и о том, что священник прибыл из других краев.

Русские, пермяне и вятичи, издавна общавшиеся с коми и ходившие не единожды походами на Югру, лучше других знали их нечистых. Имя одного из главных идолов остяков — хозяина рыб или речного старика, по-хантыйски могло звучать как «ягун-ике», или «яга-ике», или «ега-иге», в зависимости от диалекта. Вспомним: «нечисты вот эти самые: в озерах живут, в лесах живут...» Хозяин рыб — болван с золотой грудью, сама Золотая Баба или весь сонм югорских демонов дали имя Бабе-Яге — мы можем только догадываться.

Подтверждение генетической близости Золотой Бабы и Бабы-Яги можно отыскать и в самих сказках. В сказке об Иване-царевиче и Белом Полянине Баба-Яга ходит на золотой ноге. Разноногость Яги как наследственный признак переходит из сказки в сказку.

В вятской сказке «Про козла»: «...Когда Иванушко воротился домой, Егибисна выскочила его встречать: одна нога г...нна, другая наземна, а у его жены одна нога серебрена была, а другая золотая...»

В других сказках у Яги нога костяная или глиняная, но никогда не хромая. Глиняная нога, по-видимому, имеет самую давнюю историю и связана в том числе с одинаковым у древних славян и угров языческим культом медведя. В некоторых славянских и древних финноугорских могильниках на территории Ярославского Поволжья неоднократно находили глиняные лапы медведя, несомненно имевшие какое-то культовое, пока не до конца известное нам значение. Дольше других культ медведя сохранялся у обских угров — хантов, называвших медведя индосказательно: иге или ике (старик), а у славян, как напоминание о забытом культе, осталась сказка о медведе на Липовой ноге и Яге — Глиняной ноге.

Ханты и манси шкуры медведей убитых на охоте и животных, приносимых в жертву идолам, сохраняли в специальных избушках «на курьих ножках», или развешивали поблизости от капища. У шкуры обязательно сохраняли голову и передние ноги. Вот как описывал такие места Григорий Новицкий: «...При главных же кумирах всегдашне стражи и жрецы почитаются. Чин их должности всегда быть служителем лжи. Что ближе татарских жилищ пребывают... на скверные свои жертвы употребляют лошадей. А в дальних пустынных селениях оленей наипаче приносят на жертвы... Скоро ударяют ножом в сердце, испущая кровь в блюдо, кропят сею мерзостью и жилище своя, идолам же уста помазуют, в украшение же и всегдашне воспоминание кожу с главою и ноги даже до колен заедино с кожею на деревьях завешут над кумирнею... Сим частым приношением в премногую внийпа нищету и крайнее разорение, яко чад и жен своих продают заимодавцам своим в работу».

Картину Новицкий нарисовал впечатляющую, и нет причин сомневаться в его объективности. Черепов и костяных ног вокруг избушки на курьих ножках накапливалось предостаточно, и не имеет большого значения, кого могли принять за бабу-в-яге — самого идола или шамана, его охраняющего. Нельзя не обратить внимания на трагическую связь между жертвоприношением кумиру и отдачей в неволю жены и детей жертвующего.

В сказке «Крошечка-хаврошечка» мы находим отголосок именно этого ритуала: любимую корову приносят в жертву ведьме-мачехе. Сообщение Новицкого о принесении в жертву идолу, которого мы условно именуем баба-в-яге, лошадей очень важно для нашего исследования. А.А. Потеня, считавший Ягу, Мору и Морену, олицетворяющих в славянской мифологии зиму и смерть тождественными между собой, находил их несомненную связь в сказках с лошадьё. По его мнению, сказочная формула «упасти кобылку» означает добыть в замужество дочь Бабы-Яги. Он приводит множество вариантов сказок, указывающих на родство лошади и Яги. В одних Яга сама обращается в лошадь, в других — обращает в кобылиц своих дочерей. Свидетельство Новицкого о принесении лошадей в жертву и наличии вокруг избушек на курьих ножках большого количества лошадиных шкур с головами и передними ногами проливает свет на происхождение этой связи.

Допуская, что Яга могла представлять из себя идола полухристианской-полуязыческой святой Параскевы Пятницы, Потеня перекидывает мостик своих рассуждений к индийской мифологии и находит, что Яга-кобылица — мать Солнца. В мифе о браке обратившегося жеребцом Вивасвата с пытавшейся убежать от него под видом кобылицы Саранью говорится, что в результате брака у них родились близнецы: Агни (огонь) и Индра (светлое небо).

В переплетении и сходстве мифологических сюжетов севера и юга можно усмотреть как их общее индоевропейское начало, так и одинаковые закономерности и пути развития культуры.

Мы уже останавливались на том, почему женщина Яга наследует чисто мужской признак хранителя огня — она унаследовала его от иранского Прометея Йимы. (Кстати, по легенде, Йиму в конце его жизни победил трехглавый дракон, а тело героя расчленили пополам. Отметим последнее обстоятельство — мы с ним еще встретимся, когда будем говорить о Яге — Костяной ноге.)

В индийской мифологии древнеиранскому Йиме соответствует его аналог (Йама) Яма, фигура сложная и мрачная. Сын Саранью и бога Солнца Вивасвата — Яма — бог смерти, владыка мертвых, повелитель ада и пожиратель трупов. По этим признакам он близкий родственник Яги, живущей на границе живого и мертвого царств.

По многим признакам сходный с иранским Йимой, индийский бог Яма, пожиратель трупов, изображался с бычьей головой и острыми зубами. За свои огромные рога Яма был удостоен титула «Яма-лунорогий». Царь мертвых Яма из древнеиндийских, ведийских времен изображался одетым в красное платье, верхом на быке, с оружием в виде дубинки и петли, в сопровождении двух больших псов. Голову Ямы увенчивала тиара из человеческих черепов.

Что и говорить, облик у царя мертвых был ужасающий, хотя происхождение он имел божественное и даже можно выразиться — блестящее.

В пуранической легенде Яма — сын Вивасвата и Саранью. У Ямы имелся брат Мина и сестра-близнец Ями. Мать Ямы покинула (а может, и умерла) своего супруга Вивасвата-Солнце, не выдержав его ослепительного блеска и детей. Воспитывала его служанка (или тень) Саварна. Мачеха обижала Яму, и тот

однажды поднял на нее ногу (пнул). За это по проклятию Саварны нога у Ямы должна отпасть. Но Вивасват смягчает проклятие: нога лишь усыхает, лишившись мяса и сухожилий, а сам Яма, известный своей добродетелью, становится, по указанию Вивасвата, «локапалой» — хранителем юга и царем умерших предков⁹.

В этом мифе мы находим похожий на угорские поверья мотив: тень матери недоброжелательно относится к покинутому матерью сыну, что вообще характерно для верований уральских народов о душе-двойнике или тени покойника. Остается лишь гадать, в каком направлении путешествовала легенда о костяной ноге: с юга на север или с севера на юг и как попала она в русские и угорские сказки о Яге — Костяной ноге.

Костяную ногу Яги Пропп считает признаком ее связи с загробным миром. Но, как он сам замечает, других признаков, указывающих на то, что Яга-групп, в русских сказках нет. Им же высказано предположение, что происхождение понятия Баба-Яга связано с обрядом инициации, существовавшим в древности у многих народов. Ритуал инициации (обрезания) в эпоху первобытно-общинного строя совершался над подростками при достижении ими зрелости, позже обряд обрезания новорожденных появился у семитов и сохранился у иудеев по настоящее время.

Иудаизм как религия начал формироваться в Двуречье, на территории современного Ирана. Отсюда описания вавилонского периода иудеев и заимствования из индо-иранской мифологии в Библии. При желании в Библии нетрудно отыскать сюжет, во многом схожий с усыханием ноги Ямы: «Иакову приснилось, что он борется с богом Яхве (некоторые полагают, что первоначальная форма имени Яхве или Ягве была Ягу). Он боролся изо

⁹ Гринцер П.А. Мифы народов мира. М.: С. Э., 1980. Т. 2. С. 682.

всех сил... Бог выдерживал натиск Иакова до рассвета и, увидев, что одолеть его не может, коснулся жилы его бедра, которая немедленно засохла. Проснувшись утром, Иаков обнаружил, что хромает на одну ногу».

Сходство индийской и древнееврейской легенд налицо: Яма поднял ногу на свою божественную мачеху, и нога отсохла. Иаков боролся с богом Ягу, и у него высохла жила ноги.

Бог иудеев отличался суровостью и жестокостью. Согласно Библии, Ягве очень настойчиво требует, чтобы его почитатели были обрезаны. Не менее настойчива претензия Ягве, чтобы все первенцы Израиля были посвящены ему: «Однажды Бог, желая убедиться в преданности Авраама, решил подвергнуть его испытанию: велел ему принести в жертву и сжечь своего любимого сына Исаака. Сын был единственной надеждой Авраама, но тем не менее он скрепя сердце подчинился воле Божьей. Авраам с Исааком поднялись на высокую гору. Сын нес дрова, отец в одной руке держал горящую лучину, а в другой — острый нож. По дороге Исаак спросил: “Отец мой... вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?” Авраам ответил: “Бог усмотрит себе агнца для всесожжения, сын мой”. На вершине горы Авраам построил из камней жертвенник, связал потрясенного Исаака и уложил его на камнях поверх дров. Затем он занес нож над сыном, но Бог через ангела остановил его руку и благословил за то, что, покорный велению Бога, он готов был принести в жертву своего единственного сына. В это время заблудившийся баран запутался рогами в терниях и Авраам принес его в жертву».

В этой главе Библии мы имеем конкретное описание ритуала языческого жертвоприношения, при котором изначально жертвой избирался человек и лишь потом его заменили на животное.

Вероятно, это библейское предание послужило основой для сказки «Сестрица Аленушка и братец Иванушка». В ней козле-

ночек, которого хотят зарезать в угоду ведьме-яге, причитает: «Костры горят горючие, котлы кипят кипучие, ножи точат булатные, хотят меня зарезати».

Языческое жертвоприношение всегда омерзительно и жестоко, независимо от того, кто его исполняет: древние иудеи, славяне или угры.

Полагают, что требование выкупа жертвой первенцев, посвящаемых Богу, означает, что когда-то в древности эти первенцы действительно приносились в жертву Богу — убивались.

В 1902 году на земле Палестины раскопали библейский город Гезер. В одном месте в братской могиле воинов нашли скелет девушки, у которой тело ниже ребер было отсечено и даже следов тазовых костей ног не обнаружено. В другом месте, под фундаментом одной из стен, обнаружили скелеты двух мужчин. Около их ног стояли кувшины, вокруг была разбросана посуда. Около останков этих трупов лежал расчлененный скелет юноши. Тело его также было отсечено ниже ребер: нижняя часть и ноги отсутствовали. Похоже, что ноги приносились на алтарь Бога.

В одной из пещер Ханаана нашли многочисленные детские трупы. Они были захоронены в кувшинах. Всем этим детям исполнилось не более 8 дней. Ни у одного из них на теле не обнаружили следов травмы или насильственной смерти. Только на останках двух младенцев были замечены следы обугливания.

Наверное, их еще живыми втиснули в кувшины, в большинстве случаев головами вниз. Скорее всего, это были первенцы, которых принесли в жертву Ягве.

Жестокость и кровожадность Ягве особенно выступили на первый план в эпоху, когда кочевые еврейские племена начали наступление на сельскохозяйственные области Ханаана. Овладев страной, израильтяне продолжали невероятное по жестокости

избиение мирных жителей. Зрелища многочисленных жертв, видимо, доставляли удовольствие Ягве, который по этой части превзошел Ваала, принимавшего в жертву детей Израиля.

Возникает законный вопрос: какое отношение имеет Ягве к формированию образа нашей северной Бабы-Яги? Самое непосредственное. Образ Яги, вероятно, частично формировался в сознании южных славян во времена государства киммерийских амазонок и Хазарского каганата на южнорусской границе.

Суровый иудейский бог хазар Яхве требовал частых жертв, которые не могли составлять тайны для сопредельных с хазарами славян. Вынужденные контакты и соседство Руси с Хазарией, исповедовавшей иудаизм, а впоследствии библейские предания, не могли не наложить отпечатка на устное народное творчество руссов в виде сказок о Яге — костяной ноге. Впрочем, не только на русское.

В остяцкой былине о богатырях города Эмдера упоминается богатырь Яг:

И стрел Борея не страшась,
На месте райском красовался
Тот городов арьяхских князь.
Далеко слава шла о силе
Богатырей его в боях,
Из пятерых их самым малым
Был на ногах оленьих Яг.

(По записи С.К. Патканова, у Яга, или Иага, были братья: Хусальтем, раздробивший долго сушеное конское бедро, и другие.)
В этой былине имя богатыря Яг — собственное.

Возможно, одна из причин разноногости Яги кроется в космогонических воззрениях древних славян и финно-угров, во многом схожих.

Духовная сестра русской Яги югорская лесная богиня, хозяйка всех лесных зверей, посылающая удачу охотникам, тоже разноногая. В специальной песне, предназначенной кровному жертвоприношению в ее честь, она описывается так:

«...Дочь лесного бога, дочь лесного бога, вот она стоит. Одна нога лосиная, другая человечесья. — Вы, за зверями ездившие двое, возьмите меня, королеву лесных зверей, я счастливая!» (Сообщил М.А. Лоншаков.)

Одна нога лосиная, другая человечесья... Семизвездие Большая Медведица на Русском Севере носила название Лося. У древних охотничьих народов существовал культ лося или оленя, впоследствии вытесненный медвежьим. Может, от семи звезд Лося и пошло выражение «седьмое небо». А.Н. Афанасьев, описывая пережитки язычества на Русском Севере, упоминает оленя как древнее жертвенное животное. Предания о священных оленях, выбегающих из леса к церкви на заклание, тяготеют к финно-угорскому Северу и имеют широкое распространение в бывших Вологодской, Пермской и Новгородской губерниях, где охотничья стадия хозяйства задержалась дольше, чем на земледельческом Юге. Материалы раскопок показывают, что культ небесных оленей, лосей представляет собой повсеместную архаичную стадию религиозных представлений, но у давно пришедших к земледелию племен она стерлась, а у недавних охотников сохранилась в большей степени. В изображениях так называемого пермского звериного стиля, существовавшего в течение почти всего железного века, почти до XV столетия, самым распространенным сюжетом шаманских бляшек «бесовских привесных козней» служат ящур, коршун, мужская фигура в головном уборе в виде морды лося и две женские фигуры с головами лосих и копытцами на ногах или лосиными ногами. Женщины-лосихи расположены по бокам бляшек таким образом, что мордами создают полукруг, символизирующий небесную сферу. «Привесные

козни» служили принадлежностью особых, очевидно шаманских, одежд, или приношением божеству — «жертвы», которые развешивались около кумирниц и над ними на кровлях. Небесная лосиха роженица была для древних символом великой Матери Мира, давшей жизнь всему живому на земле.

Синкретическое существо Небесная лосиха — мать мира, женщина на лосиных ногах, видимо, приходится праматерью хантыйской дочери лесного бога, у которой одна нога лосиная, другая человечесья, что символизировало ее принадлежность к обоим мирам: небесному, миру богов, и земному — миру людей. Принадлежность к двум мирам роднит ее с Бабой-Ягой.

В пермской мифологии (как и вообще в угорской) сонм лесных духов неизменно человекообразен. По этим признакам пермяцкие лесные боги и хантыйская дочь лесного бога близки к Яге, костяная нога которой явно унаследована ею от Небесной лосихи-матери и была изначально лосиной, оленьей, конской и уж впоследствии — медвежьей.

Верста тринадцатая

БОГИНЯ ОХОТЫ

За областью, называемой Вятка, по дороге в Скифию, стоит большой идол Золотая Баба. Золотая старуха. Соседние племена весьма чтут его и поклоняются ему, и никто, проходя поблизости и гоня и преследуя зверя на охоте, не минует идола с пустыми руками, без приношений.

Матвей Меховяский.

Трактат о двух Сарматиях.

Краков. 1517

В умеренных дозах холод способствует общению и объединению творческих душ. Похолодание ледникового периода заставило первобытное недочеловечество научиться разводить огонь, ткать и шить одежду, строить жилища, создавать запасы еды. Именно стимулирующему влиянию холода обязана своим появлением в умеренных широтах северного полушария мировая цивилизация. Выше к северу холод уже не стимулирует, а сковывает творческие силы человека, подвигая все его помыслы единственно на борьбу за выживание.

Другая картина в обильных теплом и пищей тропиках — сытость и жара больше располагают к сонливому отдыху, чем к работе и самосовершенствованию. Именно срединное местоположение и благоприятный климат античной Эллады оказали услугу необыкновенному расцвету ее культуры. Значение для Греции оздоравливающего дыхания северного ветра Борея прекрасно осознавали и сами древние эллины, включившие в пантеон своих богов гипербореев Лато и ее детей-близнецов: покровители искусств Аполлона и покровительницу охотников Артемиду.

К такому вот выводу я пришел холодной ноябрьской ночью, пытаясь безуспешно согреться с помощью кипятка и лысоватого одеяла в насквозь простуженном титаническим бездействием кочегаров загородном корпусе. В «той степи глухой» я замерзал в большой компании: начинающие всех возрастов, от юных поэтов до убеленных сединами мемуаристов, слетелись со всей области на традиционную ежегодную встречу под крылышком тюменской писательской организации, но оказались вытесненными из города в чуть теплеющий среди заснеженного леса пионерский лагерь партийными чиновниками и иже с ними, буквально заполонившими все городские гостиницы. Политики в который раз пренебрежительно попрали духовность.

В начале семинара нервное ожидание критики, легкий ажиотаж и жаркие споры при обсуждении рукописей еще как-то согревали и семинаристов, и руководителей семинара — уважаемых корифеев пера в остывающих корпусах, но ночью, когда над верхушками сосен ярко вспыхнуло искрами небо, а над трубой котельной, наоборот, все попритухло, перегоревшие за день души и тела запросили тепла.

Сиротские пионерские одеяла и вся мобилизованная одежонка оказались слабой защитой от всепроникающей стужи, и, потеряв надежду на сон, замерзающие литераторы вспомнили последнее и хорошо испытанное средство для саморазогрева — чай. Возле

одного из чайников собрались погреться северяне: известный писатель Еремей Айпин, его земляк, директор Угутского краеведческого музея Петр Бахлыков, потомственная казымская княжна Катерина Молданова, начинающий поэт, но вполне профессиональный охотник, имени которого, каюсь, не запомнил...

Ночное бдение и чаепитие располагают к разговору, а о чем может идти речь у земляков-северян, собравшихся за одним столом, как не о тревогах за уходящую под натиском пришельцев первозданность северных культуры и природы, проблемах языка и самосознания коренного населения, подрыва экономических основ их жизни. Зашла речь и о литературных исканиях и замыслах. И тогда я вступил в беседу. Хотя итогами семинара я мог бы и удовлетвориться — мой очерк о родословной Бабы-Яги был отобран для публикации в «Уральском следопыте», но привычка обкатывать гипотезу на слушателях уже въелась, и я не преминул подкинуть тему Яги собеседникам. Обстановка тому способствовала: за узорчатым окном завывали бесы, чайник был полон и кружок собрался самый компетентный. Может, именно поэтому предложенная мной тема нашла живейший отклик, и о Яге заговорили наперебой. Высказанные во время этой дискуссии мысли, наблюдения и выводы я постараюсь передать читателю в моем дальнейшем повествовании.

Конечно же сказочная Яга — прототип древней Матери человечества. В ее образе неслучайно подчеркиваются характерные женские физиологические признаки, причем нередко в преувеличенном виде. Гипертрофию материнских органов Яги отмечали В.И. Даль в своем «Толковом словаре» и Ончуков в собрании «Северных сказок». Как у Йома-Бабы и ее сестры, великой казымской богини Вут-Ими, у Яги нет мужа. Очевидно, ее образ формировался в сознании человечества еще в те далекие времена, когда скакали на огненных кобылицах по пустынным степям отважные охотницы-амазонки, а продление человеческого

рода мыслилось без особого влияния мужчин. А когда времена матриархата безвозвратно канули в Лету, амазонка Яга осталась вековать на Земле, хотя и постарела чуток. Но привычек своих не оставила.

По сохранившейся в сказках амазонской традиции Яга — только мать, но не супруга. По законам амазонок у Яги в сказках никогда нет сыновей — только дочери. В некоторых сказках дочери есть только у ее сестер, а в более поздних она уже остается в одиночестве. Но потеряв с падением матриархата власть над людьми, праматерь-Яга в сказке сохраняет власть над животными и над жизнью и смертью человека и этой своей чертой напоминает древнеиранского Йиму, хозяина двуногих и четвероногих и Вут-Ими, или Золотую Бабу, которая, как и Яга, имела двух меньших сестер — серебряную и каменную.

Вот как рассказывал манси Савва о серебряной: «...По Золотой Бабе ее лили в старое время. Положили ту в песок с глиной. Закопали. Растопили ковш серебра и вылили. И так обделали. Вот она и живет... Она помогает сильно бабам: у нас ребят мало, народ вымирает, вот к ней за ребяташками и ходят мужики и жертвуют... И промыслам тоже помогает...» Совпадение функциональных характеристик охотничьего идола Золотой (серебряной) Бабы и Бабы-Яги ведет свое происхождение из охотничьего периода развития человечества и в известной мере связано с обрядом инициации, сохранившимся до наших дней у охотничьих народов и племен.

Инициацию — обряд посвящения в охотники — изначально проводила женщина-паламанка, лишь с течением веков сменная заклинатель-мужиной. Обряд инициации состоял из своеобразного практического испытания будущего охотника и проверки приобретенных им навыков. Для этого юношу изгоняли на определенный срок из племени в лес, предоставляя ему возможность выжить и прокормить себя самостоятельно, чтобы доказать

свое взросление. Едва ли не самой важной частью этого ритуала являлось предварительное запугивание юношей имитацией смерти. Здесь важнейшая роль отводилась шаманам-идолам — властителям охотничьего промысла.

У уральских угров Золотая Баба почиталась как богиня — властительница зверей, помогающая промыслу. Ее двойник, или, выражаясь образами югорской демонологии, тень — Яга-Баба тоже хозяйка зверей, притом зверей лесных, и имеет над ними неограниченную власть. В сказке о Кошее младшая Яга говорит о старшей: «...есть у нее на то ответчики — птица воздушная, другие ответчики — зверь лесной, третьи ответчики — рыба и гад водяной».

Объяснение власти Яги над лесными зверями вытекает из предположения, что первоначально баба-в-яге была культовым идолом. Вокруг своих святых мест, культовых избушек с богами-идолами коренные обитатели Севера — ханты, манси, селькупы, ненцы — устанавливали своего рода запретную зону для охоты — микрозаказник, имевший в радиусе до десятка километров. Все лесные жители в заповедном районе посвящались идолу и считались с его собственностью. Культурная традиция, имеющая в своей основе природоохранную сущность, позволяла сохранять и регулировать численность зверей, впоследствии переосмысленная, сделала бабу-в-яге хозяйкой всех лесных зверей. А неперемная спутница Яги ступа, оказывается, имеет смысловое значение, также связанное с охотничьим промыслом: так называется плетеная ловушка на тетеревов.

Связь лесной владычицы с животным миром уходит в глубокую древность. В Чердыни, крае идольских капищ и колыбели язычества Пермского края, сыскались древние изображения прообраза Яги — лесной владычицы на пластинках — «бесовских привесных кознях» — принадлежностях шамана.

На одной из шаманских пластин богиня находится в окружении себе подобных, но с лосиными ногами. На других ее окружают змеи, орлы, журавли, совы, волки, кони, лоси и даже мифическое двуглавое животное. Шаманские пластины и Золотая Баба не только географически имеют общее происхождение, но и наделены сходными функциями и символикой, унаследованными от них Ягой.

Наиболее часто встречаемый изобразительный мотив на «привесных кознях» и в других изображениях Великой Матери — лоси или олени, животные наиболее других почитавшиеся в охотничьем периоде человечества. Это уже потом, с появлением земледелия и земледельческой религии, бывшие лесные боги превратились в нечистую силу, а мать и хозяйка зверей — в ведьму Ягу. У охотничьих народов Сибири этот процесс задержался, благодаря ему мы и имеем возможность рассмотреть одну из характерных черт вселенской ведьмы. Культ почитания оленя и пермский звериный стиль уводят нас в античность, в Древнюю Элладу, к гиперборейке по рождению, прекрасной охотнице, постоянно сопровождаемой оленем, Артемиде, или Диане.

Многие индоевропейские народы Центральной и Восточной Европы почитали в древности двух богинь-рожиц, из которых старшая — мать — именовалась Лато, или Лада, а имя младшей варьировалось: у праславян это была Лель, Ляля, Лили, у греков — Артемидеа, сохранившая много черт архаичной охотничьей богини северян. Вероятно, Артемидеа попала в пантеон греческих богов от соседей-варваров и под воздействием эллинской культуры изменила обличье. Во всяком случае, по мифам, мать двух близнецов Артемидеи и Аполлона прибыла на греческий остров Делос из страны гипербореев. А потому ее дочь — охотница Артемидеа — прочно связана с образом оленя или лани, а в позднейшее время — с медведем. Общий закон эволюции охотничьих культов одинаков что для античной

Артемиды, что для средневековой Йомалы, что для Сорни-най. В классическое время Артемиды становится богиней охоты и плодородия. Ей, по всей вероятности, приносили человеческие жертвы. Записанный Геродотом миф повествует, что гипербореи издавна посылали на Делос священные посольства, возглавляемые девушками, заранее предназначенными в жертву.

Артемиду, кроме того (как Золотую и Серебряную Баб угров), считали помощницей при родах. В основе мифов о Лато и Артемиде, матери и дочери, географически связанных с Севером, а тематически — с охотой и звериным миром, вероятно, лежит весьма древнее представление северных народов о двух небесных богинях-роженицах, доземледельческого периода, когда они выступали еще в своем полужверином-полуженском обличье. Именно такими мы их видим на чердынских бляшках и других рифейских изображениях.

Известный дореволюционный ученый-этнограф Н.С. Трубецкой в научном исследовании «К вопросу о Золотой Бабе» приходит к заключению о вероятной идентичности культовых понятий и изображений Артемиды и Золотой Бабы и их общем происхождении. Однако на момент исследования материальных подтверждений высказанной им гипотезы было крайне недостаточно. И вот сравнительно недавно предположение Трубецкого о северной прародине Артемиды нашло подтверждение на Вологодчине, где отыскалось ее культовое место.

Мифы донесли до нас распространенное описание богини-охотницы: в легкой накидке, с луком и стрелами. Такой она изображена и на языческом алтаре, недавно найденном в Тарногском районе Вологодской области, недалеко от реки Кокшеньги. На каменном валуне Артемиды изображена верхом на олене, а с неба на всадницу льется звездный свет. На другой грани валуна — изображение богини зари. Рядом с ней — божество в пышном уборе на голове и с подобием топора в руке. Археолог

И. Никитский считает, что это, скорее всего, верховный бог, нечто вроде древнеславянского Перуна или угорского Нуми Торыма. Представления о мироздании, отображенные на валуне, наводят на мысль о принадлежности капища финно-угорским народам. На подобной алтарю плите сохранились следы угля, множество ног вытоптало площадку перед святилищем, множество голов склонялось перед ликом богини, множество мыслей и ярких ассоциаций зародил у почитателей ее необыкновенный образ.

Растекаясь от места поклонения по всему свету, разносили паломники мифы, легенды и сказы о деяниях лесной богини Йомы, родной сестры Артемиды, Золотой Бабы и Яги...

Собранные нами по крохам явные и косвенные улики по делу Яги позволяют сделать предварительный вывод, что вся индоевропейская культура и в особенности представления народов уральского круга и финно-угорские мифологемы оказали существенное влияние на культуру северян и нашли отражение в их народном творчестве. Что мы и проиллюстрировали на примере сказок с участием Бабы-Яги.

Воистину нет преград для сказки! Север и Юг, Восток и Запад, разные народы далеких друг от друга стран и эпох принимали участие в создании неординарного фольклорного образа вечно молодой старушки Яги. Мы можем лишь в общих чертах предполагать, как создавались сказки о ней, ведь многие века минули. В наш век научной фантастики стали забываться старые сказки. Не забыть бы насовсем, ведь: «Каждая из них — поэма».

Верста четырнадцатая

ХРАНИТЕЛЬ ЗОЛОТОЙ БАБЫ

Владелец упомянутой страны подарил Едигею двух диких людей — мужчину и женщину... Тело же у них, за исключением рук и лица, покрыто волосами; подобно другим животным они скитаются по горе...

*И. Шильтбергер. Путешествие
Ивана Шильтбергера по Европе,
Азии и Африке. XV в.*

«Каждая из них — поэма». Завершив свой рассказ красивой пушкинской строкой, я отбросил перо и облегченно вздохнул: все, наконец-то с Бабой-Ягой и с Золотой Бабой навсегда покончено. Больше я на эту тему не пишу и книг из библиотек не выписываю. Можно и отдохнуть на природе, не отдавая отпуска читальным залам. Не успел я размышлять о реке и рыбалке, как мой кратковременный покой потревожили два молодых человека, назвавшиеся студентами исторического факультета университета.

— Это не вы писали в газете о Золотой Бабе и Бабе-Яге? — без лишних предисловий спросили они прямо с порога. При-

шлось признаться, что да, действительно я опубликовал в нескольких газетах пять или шесть статей по истории Яги и Сорни-най.

Не знаю почему, но я даже попытался оправдаться перед самоуверенными ребятами, что писал я не корысти ради, а единственно с целью проверки своих гипотез, в надежде найти серьезных оппонентов, и в первую очередь у них в университете, да что-то таких пока не сыскалось.

— Видимо, вы, ребята, пришли как раз с этой целью? — заинтересовался я.

— Не совсем, — слукавили студенты, — скорее даже наоборот. После ваших статей о «Затерянном идоле» мы на факультете занялись параллельным расследованием под руководством нашего доцента и результаты получили схожие. Правда, сказками мы не занимались: это дело фольклористов-филологов, но зато отыскивали одну из Золотых Баб, как раз на Конде, где и вы искали...

— Как?! — изумился я. — Не может быть!

— Еще как может, — усмехнулся тот, что повыше, открывая кейс. — Полюбуйтесь на свою Золотую...

С темной любительской фотографии на меня глянуло бесформенное лицо каменного идола. Треугольная, плохо обтесанная голова на безобразной формы туловище из почти не обработанного камня, слабый намек на руки, ног нет совсем.

— А идол ли это? — усомнился я.

— Без всякого сомнения, — уверили меня студенты. — Рядом следы ритуального костра, остатки жертвоприношений, кости. Нашлась медная пластинка с шаманской яги, бусы, колокольчики. А голова у идола приставная: из магнитного железняка или метеоритного железа — компас на нее реагирует.

Мне стало обидно за легендарную красавицу Сорни-най, и я попробовал усомниться:

— Вы утверждаете, что этот болван и есть знаменитая на весь мир Золотая Баба?

— Да не только мы так считаем, но и наш доцент тоже. Прилагательное «золотая» не означает, что идол изготовлен из золота, — оно имеет смысл переносный, указывающий на ценность приклада, т. е. приношения. Еще Н.С.Трубецкой предположил, что Золотая Баба появилась в русских и западноевропейских сочинениях XV—XVI веков в результате недоразумения: один из эпитетов обско-угорской верховной богини Калтась — Сорни-най (Золотая женщина) был воспринят как буквальное свидетельство существования реального идола из золота. И по-татарски «алтын» значит не только золотой, но и дорогой, драгоценный. Может, это имя всего лишь неверный перевод, — наперебой затараторили ребята. — Вам не приходилось слышать, как в самом начале шестидесятых годов недалеко от поселка Юильск, что на реке Казым, нашли культовую избушку, в которой, кроме деревянных идолов и шаманских принадлежностей, хранилось большое количество ценностей, принесенных главной казымской богине Вут-Ими?

Я об этом капище не слышал, чем и поспешил обрадовать ребят. Они как будто того и ждали и взахлеб продолжили:

— Перед идолами были расставлены богато украшенные сосуды и блюда, развешаны одежды из парчи и дорогих восточных шелков. Русское столовое серебро и храмовая посуда соседствовали с иранскими чашами. В сундуках оказались тысячи серебряных монет, множество золотых и несколько центнеров медных. А царские ассигнации вообще хранились пачками. Недаром одно из семи тайных имен великой казымской богини — золотой наш камень. Золотой камень следует понимать как драгоценный камень. А слово «камень» указывает на материал, из которого изготовлен кумир. Кстати, саму богиню возле избушки не нашли. Ее к тому времени уже перенесли на Конду...

— А на Конде эту Бабу где и как нашли? — постарался уточнить я.

— Случайно. Электромонтажники тянули ЛЭП, прорубили просеку, и кто-то с верхушки опоры увидел поляну и идола. Взяли азимут и вышли к святилищу. Оно уже давно заброшенное было. Там неподалеку речка Хой и поселок Ньюкой, — пояснили студенты.

«Нашли ту самую, о которой мне Сургучев говорил, что она фальшивая», — догадался я, но промолчал, чтобы не огорчить симпатичных ребят, поспешивших поделиться со мной своей удачей. Следовало что-то сказать, и я для приличия поинтересовался:

— Чем же вы дальше собираетесь заниматься, ведь я так полагаю, что с Золотой богиней у вас покончено.

— Дело всегда найдется, поедем снежного человека искать. О гоминоиде слышали?

Как мне было не слышать, если после многолетнего затишья все центральные газеты, как сговорившись, взахлеб заговорили о реликтовом человекоподобном чудовище, появившемся одновременно на широких просторах от Кавказа до Чукотки. Бременами его встречали в горных районах Алтая, Памира и Монголии, в Гималаях, в далеком Перу. В Андах группа французских альпинистов обнаружила неизвестное существо, покрытое густой шерстью, за исключением лица и ладоней. Американцам повезло даже заснять несколько сот метров любительского кинофильма о другом гоминоиде, но уже в лесах Канады. Но все эти встречи там где-то далеко, а не у нас. Поэтому я и не преминул спросить:

— На Памир собираетесь?

— Почему на Памир? — удивились ребята. — Все данные за то, что ареал обитания реликтового гоминоида или, как его еще называют, йети — «снежный человек», находится поблизости

от Уральского хребта, около 60-й параллели и, вероятнее всего, на Конде.

— Опять-таки на Конде? — удивился теперь уже я.

— На Конде, — подтвердили студенты. — А вы разве Ольгу Тапит в «Уральском следопыте» не читали? Очерк называется «Комполен».

— Комполен, комполен, — где-то я уже это слышал. Кажется, Геннадий Созонов на вечере сказки рассказывал. А что там написала Ольга?

С Ольгой Кошмановой (Тапит), начинающей мансийской писательницей, я познакомился на литературном семинаре для молодых литераторов. Я не упустил случая проверить свои соображения по поводу Золотой Бабы и поделился с ней информацией. Ольга терпеливо выслушала мои длиннейшие рассуждения по поводу родословной Яги и, вопреки моим ожиданиям, почти ни в чем не возразила.

— Я изучала эту тему по фольклору кондинских манси, — сказала Тапит. — По данным легенд и преданий, Золотая богиня таится в глухих местах у Конды. У нее три хранителя: водяной, змей и лесной мужик — комполен. Хочу поискать с ним встречи в тайге. По-мансийски «ком» или «хум» — мужчина; комполен или хумполен — лесной человек. Уверяют, что он реально существует, я в этом не сомневаюсь и мечтаю о встрече...

Вспомнился Собрин, пропавшая собака, его непонятное волнение и отказ от поисков Золотой Бабы: «Тайга знак дает». Еще припомнилось: «В кедровых лесах Ливана жил страшный Хумбаба». Может, в лесах Урала?

Распрощавшись со студентами и пожелав им успеха, срочно разыскиваю «Уральский следопыт» за 1986 год с публикацией Ольги Тапит и читаю: «Манси Роман Яковлевич Чеканов помнит рассказ отца. “Было это примерно в 1939 году, мы тогда на Ингатье жили. Едет отец на маленькой лодке-долбленке и вдруг

слышит крик, гортанный, сильный. Никто так из известных ему зверей — а отец охотник, вырос в тайге — не ревет и не кричит. Потом видит: из березняка в пойме речки вышел громадный мужик и пошел по берегу. Отец на лодке едет, мужик по берегу идет... Так и прошел с ним метров двадцать. И вторая встреча была у Семена Чеканова с комполоном в 1952 году. Об этом знала вся деревня, и сейчас ее подробно помнит манси Г.А. Тайлаков. Чтобы сократить путь, местные жители кое-где на речке Тап пользовались перетасками: перетасчат лодку с мыса на мыс и срежут пять, а то и все десять километров. На одном из перетасков встретился Семену Яковлевичу комполен. На этот раз он решил поиграть с человеком или поймать его. Семен, как увидел, под сваленное дерево залез, ствол дерева на толстых сучьях держался. Комполен с одной стороны хотел вытащить Семена — тот быстро уполз на другую сторону. Дерево большое, сучковатое, но комполен не обходил, а легко перепрыгивал и все время пытался поймать человека. Так продолжалось несколько минут. Потом комполен ушел”.

...Лет восемьдесят назад, рассказывают старики, возле деревни Кельсино охотники наткнулись на огромного мужика; много раз стреляли, смогли убить. Захоронили на том же месте. И такие сказки про него ходят — будто лоб у него золотой... Охотников, возможно, ошеломил не рост, а обличье существа. Да и с какой стати им стрелять в человека? Вот я и думаю: не рыжим ли волосом было покрыто существо?.. (Говорим же мы: золотая коса, золотая пшеница. — А. З.) Местные жители уверяют, что в тех местах собаки всегда ведут себя беспокойно, даже трусливо. А собаки — не комнатные болонки, охотники по крупному зверю, им ли бояться, скажем, медведя? Может, в том бору продолжают жить и ходить другие, подобные убитому, существа?..»

Послесловие к интересной статье Ольги Тапит написал старший научный сотрудник института эволюционной морфологии

и экологии животных АН СССР, член Ученого совета Государственного Дарвинского музея Сергей Клумов. Выписку из его рецензии я здесь вынужден привести, поскольку она нечаянно задевает и мое исследование о Яге: «Вопрос о существовании на обширных областях северного полушария нашей планеты полумифического существа, которое в разных районах Земли называют по-разному — «снежный человек», «йети», «дикий человек», «алмас», «мулена», «бигфут», «сасквач», «тунгу», «комполен» и т.д. — стал особенно активно обсуждаться с начала пятидесятых годов. Высказывания о нем сводились в общем к двум противоположным мнениям. Скептики считали, что все полученные данные представляют перепев древних легенд, передаваемых из поколения в поколение; что всеми этими сказками должны заниматься не ученые биологи, а фольклористы; что «снежный человек» — такой же вымышленный образ, как Баба-Яга, леший...

Оптимисты не соглашались с подобным отрицанием фактов, апеллировали к слепкам или фотографиям следов ног «снежного человека», оставленным на протяжении нескольких километров, предъявляли киноленту с изображением бигфута — большенога — в Северной Америке. Специальной комиссией при Академии наук СССР по изучению вопроса о «снежном человеке» в 1958—1959 годах были опубликованы четыре выпуска материалов по этой проблеме. Известный американский зоолог Айвен Сэндерсон в предисловии к своей большой монографии, вышедшей в 1961 году, высоко оценил работу советских ученых: «Деятельность советских ученых пролила новый свет на весь вопрос и подняла его в целом на такой высокий уровень, что западные научные круги вынуждены были почти кардинальным образом изменить свою позицию по отношению к нему...»

Комполен-йети имеет такое же право на признание своего существования, как Баба-Яга и леший — это утверждение скеп-

тиков, похоже, имеет глубокий, обратный первоначальному, смысл. Из вышеизложенных материалов следует, что Баба-Яга — существо не абсолютно вымышленное. Лесной мужик комполен, он же леший, имеет значительно больше оснований претендовать на реальность своего существования.

Среди коренных жителей низовьев Иртыша издревле бытует то ли поговорка, то ли ругательство: «На-а, лешак!», — означающая: леший тебя забери. Эта поговорка могла бы представлять интерес, пожалуй, разве что для специалистов по местным говорам, не сочетайся она еще с одним местным понятием: «маячит!» Словечко это не производное от всем нам привычного «маяк», а скорее всего от слов «маять», «замаять». Если старый северянин скажет другому: «В этих местах маячит», значит, там нечисто, место гиблое. Есть в тех местах даже остров Маячный, хотя никаким маяком там никогда и не пахло.

Все это давно показалось мне странным, и я обратился за разъяснениями к старожилке тех краев, неугомонной бабуле Марье Ивановне Разбойниковой. Ответила она не сразу и без большой охоты: «В этих местах лешак маячит. Идут, значит, зимой кони по зимнику, как до острова дойдут — захрапят, забьются, встанут или, наоборот, понесут и воз опрокинут. Бились-бились ямщики да и переменили дорогу. Уж на что зверовые лайки ушлые, а и то в тот урман не идут — шерсть дыбом и к ногам жмутся. Старики-туземцы сказывают: лешак там маячит».

Подивился я тогда бабкиным рассказам, поухмылялся в неверии и чуть было не забыл с годами. Статья Ольги Тапит снова мне о них напомнила и подвинула к новому поиску.

Верста пятнадцатая

ТАМ ЛЕШИЙ БРОДИТ

Люди глаголемые сатыре (сатиры), жилище их в лесах и по горам; а хождение их скоро, егда текут, никто не может настигнуть их, а ходят наги, а живут со зверьми, а тела их обросли волосами, токмо гласом кричат.

Из древней хроники

Пока я в читальных залах перелистывал страницы пожелтевших фолиантов и новейших изданий, способных так или иначе пролить свет на темную историю «снежного человека», на страницах печати возникла новая полемика по поводу его существования.

В областной газете поочередно выступили ученый, действительный член Географического общества и простой охотник из Надыма. Ученый категорически настаивал, что никакого «снежного человека» не было и не может быть, потому что местное население и охотники его никогда не встречали и ни один из литературных источников о нем не упоминает.

Охотник написал попроще, но не менее убедительно: «Мне довелось около пяти лет жить в одном из северо-западных

районов области. Именно в тех краях, как следует из “Комсомольской правды”, скрывается неизвестное доселе существо. Но так ли уж необитаема эта территория? Даже в небольших массивах тайги ведут заготовку леса, большинство водоемов облавливается рыбаками. Но почему-то никому из них до сих пор не посчастливилось встретиться с легендарным “человекозверем”. Возможно, он прячется от людей в самых глухих урманах. Однако такие места, более или менее богатые промысловым зверем, почти сплошь закреплены за охотниками коопзверопромхозов, которые на своих участках знают едва ли не каждое дупло. Промысловики в один голос жалуются, что во все заповедные островки нога человека ступила уже уверенно. “Энциклопедический словарь биолога” сообщает в статье “Популяции”: “В популяции млекопитающих в среднем должно быть не менее 500 размножающихся особей. Иначе может произойти случайное вымирание популяции”. Даже если допустить, что где-то в западно-сибирской тайге бродит один-единственный экземпляр гоминоида, то в XIV, а тем более в XVII—XVIII веках количество их должно было измеряться сотнями. Не верится, чтобы такое распространенное существо оставило свой след в описаниях русских землепроходцев лишь очень редкими и весьма сомнительными фактами, а у местного населения — только легендами. И все же после вышесказанного осмелюсь утверждать, что встречи с гоминоидом в наши дни довольно часты. Рыбоохрана и охотинспекция выявляют немало браконьеров, которые забираются в самые труднодоступные места. Используя современную технику, они варварски уничтожают все живое. И отнести их к “гомо сапиенс” язык не поворачивается».

Вот такую тревожную заметку написал охотник. Очень мне понравилось его выступление, но между тем обидно стало за Ольгу Тапит, работу которой упорно ставили под сомнение.

«Далее на север живет страшное племя великанов».

Художник А.Г. Визель

У меня и у самого подобрался кое-какой материал. Не мог я согласиться с почтенным членом Географического общества, что не осталось никаких письменных источников о реликтовом гоминоиде. Ученый араб Ибн-Фадлан, отправленный из Багдада

послом к волжским булгарам в 921—922 годах, оставил достоверное описание своей поездки, в котором содержатся драгоценные для нас известия о русских, варягах, хазарах и башкирах, рассказывает со слов болгарского царя, что за его страну, на расстоянии трех месяцев пути, живет народ по имени Вису, у которого ночь меньше часа... (По мнению многих исследователей, Вису — это Югра, населявшая область Северного Урала)... За Вису же далее на север живет страшное племя великанов. Сам царь видел однажды такого человека: он был высотой в 12 локтей, с головой величиной с большой котел, с носом в пядь длиною, с громадными глазами и пальцами; вид его привел в ужас царя и его людей; они заговорили с ним, но не получили никакого ответа — он только пристально смотрел на них... Может, немного и приукрасил болгарский царь, чтобы припугнуть любознательного араба, говоря о голове великана размером с огромный пивной котел. Сомнительно, чтобы в природе могли существовать такие великаны. Однако интересно, что его место обитания указывается на Севере, за Югрой. После Ибн-Фадлана огромную голову великана мы находим только у Пушкина, в поэме «Руслан и Людмила», тоже на Севере у полунощных гор. Вот как у Пушкина, в песне четвертой:

...Руслан

Свой путь отважно продолжает

На дальний север; с каждым днем

Преграды новые встречает:

То бьется он с богатырем,

То с ведьмою, то с великаном...

А вот Руслан, победив в полунощных горах карлу, возвращается к Голове: «...Пред ними стелется равнина, / Где ели изредка взошли; / И грозного холма вдали / Чернеет круглая вершина...»

«Пред ними стелется равнина, где ели изредка возшли...»

Художник А.Г. Визель

В этой сцене поэт совершенно четко нарисовал картину лесотундры, указав характерную для ее ландшафта деталь — изредка возшедшие ели.

Определенно, что поэт имел подручную информацию о природе северных земель и их легендарных обитателях. Для определения первоисточника стоило и даже следовало заняться изучением книг личной библиотеки Пушкина: вдруг в ней отыщется что-нибудь о загадочном лешем.

Конечно, его личная библиотека (описанная Модзелевским), несмотря на то, что в ней сохранилось достаточно много редких и просто уникальных изданий, не в полной мере отражает круг чтения и интересов поэта и ни в коей мере не дает полного представления обо всех прочитанных им книгах; известно ведь, что наиболее ценные и интересные книги имеют свойство бесследно пропадать в первую очередь, а у Пушкина была привычка брать самые любимые книги в дорогу. Тем не менее среди прочих книг его библиотеки сохранилась книга Павла Йовия Новокомского. Листы ее оказались разрезанными лишь частично, как обычно бывает, когда владелец книги давно знаком с ее содержанием и приобрел ценный экземпляр специально для того, чтобы она в нужный момент оказалась «под рукой».

Павел Йовий Новокомский был личностью замечательной. Он жил в начале XVI века в Ватикане, встречался там с русским послом к папе Клименту VII Дмитрием Герасимовым и с его слов написал в 1525 году книгу, принесшую итальянскому историку всемирную и непреходящую известность: «Книга о посольстве Василия, великого государя Московского к папе Клименту VII, в которой с особой достоверностью описаны положение страны, неизвестные древним религия и обычаи народа. Кроме того, указывается заблуждение Страбона, Птолемея и других, писавших о Географии, там, где они упоминают про Рифейские горы, которые, как положительно известно, в настоящее время нигде не существуют».

Московия, рассказывал Йовию Герасимов, простирается от истоков Дона до самого берега Ледовитого моря, подвластного

московскому князю. Со слов Герасимова, Павел Йовий впервые сообщил Западной Европе о лапландцах и не удержался, чтобы не приукрасить его достоверные сведения легендой о пигмеях, якобы живущих в стране глубокого мрака за Лапландией.

Чтобы еще более изумить несведущих европейцев, неизвестный автор дополнил книгу Павла Йовия рассказом о северных великанах: «Я видел одного из них, пойманного живым и приведенного в Норвегию... ростом 20 футов, весь в волосах, большие и красные глаза. Он наводил страх и ужас на тех, кто на него пристально смотрел. В конце концов, в нем было больше звериного, чем человеческого».

Таким образом, в книге Йовия появились сведения о северных великанах и карликах-пигмеях, совместно населяющих север Московии — страны полунощные поблизости от Рифейских гор. Книга Йовия была широко известна, и, возможно, сведения из нее послужили Пушкину основой для сюжета о великане и карле Черноморе.

Однако пора вернуться к нашему лешему. Во времена Павла Йовия труд Ибн-Фадлана в Европе был неизвестен. Между авторами лежало пять с половиной веков, и совпадения деталей в описании северных великанов не могут быть результатом заимствования. Для такого совпадения необходим либо общий источник информации, либо реально существующий прототип. Поскольку нет никаких оснований утверждать первое, придется согласиться со вторым предположением.

Примерно так я изложил свои доводы в пользу гипотезы о существовании йети в небольшой заметке для областной газеты. Юморист-художник из редакции сопровождал ее забавными рисунками. На одном рисунке из летающей тарелки спускается на землю мохнатый гоминоид. Против ожиданий, статья вызвала оживленные отклики читателей. Один, наиболее энергичный, даже не поленился нанести визит в редакцию.

Представившись Сергеем, студентом индустриального института, он с горячностью убежденно приступил к изложению своей версии: «Летающая тарелка и “снежный человек” вещи взаимосвязанные. Тут в чем дело? О йети привыкли думать как о примате, реликтовой человекообразной обезьяне. Потому и ищут его в диких местах, ищут его стоянку, пещеру, его выводок. А ничего этого не найти, потому что этого нет! Кто, когда описал, что видел этих приматов целым племенем, видел детенышей? А ведь ему надо бы усиленно плодиться, чтобы сохранить свой род. Так вот: этого ничего нет и бесполезно искать. Это и не “снежный человек” и не примат — вот и все. Просто он где-то там прошел ту же примерно эволюцию, что и мы. А потом прилетел.

Тарелку я однажды сам видел на Приполярном Урале: зависла у скалы, потом улетела. “Снежного человека” я тогда не увидел, но мне все казалось, что я там не один и за мной наблюдают. Этих тарелок, если поглубже в тайгу забраться, можно насмотреться предостаточно».

Следующим откликнулся Ю. Рылкин — научный сотрудник Томского политехнического института — и предложил новую гипотезу: «Из опубликованных зарубежных и отечественных научных источников, а также из показаний очевидцев можно заключить, что рассматриваются четыре гипотезы «снежного человека»: 1) реликтовый гоминоид — тупиковая ветвь человечества; 2) человек-робот с лицом-маской, т. е. не совсем хорошая копия человекоподобного существа, появление которого связывают с посещением Земли НЛО с других космических миров; 3) отторженная электромагнитная энергетическая структура человека после его смерти, или спонтанно отделяющаяся от некоторых феноменов, наделенных необъяснимыми пока способностями; 4) полевая форма жизни, когда человекоподобное существо становится видимым только в определенных

метеорологических и геофизических условиях и геометрии окружающего пространства. Еще одна характерная деталь. Стоит общественности успокоиться на время, как появляются новые сенсационные сообщения о НЛО, Несси, “снежном человеке” и так далее. Не связано ли это с психическим состоянием общества?

Почему бы не предположить, что клетки человека имеют электромагнитную связь с неизвестной группой клеток, находящейся в озере, в лесу, в горах и так далее? От психического состояния человека зависит и состояние этой неизвестной нам колонии клеток, которая стала самоорганизовываться (материализовываться) в самые необычные формы, которые пугают всех от мала до велика. Таким образом, неудача экспедиции за “снежным человеком” может быть предопределена заранее».

Не скажу, чтобы такие отклики меня особенно радовали, поскольку сам я постепенно проникся уверенностью в обратном. Но вот пришло в газету письмо В. Степановой, которое меня несколько ободрило: «Прочитала статью А. Захарова “Не пришелец, а абориген” и вспомнила... Наша экспедиция в составе пяти человек работала в Октябрьском районе (Ханты-Мансийский округ). Примерно в 40—50 километрах к северу от деревни Чемаши мы проводили обследование сосновых насаждений и на берегу реки Родом обнаружили на сухом песке очень странные следы, как будто шел великан... Следы не были похожи на медвежьи. Это было в июне — июле 1961 года».

«Слава богу, хоть один следок отыскался!» — обрадовался я. Вскоре оказалось, что не один: пришло еще письмо. Н. Ефимов сообщал, что в конце пятидесятых годов гостил у своей тетки в деревне Нижний Козьяш, в 90 километрах южнее г. Кунгура Пермской области. Однажды он вместе с колхозным пчеловодом Иваном Трифоновичем Судаковым поехал на пасеку. Вечером, возвращаясь домой на лошади,

они увидели на опушке леса, где паслись телята, громадное существо, похожее на человека.

Великан остановился, увидев людей, постоял некоторое время, переминаясь с ноги на ногу, потом не спеша отправился обратно в лес. Он был весь белый с головы до ног, не менее трех метров высоты... Нас разделяло 300—400 метров, и мы не разглядели его как следует. Когда существо скрылось, Иван Трифонович хватился: «Эх! Надо было лошадь выпрычь и верхом его догнать, рассмотреть поближе».

Следующий подобный сюрприз не замедлил появиться вскоре за этим. Однажды нахожу в почтовом ящике записку: «Заходила, чтобы поделиться вестями о “снежном человеке”, я его близко видела». Подпись: Катерина Васильевна Ежевская, и адрес.

Захватив чистый блокнот, бегу по адресу, нахожу дом. Во дворе идеальный порядок, чувствуется, что за домом следят. Дверь открыла сама хозяйка, на вид — лет сорока пяти. Я представился, познакомились, и вот что она мне поведала о диком северном человеке: «Мы сейчас с мужем на пенсии и стали в Тюмени жить, а раньше служили в плавсоставе речного флота — он капитаном, а я третьим штурманом. В военное время нас, девчонок, в плавсостав призвали. А до этого я вместе с матерью и сестрой Клавой жила в селе Мужы Шурышкарского района. Мама работала в больнице санитаркой. Однажды зимой 1941-го (а может, 1942-го) — за давностью не припомню — мне лет 14 было, фельдшер Герасим Рочев (хороший был фельдшер) вернулся из очередной поездки по тундре и привез детеныша неизвестного существа, разместив его в больнице. Врачом тогда был Каминский, имени не помню. Мама моя, Агриппина Архиповна, готовила ванну и грела воду для купания необычного пациента и позвала нас с сестрой посмотреть на чудо. Детеныш был размером с невысокого человека, но на ноги не

вставал, а все сидел на полу в странной позе — на пятках, опираясь на пол длинными руками. Торчащие в стороны большие уши, глубокие впадины глаз, едва выступающий нос и большие ярко-красные губы. Все тело, кроме ладоней, покрыто шерстью. Иногда он издавал нечленораздельные звуки. Сам есть не умел, его кормили с ложки, пищу принимал охотно. Вообще вел себя неагрессивно — даже дал себя вымыть. Большинство местных жителей перебивали в больнице, чтобы поглазеть на “тунгу” — так его называли ханты. В больнице “тунгу” пробыл недолго: через несколько дней его забрал специально вызванный самолет. Прибытие самолета в глухую деревню было событием чрезвычайным, и на расчистку посадочной полосы вышло почти все население».

Какова дальнейшая судьба таинственного существа, Катерина Васильевна не знает.

— Может, мама что-то добавит, — в заключение сказала она.

— А где живет ваша мама?

— Через стенку, — показала рукой хозяйка.

В ее сопровождении перехожу на другую половину дома.

Агрипина Архиповна, несмотря на преклонный возраст, сохранила ясность ума и хорошую память обо всем.

— Верно, отправили этого звереныша, — подтвердила она. — Одели в малицу, чтобы не замерз, и посадили в самолет вместе с матерью.

— С какой матерью? — не поверил я своим ушам.

— Приемной. Его хантыйка совсем маленького в лесу подобрала и выкормила.

— А что с ними дальше стало?

— Не знаю, сынок. Война была — не до зверенышей.

Достоверность изложенных ими сведений не вызвала у меня никаких сомнений. Но на всякий случай Катерина Ва-

сильевна дала мне адрес сестры Клавдии: «Вы напишите ей в Междуреченск Кондинского района, она про звереныша тоже не забыла».

«Надо будет написать, — решил я про себя. — И поискать в архивах документ, подтверждающий вызов самолета в село Мужы, должны отыскаться и другие очевидцы — история болезни, наконец. Ведь санавиация его из больницы забрала. Есть у нас в городе областной музей здравоохранения, может, у них какая-нибудь ниточка найдется?»

Верста шестнадцатая

БЕРЕЗОВСКОЕ ЧУДИЩЕ

Там лес и дол видений полны...

А.С. Пушкин. У Лукоморья

Катерину Васильевну Ежевскую удалось уговорить сделать сообщение о загадочном существе на очередном заседании клуба «Тюменская старина». Надо ли говорить, что оно вызвало интерес чрезвычайный. После заседания заведующая отделом редкой книги Елена Никифоровна Коновалова поинтересовалась у меня: «Аркадий Петрович, а вы не пробовали обратиться к трудам тобольского губернского музея? У нас в отделе есть все выпуски его научного вестника...»

Я не преминул воспользоваться хорошим советом и вот сижу в отделе краеведения и листаю труды тобольского музея. Удивительные люди жили в заштатном сибирском городе! Вопреки сложившимся представлениям о рутинном и ограниченном чиновничьем аппарате, тоболяки прямо-таки горели энтузиазмом научного познания: то и дело снаряжали экспедиции в глухие уголки губернии, рылись в пыльных архивах, пополняли коллекции, писали отчеты и ежегодно выпускали свой собственный вестник губернского музея. И все это на частные пожертвования.

Неслучайно в каждом ежегоднике первостепенное место отводилось смете расходов и доходов музея и приводился подробный отчет о его деятельности за истекший период. Каждая копейка благотворительских средств была на строгом учете. Теперь бы так!

Предсказание Елены Никифоровны сбылось: в семнадцатом выпуске ежегодника за 1908 год обнаружались материалы расследования березовского земского суда по факту необычному, пожалуй, самому удивительному в богатой истории сибирского судопроизводства.

«Осенью 1845 года зверопромышленники остяк Фалалей Лыкосов и самоед Обиль в урмане убили необыкновенное чудовище: постав человеческий, росту аршин трех, глаза один на лбу, а другой на щеке, шкура недовольно толстой шерсти, потонее собольной, скулы голая, у рук вместо пальцев коти, у ног пальцев не имел, мужеска пола». Такое известие привез в село Полноват священник Михей Попов, которому на р. Мазыме, куда он ездил для исполнения треб, рассказывал об этом старшина Талик. Отставной урядник Андрей Шахов 16 декабря 1845 года послал о происшествии срочное «доношение» в березовский земский суд. Там того же числа «приказали» копию донесения урядника препроводить к кондинскому отдельному заседателю Кожевникову, с нарочным казаком, «велев ему, Кожевникову, тотчас по получении указа отправиться на место происшествия и противу означенного доношения сделать личное удостоверение, и если по таковому окажется оное справедливым, как изъясняет урядник Шахов, то велеть ему, Кожевникову, застреленного из ружья промышленниками инородцами необыкновенного возраста человека с глазами на лбу и щеке доставить со всею сохранностью в Земский суд в натуральном онаго виде и сколь можно поспешнее, и о происшествии, каким образом оное сопровождалось, произвестъ подробное удостоверение и также представить в суд».

Донесено было также тобольскому губернатору и губернскому правлению.

Заседатель Кожевников немедленно отправился на реку Мазым, но на пути встретились разного рода препятствия, в виде бездорожья, отсутствия оленей, невозможности ранее 5—6 дней отыскать самоеда и остяка, застреливших какое-то чудовище. Указав на то, что чудовище будто бы добыто в октябре, а следовательно, могло быть расхищено зверями и занесено снегом, что скоро отыскать едва ли возможно, ввиду своего нездоровья и приближения сбора ясака, заседатель донес, что он возвратился обратно, а на розыски командировал урядника Никифора Ямзина. Последний явился с розысков 27 декабря и доложил, что он «отыскал зверопромышленников, застреливших будто какого-то чудовища». Это были Казымской волости некрещеный самоедин Подаругинской ватаги Обыль, 45 лет, и остяк Фалалей Анисимов Лыкосов, 32 лет. Обыль объяснил, что вместе с Фалалеем нашли в лесу «какого-то чудовища, облаянного собаками, от коих он оборонялся своими руками, по приближении 15 сажень к боку, из заряженного ружья Фалалей выстрелил в одного чудовища, которое и пало на землю. Осмотрели его со всех сторон, орудия при нем никакого не было, ростом 3 аршина, мохнатый, не имелось шерсти только на носу и на щеках, шерсть густая длиной в полвершка, цвету черноватого, у ног перстов нет, пяты востроватые, у рук персты с когтями, для испытания разрезывали тело, которое имеет вид черноватой, и кровь черная, чудовища сего оставили без предохранения на том месте».

Показания остяка Фалалея Лыкосова пошли вразрез с показаниями Обыля. Не отвергая, что с Обылем ходил на промысел, он «никакого чудовища не находил и не видал, кроме как во сне. По пробуждении рассказал Обылю, который, вероятно, с сего нанес слух, или, может, сам он убил такого чудовища».

Не поверив Фалалею, Ямзин старался разыскать, по указанию Обьяля, место, где убито чудовище, но разыскать не мог. Обьяль даже примет никаких не нашел и высказал предположение, что то чудовище кем-либо взято.

Между тем интерес к чудовищу все возрастал. Земский суд настойчиво требовал от заседателя представить его. А земский исправник, успевший заинтересовать событием тобольского губернатора, дает кондинскому заседателю следующее предложение: «О самом наинужнейшем».

«Через посланного мною в Тобольск с казенными бумагами нарочным казака я получил от его превосходительства господина, состоящего в должности гражданского губернатора, сверх сделанного им мне письменного предписания еще словесное приказание, чтобы непременно найти застреленное на промыслах инородцами необыкновенное чудовище. А как открытие оно возложено мною на Вас, и об этом имеете Вы предписание как от земского суда, так и от меня собственно от 8 и 29 числа истекшего Генваря за № 10 и 33, но до сих пор не получено от Вас никакого донесения о последствиях ваших розысков, то поэтому объявляю Вам о вышеозначенном приказании его превосходительства, я наистрожайше предписываю Вам употребить всевозможное старание к непременношему отысканию означенного застреленного чудовища, невзирая ни на какие невозможности, ибо в противном случае оправдания в резон приняты не будут, а напротив послужат доказательством нерасторопности, бездействия и нерадения. Причем обязываю Вас, когда найдете это чудовище, то старайтесь как можно со всею сохранностью доставить оное в Кондинск и тотчас же прислать ко мне нарочного с донесением, ибо сам прибуду в Кондинск для сделания по этому предмету дальнейшего распоряжения; в случае же неотыскания этого чудовища, то вы бы о последствиях ваших розысков, так и о причинах молвы об этом чудовище, от чего такая произошла,

должны со всею подробностью и непременно донести мне и Земскому суду. Впрочем, я остаюсь в надежде, что Ваше благородие, употребив деятельность свою и старание к розыску, не заставите себя описывать означенной подробности, но найдете и доставите в натуре означенное чудовище».

Предписание написано березовским земским исправником Кучеровским собственноручно, четким красивым почерком. А стиль? Тут и деловое вступление, приказание, инструкция, указание на последствия неисполнения и, наконец, тонкая просьба. Естественно, что, получив такое предписание, заседатель покинул теплые покои и немедленно отправился через Малоатлымское село и юрты Сартынь-Горт в реку Мазым, в Вершинские Мазымские юрты — место жительства Фалалея Лыкосова. Туда же был доставлен и самоед Обыль по прозванию Подарутин. На последнего заседатель возлагал большие надежды и разговаривал с ним особо осторожно.

Через переводчика Кокоулина заседатель предупредил Обыля, чтобы он не имел ни малейшего подобострастия как к бывшему своему хозяину Фалалею, так по нехристианству своему (от ожидаемого Обылем мщения от убитого дьявола) и суеверию перед чудовищем, которого застрелил его хозяин Лыкосов.

Обласканный Обыль в присутствии многих свидетелей «обнадежил, что он отыщет и укажет, где убито чудовище, лишь бы хозяин его Фалалей Лыкосов довел до ночлежного шалаша, от коего происшествие было не в дальнем расстоянии». Оставалось получить подтверждение от Фалалея, которого заседатель «испытывал розыскным разговором о происшествии». К удивлению, Лыкосов заявил, что Обыль «ложно разгласил». В одну бурную ночь на промысле приснилось ему, что будто облаяли его собаки дьявола ростом более 5 аршин, остроголового, в шерсти, отчего и лица, как помнит, не заметил, но наружный вид как у человека; испугавшись чудовища, как будто наяву,

из чувства самосохранения, выстрелил из ружья и чудовище упало. При последнем видении Обыль начал рубить дрова, и от сего он, Фалалей, пробудился и рассказал свой сон. По возвращении он рассказал свой сон домашним, наяву же такого происшествия не было. На последнем Фалалей решительно настаивал.

Обыль же утверждал, что может отыскать место, где убито чудовище. Ввиду такой категоричности самоеда заседатель снарядил целую экспедицию: взял урядника, Обыля, Фалалея, одиннадцать остяков и двух самоедов. Шли на лыжах сутки. Дорогой Обыль все обнадеживал. В логовине при речке, впадающей в реку Вохлым (Охлым), нашли шалаш из еловых лап. Интерес членов экспедиции достиг апогея. Но тут случилось неожиданное: Обыль, когда потребовалось указать место, где убито чудовище, заявил, что ничего нет, и подтвердил все сказанное Фалалеем. Всеми средствами Обыля стали убеждать указать отыскиваемое, но тот твердо утверждал, что никакого чудовища не знает, а сон, рассказанный хозяином, он передал своим родовичам из хвостовства, что убили Куля или Менква.

Вот так ничем закончилось это дело. Но в нем есть над чем поразмыслить. Из материалов дела следует, что информация, посланная отставным урядником Шаховым со слов священника Попова, искажена: ни Обыль, ни Лыкосов не утверждали, что у убитого один глаз на лбу, другой на щеке. Вероятно, информаторы сами приврали для пущей убедительности.

Второе, на что стоит обратить внимание, — событие произошло в октябре, а именно на осень, по многочисленным сведениям, приходится большинство встреч с «земляным». В-третьих, просматривается явное нежелание заседателя Кожевникова проводить поиски, из-за чего благоприятное время было упущено и труп мог бесследно исчезнуть, как это случается в тайге. Тому же медведю ничего не стоит перенести его за километр-другой.

Разногласия в показаниях Обыля и Лыкосова с точки зрения языческой и гражданской морали вполне объяснимы: Обыль не несет никакой ответственности ни перед властями, ни перед злыми духами за убийство Куля (черта), ведь стрелял не он, а Фалалей, значит, и весь грех на нем. Крещеный остяк Лыкосов еще не отбросил всех языческих суеверий и боится мести Куля. По поверьям хантов, душа непогребенного скитается возле жилища и вредит людям. Не меньше Фалалей опасается и судебного разбирательства, которое неминуемо отвлечет его от промысла и неизвестно еще как для него обернется. Розыски Кожевникова наверняка стали известны Лыкосову раньше, чем его нашел урядник, — таковы особенности таежной связи. Из-за медлительности заседателя Лыкосов получил время для того, чтобы спрятать труп и придумать легенду для своего оправдания. И проделал Фалалей это настолько блестяще, что по прибытии на место обескураженный Обыль вынужден был поддержать игру своего бывшего хозяина: на нет и суда нет.

И последнее, что мы можем извлечь из этой истории: на протяжении многих столетий молва настойчиво отводит для обитания гомниоида Урало-Сибирский регион, а еще конкретнее — Югру. Описания неизвестного существа, оставленные самыми разными свидетелями, удивительно схожи, и нет никаких оснований подозревать во лжи и сговоре совершенно незнакомых между собой и разных по уровню образования и развития людей.

Верста семнадцатая

СЛЕД К ЛУКОМОРЬЮ

Область Лукоморья тянется длинной полосой подле северного моря; ее обитатели живут без всяких построек в лесах и полях... Говорят также, что по ту сторону этой реки (Тахнин) живут люди громадных размеров, из которых одни покрыты щетиной наподобие зверей, а другие с собачьими головами, живут они в подземных пещерах...

*Александр Гваньини. Описание
Европейской Сарматии, 1578 г.*

Мои знакомые студенты-историки меня не забыли и прислали письмо: «Привет вам от нас и Ольги Кошмановой! Мы на Конде и ищем комполена. Он бродит где-то поблизости. Местные рассказывают, что в начале века охотники из деревни Кесли застрелили волосатого человека почти трехметрового роста. Он перепугал население, и на него устроили облаву. В деревнях Болчары и Алтай эту историю знают все, а Галина Андреевна Сургучева даже видела могилу, где ханты, кажется, захоронили убитого. Но ей тогда было лет пяток, а других очевидцев не осталось. Галина

Андреевна назвала нам приметы захоронения: культовый амбар, священный кедр с суком, как бивень мамонта, и священный бор, в котором он растет. Когда мы туда приехали, там уже поработала группа челябинского биолога Авдеева, все перекопала, но ничего, кроме оленьих костей, не нашла. Мы хотели присоединиться к ним, но они уже свертывали работы. Кстати, Авдееву (по его словам) повезло увидеть гоминоида во время плавания по реке. Во время ночевки его внимание привлек звук. Посмотрев в ту сторону, он и его ребята увидели два по-звериному светящихся глаза высоко над землей, что дает основание утверждать, что они не могли принадлежать медведю или другому зверю. При двухкратной попытке Сергея Шишкова приблизиться к нему существо отступало в чашу.

Когда зажгли фонарик, успели заметить, как в темноту метнулось что-то большое и темное. Через некоторое время владелец горящих глаз возвратился и начал разглядывать сидящих, не приближаясь к костру. От стрельбы по нему воздержались и правильно сделали. Один из ребят свистнул и в ответ услышал тоже свист, от которого “мурашки по коже”. Потом свистун удалился, а утром вокруг обнаружилось много следов. Один из них, особенно ясный и четкий, удалось сфотографировать, и ребята грозятся его опубликовать. Николай Павлович уверяет, что след повторяется много раз.

Местные жители, а они тут почти все Сургучевы, не отрицают сам факт существования “лесного человека”, которого они считают одним из представителей живого мира тайги и который отличается для них от всех других лесных обитателей лишь тем, что на него нельзя охотиться, потому что он хоть и лесной, но все-таки человек. Имен у него много, в одной Конде штук пятнадцать. Одно из них лесбег, а еще земляк, земляничек и даже... Гоша. Говорят, ведет он только ночной образ жизни, зимой залегает в спячку в глубоких подземных норах. (Очевидно, именно это

обстоятельство послужило первоосновой для распространенной в прошлом, XIX веке у коренного населения Сургутского края поговорки: “Страшной земляной суседки”. — А.З.) С. Патканов в своем очерке “По Демьянке” также рассказывает о хантыйском обряде жертвоприношения “земляному”. Чтобы он напал на человека, никто не припомнит, за исключением одного случая в 1946 году. Недалеко от деревни Шамья по реке Тап жили охотники, отец и сын. Однажды собаки подняли остервенелый лай. Сын отправился к собакам посмотреть и не вернулся. Когда отец нашел его, тот был уже мертв, а тело оказалось жестоко разорванным. Охотник собрал соседей и заявил в милицию. Скоро они вышли на след, как оказалось, он не медвежий. След вывел на комполена, которого охотники сумели с помощью собак пленить, связать и надеть ошейник.

Невиданное чудо погрузили на пароход «Храбрый» (ходил тогда такой по Конде) и отправили в Нахрачи. Как рассказывают, пойманный приходил в ужас от пароходного гудка, а команда из озорства специально этим тешилась.

Ночью гоминоид сумел отвязаться и прыгнул за борт — только его и видели.

Ольга Александровна пыталась дознаться, не встречал ли кто лучшего в ошейнике, да так пока и не дозналась. Один кондинец рассказал Кошмановой, что видел, как “лесная женщина” рожала в овсах, но когда привел людей, роженица и два детеныша исчезли.

После вашей статьи о находке в тундре Ольга Александровна специально выезжала в село Мужы Шурышкарского района и нашли живых свидетелей, которые видели в больнице детеныша гоминоида. Говорят, его обнаружила в лесу очень маленькая хантыйка, у которой перед этим умер ребенок. Она пожалела малыша, подобрала и вырастила. Детеныш быстро рос и, наконец, стал обузой, заставившей от него избавиться. Увозили его

в Салехард по команде органов НКВД. В больничных архивах ничего не сохранилось — все архивы не так давно куда-то вывезли».

Это письмо послужило последним доводом в пользу срочного визита в Музей здравоохранения, который я все откладывал. И вот я в музее. В ожидании директора я решил не терять времени и ознакомиться с экспозицией, которая оказалась и интересной, и поучительной. Первое, что среди любовно оформленных стендов бросилось в глаза, — шаманские принадлежности для камлания, бубен, костяные иглы, примитивные ступы для растирания снадобий.

— Интересуетесь Севером? — спросил меня директор музея Борис Иванович Василенко. — Понимаю, сам отдал ему больше двадцати лет. Изъездил, исходил, излетал всю тундру, полюбил тундровиков и сам заболел Севером. Врачу обычно доверяют больше других, и за время практики в тундре мне удалось узнать много интересного из жизни тундровиков.

Симпатичный улыбчивый доктор расположил к себе, и я с легкостью выложил все накопившиеся вопросы: об экстрасенсах, Бабе-Яге, Золотой Бабе и реликтовом гоминоиде-комполене.

— Вопросы не праздные — сам над ними раздумывал, — усмехнулся Василенко. — Я думаю, Яха-Баба родом с Ямала. У фактории Лаборовей, что недалеко от Карского моря, находится шибко священная гора ямальских тундровиков, которая так и называется — Бабушка. Конечно же Яумала, Яха-Баба и Золотая Баба — один и тот же идол.

Если помните, в образе Золотой Бабы язычники запечатлели образ женщины — прародительницы человеческого рода, поэтому на ее животе имелось изображение ребенка. Как медику такая символика мне достаточно понятна. Если вспомнить, что во всех дошедших до нас описаниях Золотой Бабы и ее оттиска Серебряной Бабы, она изображается сидящей, то, похоже, она

имеет много общего с сидящим Буддой восточных народностей и сидящим Спасителем пермской деревянной скульптуры, с которыми, как предполагается, финно-угорские и самодийские народы имели обширные связи и взаимодействие культур. Но более всего она напоминает тибетскую и китайскую богиню милосердия Гуань-Ин.

О чем это может говорить? Конечно, не о том, что культ Золотой старухи внесен в сознание северных народов, а о том, что корни этих народов южные. Возможно, Гуань-Ин проделала большую дорогу из Китая и Тибета, прежде чем поселиться в сибирской тайге. Изучая приемы народной медицины у ненцев, я обнаружил много общего между ненецкой и тибетской медициной, в том числе: акупунктура (иглоукалывание), надавливание на болевые точки, прижигание, гомеопатия и лечение гипнозом — внушением. Считают, что камлание — просто беспорядочные прыжки шамана. Нет! Далеко не так! Пляска шамана глубоко канонизирована. Каждое его движение регламентировано в строгой последовательности, утвержденной вековой практикой. Посвященные знают последовательность «па» и понимают их смысл; это — внушение. Впрочем, мы уклонились от темы. Не желаете взглянуть на Золотую Бабу?

Видимо, мой растерянный и недоуменный вид позабавил Бориса Ивановича, потому что он, пряча улыбку, выдвинул ящик стола и протянул мне фотографию:

— Это первое известное изображение Золотой Бабы. Я нашел его в береговой осыпи возле одного из шибко священных мест недалеко от Салехарда и передал в окружной музей. По всей вероятности, эта медная бляха была изготовлена как жертвоприношение идолу, но, может быть, это просто литейный брак...

С фотографии на меня глянула пустыми глазами Баба, с одной стороны охраняемая водяным духом, с другой — духом змей.

На животе ее растопорщил руки и ноги ребенок, а из-за плеч выглядывали две безобразные безносые рожи.

— А это кто? — не догадался я.

— Это ваш комполен, или гоминоид. Но ненцы называют его «тунгу». Вы о Владимире Пушкареве не слышали? Был такой автор в «Технике — молодежи», великий энтузиаст поисков гоминоида. Мы были с ним хорошо знакомы...

— Почему были? Он что, умер?

— Хуже: пропал бесследно в тундре. Московские экстрасенсы нагадали ему местонахождение Золотой Бабы, где-то к югу от озера Ярото. Он отправился, как обычно, один и исчез. С тех пор я не переносу экстрасенсов и тому подобных шарлатанов. Кстати, Пушкарев провел серьезное исследование по проблеме гоминоида.

Могу дать почитать — я храню его как память. — Василенко достал из стола журнал. — А по поводу архива Мужевской больницы ничего не могу посоветовать: срок хранения истории болезни 20 лет, и он давно истек. Фельдшер Герасим Рочев в той больнице действительно работал, его сын сейчас живет в Салехарде и хороший врач.

Я развернул журнал и, не выходя из кабинета, углубился в чтение: не терпелось. Пушкарев, геолог по профессии, рассказывал: «С Лукой Васильевичем Тынзяновым меня познакомила председатель Васякозского сельсовета Евдокия Федоровна Костина, рекомендовав его как человека, на которого можно положиться всегда и во всем.

Лука Васильевич и поведал мне одну из загадочных тайн древней Югорской земли. Его рассказ приведен дословно: “Году в 1960—1961-м я шел вечером из Яраскогорта в Васяково по берегу Горной Оби. Со мной были две собаки. Они вдруг ощерились, залаяли и бросились вперед и опять вернулись. Боязливо прижались ко мне и больше не лаяли. И сразу же из леса вышли

«Я нашел его в береговой осице возле одного из шибко священных мест...» Художник А.Г. Визель

два куля. Один высокий, больше двух метров, другой пониже. Я тоже испугался, потому что глаза у них горели, как два фонаря, темно-красным цветом. Они шли мне навстречу и, по-

равнявшись, вдруг посмотрели на меня, только глаза сверкнули. Одежды совсем не было, на теле густая шерсть, но недлинная, короткая. И лицо и тело все черное. Лицо выдвинуто вперед, руки довольно длинные, длиннее, чем у человека, и они как-то странно размахивали руками. Походка у них была какая-то необычная, не такая, как у людей. Они немного выворачивали ноги при ходьбе. Когда кули прошли, собаки сразу бросились в поселок”.

— А кто этот куль, по-вашему? — спрашиваем в конце рассказа.

— Не знаю, — пожимает плечами проводник. — Утэнехти-аген — в лесу который бродит. Я его четыре раза видел...

На Нижней Оби, на реках Сыня и Войкар подобные рассказы знает каждый, но не каждый станет их рассказывать первому встречному. Ханты — простой доверчивый народ, но очень осторожный и чуткий ко всякого рода прямолинейным расспросам и насмешкам.

В городе Салехарде мы познакомились с замечательной русской женщиной — вдовой прославленного революционера, устанавливавшего на Обском Севере советскую власть, Марфой Ефимовной Сенькиной.

В прошлом сельская учительница, Марфа Ефимовна отдала много сил борьбе с неграмотностью местного населения, и поэтому услышать рассказ, проливающий свет на интересующую нас тайну, из ее уст было особенно важно:

“До революции я с отцом постоянно ездила на промыслы по всему Обскому Северу и полуострову Ямал. Было мне тогда 20 лет, и постоянно мы жили в Салехарде. Нередко останавливались у одного старого ханта недалеко от селения Пуйко. Помню, начался сентябрь, ночи были уже темные и по ночам часто лаяли наши собаки. Однажды этот лай стал особенно ожесточенным. На вторую ночь такой остервенелый лай собак повторился.

Я спросила нашего хозяина-ханты, на кого они так лают, и он шепотом сказал, что это приходит Землемер... Этой ночью я покажу тебе, — пообещал он.

В полночь мы вышли из чума. Уже висела луна, большая, красная. Ждали, наверное, с час. И вдруг снова лай собак. В нескольких десятках метров я увидела необычайно высокого человека. Наши чумы окружал двухметровый тальник. Голова и плечи человека возвышались над ним. Он шагал очень быстро, крупно, напролом через заросли. Такого страшного и такого высокого человека я никогда не встречала. Собаки с лаем бросились к нему...

— Это что, леший? — спросила я у старика.

— Не смей говорить этого слова, — испугался тот. — Ты позовешь его. Зови просто Землемер. Он приходит сюда каждый год в это время.

Одной собаки мы наутро не досчитались”.

— Встречали его практически по всему Северу от Оби до Енисея, — продолжает Пушкарев, — и в тундре Гыданского полуострова и значительно южнее, в лесах по Надыму и Тазу. В поселке Ныда Надымского района, где я продолжал опрос среди оленеводов и рыбаков, не было ни одного, кто бы отрицал его существование. Здесь все одинаково утверждали, что “тунгу” часто встречался еще 15—20 лет назад, а лет 10 уже совсем не встречается. “Куда-то ушли, наверное в леса, которые южнее”, — говорили старики.

На Печоре и особенно в Зауралье встречи с лесным великаном отмечаются круглый год, за исключением двух самых морозных зимних месяцев. Жители селений, расположенных между Обью и Уралом, встречали его периодически в 1951—1953 годах, 1959—1962 годах и, наконец, в 1967—1968 годах.

Эта периодичность сразу бросалась в глаза при сравнении тех 50 рассказов, которые мы собрали...»

Борис Иванович дождался, пока я не окончу чтение, и, предложив стакан чая, поинтересовался:

— Ну как? Там чудеса, там леший бродит? Вы не находите, что Пушкин написал это как раз про обдорские и ямальские края?

Такая мысль у меня у самого не раз возникала, но, желая найти ей дополнительное подтверждение, я попросил Василенко дать пояснение. Лукавый доктор, похоже, того и ждал:

— В 1675 году некий Бальтазар Койэт издал книгу «Описание области Сибирь и указание, как из Московии ездить туда и дальше». В ней, в частности, говорится: «Сибирь, могучая область Московии, лежит в сторону реки Оби, между Кондорией, Лукоморьем и Пермью». Так что не может быть никакого сомнения по поводу местонахождения Лукоморья, в котором лешие бродят. Тем более что знаменитый картограф Герард Меркатор в свое время выпустил даже карты, на которых обозначено и Лукоморье, и Золотая Баба.

— Допустим, — согласился я, — но скажите, пожалуйста, откуда Пушкин мог узнать о Лукоморье и всех его чудесах?

— Из каких источников, я сказать не могу, — ответил директор музея, — но с какой целью он собирал эти сведения, догадываюсь. Дело в том, что в пределах Лукоморья его предок Савлук Пушкин совместно с Рубцом Мосальским, тем самым, что выведен в трагедии «Борис Годунов», заложил и построил на реке Таханин, или Таз по-современному, знаменитую на весь мир Мангазейскую крепость...

Из музея я уходил слегка ошарашенным: род самого Пушкина оказался связанным с нашим Севером, да еще и с Лукоморьем. Неужели поэт на самом деле знал о Лукоморье и его обитателях, а не вымыслил его на досуге? Вопрос, достойный внимания.

Вспомнилось, что у Александра Сергеевича Пушкина имелся доступный источник информации о богатырях и великанах в сибирской стороне на землях вогулов. Близкий друг и соратник

Александра Пушкина по литературному кружку «Зеленая лампа» Николай Михайлович Карамзин писал по этому поводу в создаваемой им «Истории государства Российского», в главе «Первое завоевание Сибири»: «...Между тем завоеватели сибирские не праздну ждали добрых вестей из России: ходили рекою Тавдою в землю вогуличей. Близ устья сей реки господствовали князья татарские, Лабутан и Печенег, разбитые Ермаком в деле кровопролитном, на берегу озера, где, как уверяет повествователь, и в его время еще лежало множество костей человеческих. Но робкие вогуличи... уважали только людей богатых и разумных... не менее уважали и мнимых волхвов, из коих один, с благосклонностью взирая на Ермака, будто бы предсказал ему долговременную славу, но умолчал о близкой его смерти. Здесь баснословие изобрело еще гигантов между карлами вогульскими (ибо жители сей печальной земли не бывают ни в два аршина ростом): пишут, что россияне близ города Табаринского с изумлением увидели великана в две сажени вышиною, который хватал рукою и давил вдруг человек по десяти и более, что они не могли взять его живого и застрелили».

«Вообще известие о сем походе не весьма достоверно, находясь только в прибавлении к Сибирской летописи», — замечает Н.М. Карамзин.

Может, оно и так, но для нас важно отметить, что Пушкин, друживший не только с самим Карамзиным, но и с его семейством, мог иметь (и вполне вероятно, что имел) доступ к информации, на двух десятках строк которой сошлись и былинный витязь, и волхователь, и колдун, и карлы-вогулы, и великан в две сажени ростом, — готовый сюжет для «Руслана и Людмилы». И Пушкин, считавший, что история принадлежит поэту, не замедлил этим воспользоваться.

Верста восемнадцатая

РОД ПУШКИНЫХ МЯТЕЖНЫЙ

Кто б ни был ваш родоначальник:
Мстислав, князь Курбский иль Ермак...

А.С. Пушкин. Родословная моего героя

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие... Бескорыстная мысль, что внуки будут уважаемы за имя, нами им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца?

А.С. Пушкин

В строках, взятых эпиграфом к этой главе, возможно, прячется кончик от ниточки, связывающей воедино пушкинские «У Лукоморья», «Сказку о царе Салтане» и «Бориса Годунова». Попробуем развязать этот никем не замеченный узелок и потянем за не приметную ниточку, начало которой запутано в родословной самого Александра Сергеевича.

Для тщательного изучения истории своего рода у юного дворянина Пушкина, помимо любопытства, имелись и другие,

достаточно веские основания, которыми нельзя было пренебрегать.

За два года до рождения Александра Пушкина, в 1797 году, вышел Сенатский указ, повелевавший всем дворянам иметь доказательство на дворянство, начиная с далеких предков. И как раз в год рождения будущего поэта, в 1799 году, Московский архив Иностранной коллегии выдает документ о родоначальниках и гербе фамилии Пушкиных¹⁰.

Наличие документа не исключало необходимости изучения своей родословной для молодых дворян: высший свет придавал знатности и древности рода исключительно важное значение. Поэтому юный Александр не составил исключения из общей традиции. И делал это с большим удовольствием, в чем сам признавался:

Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
Об отдаленной старине.
Могучих предков правнук бедный,
Люблю встречать их имена
В двух-трех строках Карамзина.
От этой слабости безвредной,
Как ни старался — видит бог,
Отвыкнуть я никак не мог.

Ознакомиться с генеалогией рода Пушкиных и других дворянских родов поэт мог по имевшейся у него книге с довольно длинным названием: «1. Родословную Книгу, собранную и сочиненную в Разряде при царе Федоре Алексеевиче и по временам дополняемую, и которая известна под названием Бархатной

¹⁰ ЛР. 1974, 5 апр.

Книги; 2. Роспись алфавитную тем фамилиям, от которых Родословные росписи в Разряд поданы, с показанием, откуда те роды произошли, или выехали, или о которых известия нет; также, какие роды от тех родов произошли, по каким случаям названия свои приняли, и наконец, под каким номером те родословные находятся в Разрядном архиве; 3. Роспись, в которой выезжие роды показаны все вместе, по местам их выезда... Изданная по самонернейшим спискам. Ч. 1. Москва. 1787».

Название этой книги определяет ее содержание и говорит само за себя. Имелась в ней и роспись рода Пушкиных, из которой он мог извлекать сведения о своих предках и родственниках. И, видимо, не случайно, что в своем творчестве Пушкин неоднократно обращался к заслугам предков и их славным деяниям в истории Российской. «Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории, — писал А.С. Пушкин в «Начале новой автобиографии». — В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал Ивана Васильевича Грозного, историограф именует и Пушкиных».

Историограф — несомненно А.М. Карамзин, «Историю государства Российского» которого Пушкин внимательно изучал и эпизоды из которой использовал в ряде своих произведений.

Действительно, древний, но не особенно знатный род Пушкиных от кровавых опал Грозного почти не пострадал, но его не миновали суровые гонения Бориса Годунова, удаление от трона и почетная ссылка, именуемая сибирской службой. Совершенно не случайно в уста своего предка, выведенного в драме «Борис Годунов» под именем Афанасия Михайловича Пушкина (правильно Остафия), поэт вложил горькие слова: «Уверены ли мы в бедной жизни нашей? Нас каждый день опала ожидает, тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы. А там в глуши голодна смерть иль петля. Знатнейшие меж нами роды — где?» Действительно, где? Конечно же в сибирской ссылке. Первые ссыльные из знати: в Пе-

лым сосланы Годуновым два брата Романовых, Иван и Василий Никитичи, родные братья патриарха Филарета, отца царя Михаила Федоровича (из них Василий умер в темнице в 1601 году, вероятно, насильственной смертью, а Иван в том же, 1601 году возвращен в Москву и до смерти своей состоял в важных должностях). Вслед за боярами Романовыми, Черкасскими, Сицкими и другими были сосланы в Сибирь Остафий Михайлович с сыном Влуком и братьями и Василий Никитич Пушкины, впоследствии бывшие воеводами: первый в Тобольске, второй в Якутске. В 1603 году на замену почившему Остафию Годунов послал в Тобольск его младшего брата Никиту Михайловича, который служил там до 1605 года. Разумеется, все выезжали в ссылку с семьями: женами и детьми. Ссылка в Сибирь первое время не имела значения для заселения страны, но ею правительство хотело избавиться от людей беспокойных или опасных, которых не хотело подвергнуть смертной казни. Поэтому в первое время в Сибирь ссылались люди значительные и государственные.

Еще не успела зарости травой и забыться могила Ермака, как после ложного доноса слуг по указу царя Бориса отправились в необжитую и неведомую Сибирь со всеми своими семьями братья Пушкины, во главе со старшим Остафием Михайловичем, которому предстояло воеводствовать в Тобольске до 1602 года, когда тело его приняла холодная сибирская земля. С тех пор на протяжении многих и многих лет род Пушкиных регулярно был связан или со службой, или с «местопребыванием» в сибирской провинции, о которой ходили слухи самые невероятные.

Еще в Начальной летописи приводится рассказ Новгородца Гюраты: «Югра — народ, говорящий непонятно и живет в соседстве с самоедью в северных странах. Югра рассказывала моему отроку: "...Есть горы, заходящие в луку моря (Лукоморье. — А.З.), им же высота до небес. Путь к тем горам непроходим из-за пропастей, снегов и лесов"». С тех давних времен

установились контакты новгородцев с югорской и мангазейской землей. В известном сказании XV века «О человецех незнаемых в восточной стране и о языцех розных» Мангазея описана уже как хорошо известная земля: «На восточной стране за Югорскою землею над морем живут люди Самоядь, зовомы Могонзии, а яд их мясо оленье, да рыба, да межи собой друг друга едят, и гость к ним откуда пиредет и они дети свои заклают для гостей, да тем кормят, а которой гость у них умрет, и они того съедают, и в землю не хоронят, а своих тако же. Сии люди не велики возрастом, плосковидны, носы малы, но резвы вельми и стрелцы споры и горазды, а ездят на оленях и на собаках. А платье носят соболие и оленье, а товар их соболи».

А товар их — соболи. Поймать десятка два седых соболей ценой по 5 рублей каждый или пару черносеребристых лисиц рублей по 50 — перспектива из самых заманчивых. После такой удачи вчерашний босяк становился богачом! Десятина земли стоила 1 рубль, лошадь — 2 рубля, хорошая изба — 10 рублей. А попадались изредка черные лисы от 100 до 500 рублей по московским ценам.

Естественно, что богатства Мангазеи давно привлекали к ней промышленников. Но московское правительство обратило к ней взор лишь в 1598 году, когда царь Федор Иоаннович отправил в Мангазею и Енисею Федора Дьякова с товарищами для проведывания этих стран и для обложения тамошних инородцев ясаком. Дьяков возвратился в Москву в 1600 году. Он же, вероятно, первый сообщил правительству, что пустозерцы, вымичи и другие торговые люди уже наложили руку на мангазейскую и енисейскую самоядь.

Прозорливый и дальновидный царь Борис Федорович в том же, 1600 году решил снарядить экспедицию в Мангазею для основания в устье реки Таз острога и таможенной заставы. И быть по тому.

Летом 1600 года отплыли из Тобольска на трех коломенках и одном коче князь Мирон Шаховской и Данила Хрипунов, а с ними сын боярский, атаман и сотня служилых.

Спустились мутным Иртышом и быстрой Обью до Березова, где их уже поджидали казаки на четырех кочах. И вместе поплыли на понизовья. Едва кораблики вышли из Оби в бурную губу, как напротив лукоморского берега потерпели жестокое крушение: потеряли пять судов вместе с припасами. Вместе с осенней непогодой подступали морозы и плыть далее становилось опасным и безрассудным, поскольку до Мангазеи надо было еще плыть и плыть. Чтобы не вмерзнуть в лед и остаться в живых, догадались возвратиться назад к Пантуеву городку.

Из этого неизвестного нам городка Шаховской с Хрипуновым послали царю известие о своей неудаче в плавании по Обскому морю: «Осталось нас, — пишут они, — два коча и пять коломенок и те кочи морем не ходят; да к тем кочам в Тобольске и Березове дано десять якорей и десять малых парусов, канатов и веревок мало и для морского хода надобно в прибавку...»

Писали также, что они послали казаков в Обдору к осякам и в Мангазею на оленях, и если подводы будут, то они тою же зимою достигнут Мангазеи, а если самоеды с оленями не явятся, то им придется дожидаться в Пантуеве парусов и якорей из Тобольска.

С этого года нужда сибирского флота в якорях стала постоянно возрастать и оказалась так велика, что пришлось специально создавать якорный завод в Верхотурье.

Все-таки казаки добрались до Обдорска и привели оттуда остяков с оленями к Пантуеву городку. Экспедиция Шаховского и Хрипунова отправилась к Мангазейскому берегу санным путем.

Однако немирные мангазейские самоеды неожиданно напали на незваных пришельцев и в жестокой битве разгромили экспе-

дицию. От остяков березовский воевода проведал про разгром и спешно донес в Москву о беде: «При нужде убили 30 человек казаков, а князь Мирон ушел ранен, а с ним 60 человек казаков, падчи на оленей, а про Данила не ведают, ранен ли или не ранен».

Сообщение о провале мангазейской акции правительства встревожило Бориса Годунова. Для восстановления русских позиций в Мангазее следовало принимать самые срочные меры. Наудачу как раз в это время снаряжались на службу в Тобольск знатные воеводы Федор Иванович Шереметев и Остафий Михайлович Пушкин. Такой уж был обычай у Москвы: назначать одновременно двух воевод в один город, чтобы ни одному из них полного единовластия в провинции не давать и обеспечить взаимный контроль соперников по воеводству.

На прощание воеводы и с ними дьяк Тимофей Куракин получили царский наказ из многих статей, из содержания которых следует, что воеводам оказывалось высочайшее доверие монарха. Воеводам поручались ратные люди, хлебный запас и денежная казна для Тобольска, Тары, Сургута и Березова, но строго предписывалось принять меры, чтобы служилые люди «не чинили насильства и продажи и убытков инородцам, к которым следует ласку и привет держать». Проницательный государь из Москвы разглядел истинную причину провала экспедиции Шаховского и Хрипунова, но мысли своей об утверждении московской власти в Мангазее не оставил. Федору Шереметеву и Остафию Пушкину вручается «Память о назначении в Мангазею воеводами князя Василия Мосальского и Савлука Пушкина на смену князя Мирона Шаховского и Данилы Хрипунова».

Начавшийся весной 1601 года поход на Мангазею был организован уже основательнее. Верхотурскому воеводе приказано было приготовить «для мангазейского хода» 15 кочей, а из Перми велено отправить в Верхотурье шесть якорей.

Воеводам Федору Ивановичу Шереметеву и Остафию Михайловичу Пушкину велено в Ярославле и Вологде купить все необходимое для экспедиции. Этим воеводам предписывалось прибыть в Верхотурье еще зимним путем, проверить качество строительства кочей, чтобы с началом навигации отправиться в Тобольск. «А прибыв в Тобольск, им наперед всех дел вычесть указ о мангазейской посылке и по тому указу на место князя Мирона и Данила отпустить тотчас в Мангазею князя Василия Мосальского да Савлука Пушкина и наказ им дать от себя и служилых людей отпустить с ними на перемену тем, которые посланы с князем Мироном и Данилом».

Новые тобольские воеводы в точности выполнили царскую волю, и летом 1601 года в Мангазею двинулась вторая экспедиция под водительством бывшего тобольского письменного головы Василия Мосальского по прозвищу Рубец, и Савлука Пушкина (Влука, сына Остафия Пушкина. — А.З.), а с ними на кочах 200 человек Литвы, казаков и стрельцов, оружие и снаряжение. Предстояло им плыть до Березова, взять там березовских и сургутских служилых людей, проводников и толмачей, «а из Березова идти в Мангазею и Енисею рекою Обью и морем наспех — днем и ночью, чтобы придти туда водяным путем до заморозков».

Наказ предписывал сменным воеводам, укрепившись в Тазовском городке, прежде всего «учесть по книгам Мирона и Данилу и отпустить их в Москву, а служилых людей, бывших с ними, — по городам, откуда взяты, и если не будет надобности, то из всего войска, прибывшего с ним в Мангазею, оставить у себя только 100 человек». Затем велено им пригласить в острог лучших из самоедов и сказать им жалованное слово: «что прежде сего приходили к ним в Мангазею и Енисею вымичи, пустозерцы и многих государевых городов торговые люди, дань с них брали воровством на себя, а сказывали на государя, обиды насильства и продажи от них были им великия, а теперь государь и сын его

царевич, жалуя мангазейскую и енисейскую самуюдь, велели в их земле поставить острог, и от торговых людей их беречь, чтобы они жили в тишине и покое... и ясак платили в государственную казну без ослушания».

Так было положено начало «златокипящей» Мангазее на реке Таз, городу-таможне. Воеводы Мосальский и Пушкин пробыли в Мангазее два года. Как они жили в новой государевой вотчине, подробных сведений не сохранилось. Известно лишь, что в 1602 году мангазейский воевода Савлук Пушкин по подозрению в утайке хозяйских денег запытал до смерти торгового приказчика, некоего Василия, впоследствии найденного нетленным и перенесенного в туруханский монастырь (память святому мученику Василию Мангазейскому 23 марта). Василий был первый признаваемый за богоугодившего, через свои жестокие мучения от немилостивого игемона, корыстолюбивого Савлука Пушкина. Благоговейные люди в Енисейске, Туруханске и самом Красноярске имели иконы с ликом этого мученика, изображающие юношу лет в 19, в одной только белой рубашке, а на боку иконы изображено его мучение при купце и воеводе». (Эта запись относится к 1827 году, см. *Пестов*. Записи об Енисейской губернии.) Естественно, что имя мучителя не составляло тайны как для верующих сибиряков, так и для Александра Пушкина, не имевшего оснований гордиться таким предком, а потому никогда о нем не упоминавшего. След воеводы Савлука из рода Пушкиных затерялся, но его напарник воевода Василий Михайлович Мосальский в истории изрядно напетлял и напачкал.

По возвращении из Мангазеи в ноябре 1604 года князь Василий состоял осадным воеводой Путивля и там решил перейти на сторону самозванца. Предательски сдав Лжедмитрию город, он выдал ему старшего воеводу Салтыкова и стрелецкого голову с сотниками. Вскоре Мосальскому удалось оказать еще большую услугу самозванцу — спасти его от плена и смерти при Добры-

никах. О предательстве «окаянного» Мосальского А.С. Пушкин упоминает в сцене «Ставка», в которой Гаврила Пушкин говорит Басманову: «Димитрия ты помнишь торжество / И мирные его завоеванья, / Когда везде без выстрела ему / Послушные сдавались города, / А воевод упрямых чернь вязала?» За верную службу Лжедмитрий приблизил Василия Мосальского и поручал ему самые важные дела. В 1605 году его посылают в Москву для устранения патриарха Иова и детей царя Бориса. С именем Мосальского связано позорное убийство царицы Марьи и Федора Годунова, он же по распоряжению Лжедмитрия перевез в свой дом несчастную Ксению Годунову, опозоренную впоследствии самозванцем. За последнюю заслугу Лжедмитрий пожаловал Мосальскому звание боярина и верховного маршала, а народ наградил его титулом «окаянный».

В трагедии Пушкина «Борис Годунов» мы видим Рубца-Мосальского в последней сцене убийства царевича. Всего несколько строк отвел Пушкин роли «окаянного Рубца». В трагедии он большего и не заслуживает, но из истории содеянного им не исключить. При всем желании.

Пушкин для написания своей трагедии по крупницам собирал исторические свидетельства, читал летописи, жизнеописание царя Федора, составленное патриархом Иовом, известия Г. Миллера, Щербатова, Петрея и другие. Следовательно, он должен был подробно знать жизнь и деяния окаянного князя, имя которого с 1601 года постоянно упоминается рядом с именами Савлука и Остафия Пушкиных.

Вместе с предками Александра Пушкина он стоял у колыбели города-таможни на лукоморском побережье — Мангазеи, вместе с ними участвовал в «смуте».

Точности ради стоит отметить, что Остафий Пушкин в описываемых в «Борисе Годунове» событиях участия не принимал и принимать не мог, зато рядом с самозванцем оказался

другой, и тоже прибывший из Сибири, Пушкин — Гаврила Григорьевич.

Заметный персонаж трагедии «Борис Годунов», бывший стрелецкий сотник Гаврила Пушкин, в 1601 году, переживая опалу, служил письменным головой воеводы городка Пелым, что на реке Тавде — опорном пункте для освоения Зауралья и Сибири. Забытый и захиревший теперь городок заслуживает, чтобы о нем упомянули подробнее. Через Пелым, служивший таможенной заставой, торговый путь шел по реке. Поэтому зимой и летом торговые караваны из Азии в Европу не могли миновать Пелыма, и должность, занимаемая Гаврилой, могла приносить ему немалый доход.

«Гаврила Пушкина, — писал о нем поэт, — я изобразил его таким, каким нашел в истории и наших семейных бумагах. Он был очень талантлив — как воин, как придворный и в особенности как заговорщик». С такими талантами Гаврила не мог долго прозябать в захолустье. Из Пелыма он был назначен воеводой в Белгород, откуда и перешел под знамена самозванца.

Судя по всему, Александр Сергеевич должен был знать о сибирском периоде жизни Гаврилы Пушкина и о его таможенной службе. Но при дворе и в свете было не принято гордиться службой на далеких окраинах России. Такая служба зачастую приравнивалась к опале и изгнанию, а потому замалчивалась потомками первопроходцев. Семейство Пушкиных не было исключением из этого правила и не любило вспоминать сибирских предков. Отсчитывать свою родословную от «владельческого» абиссинского князя престижнее, чем от опального воеводы из сибирского захолустья.

Верста девятнадцатая ГОСУДАРЕВА ТАМОЖНЯ

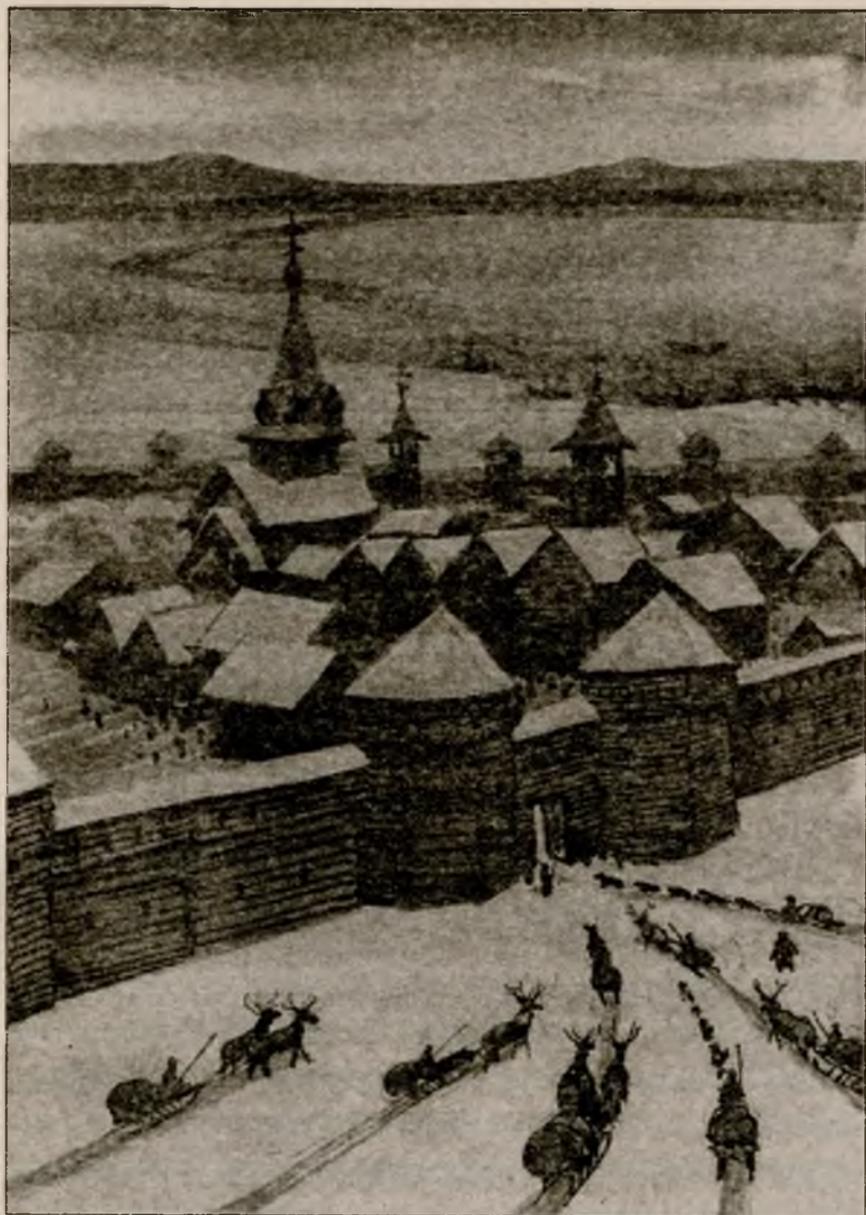
Город новый златоглавый,
Пристань с крепкою заставой.
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят...

А.С. Пушкин.

Сказка о царе Салтане

С возведением на берегах Таза торгового города-крепости Мангазеи в его великолепии потускнело и стало стираться из памяти понятие «Лукоморье», пока окончательно не подменилось названием «Мангазея». Так произошло и с городом Чимги-Тура, унаследовавшим новое имя от древнего царства Тюмень, и с северным улусом Орды — Джучи, получившим от русских новое наименование по имени его столицы Сибирь.

Плавание русских мореходов в Мангазею и на Обь с конца XIV и в первой половине XV столетия стало делом привычным. Сохранился русский документ, содержащий очень краткое изложение плавания В. Баренца в 1596—1597 годах и сведения о Новой Земле: «Новая Земля отдалилась к северу, чаят от самого материка отдалилась, потому что меж нею и Печорским

«Мангазея златокопящая». Художник А.Г. Визель

берегом есть пролива, именуемая Вайгац... За тою проливом
Татарское или Льдоватое море, в которое многие сибирские
реки впали...»

Для поморов же поездки на Обь были делом обыденным, и можно считать вполне установленным широкое использование поморами вплоть до 1620 года морского пути для проезда в Мангазею.

В донесении, посланном из Тобольска в Москву Федором Яновым 6 февраля 1616 года, сообщается: «Да нам, холопам твоим, сказывал тот же торговый человек, который сказывал про енисейскую дорогу, Кондрашко Куркин, да тобольский стрелец Кондрашко Корела, что де от Архангельского города в Мангазею по все годы ходят кочами многие торговые и промышленные люди со всякими немецкими товарами и хлебом».

К этому времени Мангазея представляла собой уже город-крепость с пятью башнями высотой до 4 сажени и городской стеной в полторы сажени. Внутри города две церкви, воеводский двор, съезжая и таможенная избы, гостиный двор, торговая баня, амбары, лавки и тюрьма. На башнях — девять крепостных пищалей, направленных на окружающую тундру и на реку. Миновать город, чтобы проехать на торга к мангазейским и енисейским самоедам, было невозможно. Население города составляли: поп, дьякон, дьячок, пономарь, два подьячих съезжей избы, подьячий таможенной избы, голова таможенный, палач, сторожа, пять толмачей и служилых людей с полсотни. Такой была Мангазея, когда в ее таможе служил современник и родственник Гаврилы Пушкина — Борис Пушкин. Видать, служба в заполярном городке оказалась ему в тягость, потому что Борис Пушкин не дождался окончания срока своего воеводства и, не дождавшись подмены новым воеводой, оставил город на попечение своего товарища Спиридонова, за что в Москве угодил в сибирский приказ, где с него был взят «расспрос» с пристрастием. Уже первым воеводам Тазовского острога Мосальскому и Пушкину правительство строго предписывает следить, чтобы торговые люди платили десятую пошлину не только с товаров, но и со всяких съестных запасов,

кроме хлеба, если последний провозится не для продажи. Затем в наказ 1603 года вторым мангазейским воеводам читаем: «И ныне государь Борис Федорович указал в Мангазее для торговых людей поставить гостиный двор и велел всяким торговым людям, приезжая, торговать в Мангазее с самаюдью и десятинную пошлину платить на гостином дворе, а по городским волостям, по юртам, по лесам и зимовьям торговать не велел».

Таможенные порядки были очень строги, и от таможенных голов и целовальников требовалось неукоснительное исполнение обязанностей, и за упущение при сборе пошлин они не только отвечали своим имуществом, но и подвергались великой «опале и казни». Все товары переписывались, провезти можно было только то, на что имелся пропускной лист какой-либо сибирской таможни.

В свете вышеизложенной информации о Мангазее некоторые строки «Сказки о царе Салтане» оборачиваются новой, неожиданной стороной. Оказывается, по Акияну-морю студеному, мимо острова Белый плыли на торг в Мангазею поморские кочи, на лодках спускались по Оби азиаты в те времена, когда там воеводствовал Борис Иванович Пушкин (1635—1639). Его брат, Иван Иванович Пушкин, служил воеводой на главной таможенной заставе Сибири в Верхотурье. Возможно, именно сведениями о службе предков на сибирских таможенных заставах и существовавших на таможне писанных и неписанных порядках навеяны строки «Сказки»:

Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости.
Он их кормит и поит
И ответ держать велит:

«Чем вы, гости, торг ведете

И куда теперь плывете?»

Картина таможенного досмотра тех времен передана весьма достоверно. Иллюстрацией интереса Пушкина к организации таможенной службы служит наличие среди книг его личной библиотеки сугубо специфического справочника: «Общий тариф для всех портовых и пограничных таможен Российской империи, кроме состоящих таможен в Астраханской, Оренбургской, Тобольской и Иркутской губерниях. Ч. 1. О привезенных из чужих краев в Россию товарах». В его начале помещен Указ Сенату Павла I от 12 октября 1797 года. Возможно, именно Указ более чем тарифы или, иначе говоря, пошлина привлек внимание Пушкина, чтобы появиться в строке: «Торговали мы не даром, неуказанным товаром...», т.е. товаром, не разрешенным Указом, контрабандой. Да и сам перечень разрешенных к ввозу и вывозу товаров не мог не представлять для поэта интереса. Такие книги, как «Общий тариф таможен», не покупают для семейного чтения, и Пушкин, приобретая ее, надеялся извлечь из книги вполне определенные сведения, чтобы использовать их затем в своих сочинениях.

Златокипящая Мангазея приносила ощутимый доход казне, и Москва вполне обоснованно стала опасаться потери своей доходной вотчины в результате захвата иноземцами или восстания инородцев. Чтобы не вооружать склонных к набегам самоедов, торговым гостям указывалось: «С собой оружия и топоров и ножей не брать, и того им ничего не продавать, а заповедных товаров — пищалей, зелья, саадаков, сабель, луков, стрел, железец стрельных, доспехов, копий и рогатин и иного какого оружия на продажу не возить». Посланное в начале 1616 года в Москву известие от тобольского воеводы Куракина, что немцы нанимают русских людей, чтобы из Архангельска провести их

суда в Мангазею и Енисейское устье, перепугало царя Михаила Федоровича так, что он запретил под страхом опалы и кары плавать тем путем в Мангазею и обратно. С 1620 года стала хиреть некогда златокипящая Мангазея. Центр пушной торговли постепенно стал перемещаться в Енисейский острог, в котором служил еще один родич Александра Сергеевича — Матвей Степанович Пушкин, внук Гаврилы Григорьевича Пушкина.

Пока оставался свободным морской путь в Мангазею, гостинный двор и заставу можно было обходить: не доплывая до тазовского городка, высаживаться и идти в ненецкие чумы в тундре. С закрытием морского пути купцы изыскивали другой путь для обхода таможи: из Енисейского края выходили на реку Вах и спускались по ней до Оби, на которой предстояло миновать сургутскую таможенную заставу. Что было далеко не просто из-за бдительности сургутского воеводы Пушкина.

В столбцах «сибирского приказа» приводится доклад о мягкой рухляди, незаконно «отписанной на государя» у промышленных людей сургутским воеводою Никитой Остафьевичем Пушкиным. Сын Остафия Пушкина Никита служил государю не за страх, а за совесть. И поэтому, когда в Сургуте появились промышленные люди с Пинеги Петр Прокопьев и Назар Матвеев с товарищами, которые, вопреки государеву указу, миновали Мангазею и не уплатили пошлину, строгий сургутский воевода, недолго думая, всю пушнину у них отобрал в казну, а самых незадачливых торговцев отправил под стражей в Москву.

В приказе Казанского дворца этих пинежан, бивших челом на незаконные действия воеводы, с пристрастием расспросили и определили, что сургутский воевода Пушкин «не взял с пинежан десятой пошлины», предполагая, что ее следует взять на Москве. Что касается отписки мягкой рухляди, то воевода поступил также неправильно: по государеву указу велено отбирать только дорогую, ценою более 200 рублей, рухлядь, которую и положено только при-

сылать в Москву, а промышленным людям возмещать стоимость мехов на месте. У пинежан дорогих мехов не было и отправлять их в Москву не стоило. «И государь царь... отписки и выписку слушал и указал: у тех промышленных людей взять их с мягкой рухляди десятую пошлину собольми, а остальных отдать им, потому что сургутский воевода Никита Пушкин отобрал ее и прислал к ним не делом. К Пушкину же отписать с осудом, что он своими действиями промышленным людям учинил волокиту и убытки...»

Конечно, в приказе не возникло вопроса о вознаграждении пинежан, напрасно прогулявшихся от Сургута до Москвы и потерпевших от того большие убытки, из-за незнания законов и превышения власти воеводой. Для Пушкина царский выговор никакого практического значения не поимел — он продолжал воеводствовать и, судя по тому, что сын его Иван Никитич вскоре получил почетное назначение воеводой в Верхотурье, процветал, Иван Никитич Пушкин из Верхотурья получил перевод в Мангазею, после нее служил в Пельме, где и умер в 1652 году. Начиная с Остафия он был третьим коленом сибирских воевод Пушкиных. Когда Иван Никитич отбывал на службу в Мангазею, на его место в Верхотурье заступил Иван Федорович Пушкин — сын тюменского воеводы Федора Бобрищева-Пушкина. Таможенная служба становилась наследственным занятием сибирской ветви рода Пушкиных.

И когда через много лет петербургский комильфо Александр Пушкин пишет о корабельщиках, в их ответах присутствуют ориентиры, позволяющие определить географическое местонахождение царства «славного Салтана». Думается, это не случайно. Отзвуки мангазейского торжища слышатся в речи отважных корабельщиков:

Мы объехали весь свет,
Торговали соболями,

Черно-бурыми лисами;
А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток
Мимо острова Буяна
В царство славного Салтана...

Именно в Мангазее закупали корабельщики соболей и чернобурок, чтобы затем торговать ими по всему свету. А когда наступал срок тобольской ярмарки, можно было плыть от лукоморских берегов, минуя остров в Карском море и в устье Оби, на восток — в царство сибирских салтанов. С XVII века все дороги стали вести к Сибири. На вопрос: знал ли Александр Пушкин о Мангазее, можно ответить только однозначно — знал из книг из своей библиотеки. Из «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Во времена Пушкина Сибирь еще оставалась далекой неизведанной провинцией и скудные сведения о ней еще были окутаны таким же таинственным ореолом, как сведения о Крыме или Кавказе. Неудивительно, что к вестям из Сибири у поэта было горячее пристрастие, и книгам о Сибири и народах, ее населяющих, отводилось в его библиотеке почетное место.

Сибирь манила поэта своей романтической историей и страшила как возможное место будущей ссылки. Очарованный Сибирью, автор «Бахчисарайского фонтана» многие годы вынашивал мысль о большой сибирской поэме.

В записках о своем предполагаемом разговоре с Александром I Пушкин пишет, что разговор этот мог бы окончиться ссылкой в те места, где он мог бы написать поэму о Ермаке или о Кучуме. В этом его «ИЛИ» заключается глубокий смысл, означающий, что поэт раздумывал, кого сделать главным героем будущей эпической поэмы — Ермака или Кучума.

Друзья поэта прекрасно знали о его задумке, да и сам Пушкин не скрывал этого и до конца своих дней тщательно, по крупицам,

собирал сведения о Сибирском царстве, чтобы использовать их в поэтическом произведении, а может, в труде, подобном «Истории Пугачевского бунта». (Примечание. Одним из источников написания «Истории» стали «Дневные записки о самозванце и разбойнике Емельяне Пугачеве, веденные города Оренбурга церкви Благовещенской, что на Гостином дворе, священником Иваном Осиповым», которые значились в числе документов «пугачевского портфеля Миллера». По просьбе А.С. Пушкина с «Записок» была снята копия. Потомственный священник И. Осипов служил в Оренбурге, а также в районе Тобольской и Ишимской пограничных линий, на которых располагался Оренбургский драгунский полк. Как священник различных воинских частей он имел представление о состоянии и возможных способах ведения ими боевых действий, а также о мятежных настроениях казачества. События 1773—1774 годов он встретил священником сразу двух церквей в Оренбурге. «Записки» Осипова попали в бумаги Миллера в Московском архиве Министерства иностранных дел, а оттуда к А.С. Пушкину. Для нашего исследования важно заметить, что Пушкин имел доступ и к документам Миллера, с которыми мы еще не раз встретимся, и к фондам Архива МИДа.)

Однако чтобы написать серьезную историческую работу, необходимо доскональное знание исторического и этнографического материала, культуры, языка и обычаев основного населения Сибири — тех, кого неправильно окрестили сибирскими татарами и которые сами себя так не называли. Пушкин понимает это и собирает необходимые материалы и книги.

Читал Александр Сергеевич перевод с персидского «Истории монголов от древнейших времен до Тамерлана», не миновала его и другая уникальная книга с предлинным, но исчерпывающим названием: «Любопытнейшее путешествие монаха францисканского ордена Плано Карпини, посланного в 1246 году в достоинстве легата и посла от папы Иннокентия IV к татарам, им

самим написанное и заключающее в себе достоверные известия о тогдашнем в Европе и Азии могуществе татар, об их одежде, пище и питии; о политическом и гражданском правлении, об обряде богопочитания их, о поведении их на войне; об обрядах, наблюдаемых при свадьбах и погребениях, и о многих достоверных происшествиях, касающихся до Российских Великих Князей».

Плано Карпини сообщал о татарах: «Разбили они Венгерцев и всю их землю разорили, потом, возвращаясь оттуда, прошли через землю Мордвинов, которые были язычники, и их также победили, оттуда пошли против Билеров, которые жили в большой Булгарии, где они все предали огню и мечу. Обращаясь к Северу или против Басхарта, или против Паскатара, т.е. против большой Венгрии (Югории. — А.З.), которую они покорили, а оттуда следовали далее к Северу противу Паросситов, у которых рот и желудок очень мал и которые не едят мяса, но только сварив оное, питаются паром, от него происходящим, и живут тем; если и едят его, то очень мало. Следуя далее, пришли они в землю Самогитов (самоедов), которые живут охотою и вместо платья носят звериные кожи и меха. Оттуда дошли они до Океана...» Не будем говорить о верности сообщения монаха и других авторов, цитаты из произведений которых приводятся в настоящей книге. Точность и достоверность их варьируется в широких пределах, но не это обстоятельство представляет наибольшую важность для нас. Главное — как воспринимал подобную информацию поэт и как она могла повлиять на его богатое воображение.

Неизвестно, когда был приобретен Пушкиным один из наиболее значительных трудов о Сибири, написанная в XVIII веке книга Г.Ф. Миллера «Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел, от начала и особливо от покорения его Российской Державе и по сии времена». Сочинение Миллера было хорошо известно современникам Пушкина, как и имя ее автора — знаменитого историографа Сибири, участника экспедиции

Академии наук в Сибирь в 1733—1743 годах, во время которой академик вел подробнейшие записи по истории и географии городов, заметки о нравах, быте, вере, языке и искусстве народов Сибири. Его неподвзятые объективные записи не потеряли своей значимости и в настоящее время. Читая Миллера, Пушкин узнал, что во времена присоединения Сибирского царства его правителей на Руси официально именовали «Сибирскими салтанами». В книге Миллера на страницах 70 и 117 Кучум неоднократно назван «Сибирским салтаном». Несомненно, Пушкин хорошо знал книгу Миллера. В 1825 году по просьбе Кондратия Рылеева он рецензировал его поэму «Войнаровский». В ответ на замечания Пушкина Рылеев писал: «Благодарю тебя, милый чародей, за твои замечания на Войнаровского — ты во многом прав совершенно, особенно говоря о Миллере...»

О Миллере Пушкин упоминал в письме к Вяземскому в марте 1830 года и в набросках статьи о Шаппе де Отроше — аббате, совершившем в 1761 году путешествие в Тобольск и издавшем в Амстердаме книгу «Путешествие в Сибирь». Чтобы писать об известных путешественниках, необходимы высокая компетентность и информированность об их делах и книгах. Пушкин этими качествами обладал в достатке, и от его внимания не могла ускользнуть грамота Ивана IV Строгановым, в которой Кучум назван «Сибирским салтаном».

Необычный титул запомнился поэту и когда он задумал «Сказку», присвоил ее главному герою необыкновенное имя, одновременно обозначающее и царский титул: царь Салтан — царь Царь. Правильно было бы писать Царь (Салтан). Знал ли Пушкин истинное значение слова «Салтан»? Думается, знал. В сибирской черепановской летописи, с которой Пушкин был знаком и которая была у него в библиотеке, один из противников Ермака назван царевичем Салтаном. У Кучумова сына Алтаная, который жил в Ярославле на царском жаловании, было два сына,

именовавшихся царевичами: Дост-салтан и Иш-салтан. Оба они, равно как жены и дети их, погребены в Новоспасском монастыре в Москве, и им придан титул царевичей, который и остался за последующим поколением. «Сибирские царевичи» в начале XVIII столетия были переименованы в «князей сибирских». Постепенно слово «салтан» перестает быть титулом и приобретает значение имени собственного — Салтан. От него пошли фамилии Салтановых, Салтанаковых, Салтановских.

Говоря о Салтане, нельзя обойти вниманием князя Гвидона. В XVII—XVIII веках на территории Югры существовали удельные княжества во главе с князьями. До начала колонизации Сибири Россией им удавалось сохранять относительную независимость от своего южного соседа, сибирского салтана, почти так же, как князь Гвидон — от царя Салтана. Вопрос: знали Пушкин об остяцких княжествах? Ответ находим в самом неожиданном месте его произведений. Некоторые считают, что в главном герое поэмы «Цыганы» — Алеко Пушкин изобразил самого себя — Александра, мечтателя о беспредельной свободе. В черновой рукописи поэмы «Цыганы», монологе Алеко над колыбелью сына, Пушкин начертал:

И я б желал, чтоб мать моя
Меня родила в чаще леса
Или под юртой остяка,
Или в расселине утеса...

Жилище ханта-остяка поэт правильно называет юртой, а не чумом, не ярангой или кибиткой, скажем. Выходит, знал поэт детали быта сибиряков, их обычаи, образ жизни и государственное устройство. Настолько точно, насколько позволяли доступные источники. В источниках информации о Сибири поэт недостатка не испытывал. В имевшемся у него пятом томе «Окончание за-

писок путешествия академика Лепехина», изданном в 1822 году, находилось описание его «Путешествия от Тюменя до города Архангельска», в которой есть строки: «Зимние вогульские жилища, юртами прозываемые, состоят из нескольких изб».

В библиотеке Пушкина был и 4-й том «Записок Путешествия академика Фальца» (1824), в первой части которых описано «Путешествие от Санкт-Петербурга до Томска». В эти годы Пушкин внимательно читает 9-й том «Истории государства Российского» Карамзина, 6-я глава которого вся посвящена завоеванию Сибири. Не могли миновать его внимания и статьи знаменитого историографа Сибири П.А. Словцова, публиковавшего свои «Письма из Сибири» в «Московском телеграфе». В них описывалось его путешествие от Тобольска до Березова и от Иркутска до Якутии, делался критический разбор Строгановской Сибирской летописи, изданной в 1821 году Спасским. Одних этих книг было вполне достаточно, чтобы использовать накопленные в них сведения не только для «Лукоморья» и «Сказки о царе Салтане», но и в целом ряде других произведений о Сибири.

Верста двадцатая ПО МОРЮ, ПО ОКИЯНУ

А лежит наш путь далек
Восвояси на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана.

А.С. Пушкин.

Сказка о царе Салтане

Если столица царя Салтана могла находиться на Иртыше, в Искере или Тобольске, то плыть в нее «восвояси» и на восток можно было единственным известным русским мореходам океаном — Северным Ледовитым, или, как его еще иногда называли, Океаном-морем студеным. Подтверждение тому мы найдем во многих летописях. В Архангелогородском летописце содержится сообщение: «В лето 7005 (1497) князь великий Иван Васильевич всея Руси послал послов к датскому королю... И они пришли на Двину, около Свойского королевства и около Мурманского носу морем-акияном».

Ходили «морем-акияном» и на восток. Летом 1601 года промышленный человек пинежанин Левка Иванов Шубин, прозвище Плехан, с товарищами в числе 40 человек вышел на четырех

кочах из устья Северной Двины «большим морем-окияном» на восток... Плехан сообщал, что около острова Вайгач «русские люди в Мангазею не ходят, потому что отошел далеко в море, да и льды великие стоят. А ходят “Югорским Шаром”, прибрежным к материку водами. На острове Вайгач место пустое, людей нет».

О плаваниях по «морю-окияну» и островах на нем Пушкин мог слышать от своего лицейского друга Федора Матюшкина. В августе 1817 года товарищ Пушкина, Пущина и Кюхельбекера Матюшкин уходит в плавание к северным берегам на шлюпе «Камчатка». Прощаясь с ним, Пушкин дал Матюшкину «длинные наставления, как вести журнал путешествия», и долго изъяснял ему настоящую манеру «Записок», предостерегая от излишнего разбора впечатлений и советуя только не забывать «всех подробностей жизни, всех обстоятельств встречи с разными племенами и характерных особенностей природы»¹¹.

Инициатива постановки вопроса в правительстве об отправке экспедиций на поиски земель у северных берегов Сибири исходила от капитана Головина. Указание о снаряжении экспедиции дал сам Александр I, а подготовка экспедиции была поставлена на уровень высшего государственного значения. В московских и петербургских гостиных северная экспедиция не сходилась с уст. Во вторую свою экспедицию — Колымскую Матюшкин совершал исследования совместно с Ф.П. Врангелем. Недавний выпускник лицея, коллежский секретарь Федор Матюшкин оказался подготовленным в области астрономии и географии настолько основательно, что ему была оказана честь исполнять важнейшую в экспедиции обязанность штурмана. Качество преподавания в Лицее выдержало испытание Севером.

Другу Матюшкину, очарованному Севером настолько, что в личных альбомах знакомых вместо стихов он рисовал карты

¹¹ П. Анненков. Материалы. 1855. С. 165.

сибирских берегов и очертания островов, посвятил Пушкин строки: «...Иль снова ты проходишь тропик знойный и вечный лед полуночных морей?..»

Федор Матюшкин не был единственным из близких к Пушкину, побывавших в «морях полуночных». Старший брат лицейского друга Пушкина «Кюхли», будущий декабрист Михаил Кюхельбекер, совершил в 1819 году под командованием А.П. Лазарева плавание в Карское море, к берегам Новой Земли. По возвращении в Петербург он рассказывал в кругу знакомых о своих наблюдениях над природными условиями и животным миром возле юго-западных берегов Новой Земли. И, может быть, именно от него впервые услышал Пушкин, что в Карском море, на южном острове Новой Земли имеются большие озера, изобилующие лебедями. Как знать, не послужил ли рассказ Кюхельбекера основой сюжета о царевне-лебеди, которая гуляла по волнам Карского моря «мимо острова крутого»?

Да и само название «Карское» поэт мог воспринимать как Черное, воспроизводя его от татарского «кара», что значит черный. Значение татарского «кара» Пушкину было известно. От этого корня образована фамилия его старшего друга и покровителя Карамзина — потомка татарского мурзы. Если мы ко всему вспомним, что во времена Вилли Баренца и долгое время после Карское море в литературе называлось Татарским, а Лукоморье считали подвластным тюменскому татарскому царю, то мы сможем понять и оправдать такой перевод Пушкиным названия моря и появление в «Сказке» у холодных берегов острова Буяна морского дядьки подводных витязей — Черномора. Уверенность, что этим мы обязаны татарскому языку, придает следующее. Собираясь писать о Сибири и Ермаке, Пушкин понимает, что без знания языка коренной национальности невозможно проникнуть в душу народа, глубоко изучить его историческое прошлое и культурное наследие. Он приходит к выводу о необходимости

изучения языка сибирских татар и приобретает редчайшую в наше время книгу — «Словарь российско-татарский», собранный в тобольском главном народном училище Иосифом Гигановым и изданный в Санкт-Петербурге в 1804 году. При всей постоянной нехватке денег Пушкин приобрел и бережно хранил эту, предназначенную не для развлекательного чтения книгу. Понятно, что она годилась только для одной, вполне определенной цели — изучения татарского языка.

Если бы Пушкин приобрел один только словарь, тогда это можно было бы отнести к разряду случайностей. Однако в его библиотеке мы находим и двухтомник, название которого стоит привести полностью: «Грамматика татарского языка, сочиненная в Тобольской главной школе учителем татарского языка Софийского собора священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованная». Издана «Грамматика» в Санкт-Петербурге в 1801 году при Императорской академии наук. Уровень издания — самый высокий, что свидетельствует о понимании царской администрацией важности сохранения национального языка, как элемента культуры и основы самосознания татарского народа, а также как средства межнационального общения между пришлым населением и коренной национальностью. Неслучайно все три книги написаны учителем главной Тобольской школы, в которой учились и русские, и татары. Кто же он такой, сибирский просветитель Гиганов?

Известный в Тобольске своей ученостью священник Иосиф Гиганов был дядей и наставником в юности Г.С. Батенькова, будущего помощника сибирского генерал-губернатора Сперанского, подполковника Корпуса путей сообщения и декабриста. Успешно делавший карьеру в ведомствах Аракчеева и Сперанского, сибиряк Батеньков был принят в обществе и околелитературных кругах, коротко знаком с Александром Бестужевым, Кондратием Рылеевым, Иваном Пушциным, Владимиром Раевским и особен-

но дружил с А.А. Елагиным и его женой Авдотьей Петровной, близкой родственницей В.А. Жуковского, т.е. входил в круг друзей Пушкина.

Не исключено, что Пушкин мог на квартире Сперанского в Санкт-Петербурге беседовать с Г.С. Батеньковым о сибирских делах и через него заполучил редкие татарские книги. Редкие хотя бы потому, что при их написании представители двух разных религиозных конфессий православный священник и мусульманские муллы в деле просвещения и создания учебника сумели к общей пользе найти общий язык. В данном случае — татарский.

Впрочем, вернемся к Пушкину и его «Сказке». Определив, что Карское море Пушкин мог со словарем Гиганова переводить как «Черное», попробуем отыскать на нем остров Буян, мимо которого постоянно проплывают торговые корабли.

Верста двадцать первая

ЧУДНЫЙ ОСТРОВ

В море остров был крутой,
Не привальный, не жилой;
Он лежал пустой равниной;
Рос на нем дубок единый;
А теперь стоит на нем
Новый город со дворцом.

А.С. Пушкин.

Сказка о царе Салтане

Остров Буян задолго до Пушкина существовал в русском народном творчестве: легендах и сказках. Остров Буян — остров счастья, «страна желанная», фантазией народных сказителей помещался в студеное северное море: «На море-океане, на острове Буяне, стоит дуб зеленый, под ним бык печеный, рядом нож точеный и чеснок толченый». Это всего лишь присказка. А если говорить серьезно, то в острове Буяне воплощалась вековая мечта народа о справедливости и счастье.

У Пушкина остров Буян тоже место, где несправедливо обиженные и заточенные в бочку мать и сын освобождаются от узилища и обретают свободу, покой, довольство. То есть волею

небесных и природных сил устанавливается торжество справедливости. У легенды об острове счастья давние и глубокие северные истоки.

Академик А.П. Окладников считал, что в русский фольклор легенда об острове Буян пришла из устного творчества северных племен, полагал, что русские с необыкновенной легкостью воспринимали многое из аборигенной культуры, черпая сведения из их преданий и мифологии.

Ярким примером тому являются легенды и рассказы о мифических жителях Крайнего Севера на островах Ледовитого океана и о «земле бородатых». Народы Севера издавна были уверены в том, что в северной части Ледовитого океана находятся обитаемые людьми острова и даже теплая зеленая земля с высоким лесом, богатая зверями. Обитают на ней бородатые великаны. Как и у Пушкина: «Все красавцы удалые, великаны молодые».

Русские не только восприняли рассказы местного населения, но и изменили их в соответствии со своим мировоззрением, отражая мечту о вольной земле без властей и податей.

Верхоянский исправник писал иркутскому епископу Вениамину, что на Ледовитом океане есть остров, на котором живут бородатые жители. Народное предание говорит, что бородачи на том острове проживают лет четырехста, что судно какого-то епископа со свитой было принесено к нему и выброшено на берег. Будто бы слышат на том острове звуки колоколов... Конечно же это легенда, принятая исправником за правду, но сюжет ее сходен с пушкинским. И описание схоже:

«...Мать и сын идут по граду, лишь ступили за ограду, оглушительный трезвон поднялся со всех сторон»...

И все же, не отрицая возможного влияния народного фольклора, попробуем поискать другие источники, способные навеять поэту образ острова Буяна, где обрел себе счастливое княжение Гвидон.

У Пушкина имелась книга Людвиг Бакмейстера «Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи», изданная Академией наук в 1771 году. В длинном и подробном предисловии к ней изложена вся история написания «Топографических известий», берущая начало от Петра I и Анны Иоанновны и завершенная Правительствующим сенатом в 1760 году, разославшим по городам и весям Империи опросный лист из тридцати вопросов. В их числе приказ Кадетскому корпусу и аналогичный — Академии:

«От северных Сибирских городов и зимовий присылать известия об островах на Ледовитом море, которые ведомы тамошним жителям, или промышленным людям, как велики, коль далече от матерой земли, и каких зверей на них ловят, так же, как оные острова называются... Кроме того, не попадалось ли им в пути чего «необычайного и приметы достойного».

«Известия» написаны хорошим языком и наверняка привлекли внимание Пушкина. Среди прочих занимательных и познавательных книг, что собраны в личной библиотеке поэта, сохранилась «Древняя российская гидрография», изданная Н. Новиковым в 1773 году. Как водится, издавалась она по подписке. Подписаться можно было на любое количество экземпляров и на бумаге любого, по желанию подписчика, качества. В начале книги приведен список подписавшихся на нее. В их числе: его сиятельство граф Петр Григорьевич Чернышев и московский купец Иван Андреевич Шехурдин, ее преподобие Ельпидофора Ивановна Кропотова и князь Петр Никитич Трубецкой, не означивший своего имени подписчик пяти экземпляров, его благородие Александр Николаевич Радищев и его высокоблагородие Герард Фридрих Миллер.

Два последних имени нам не раз еще встретятся впереди.

На странице 223 «Гидрографии» находим: «Река Обь пала в море в летнюю утреннюю зарю (каков язык!), а течет от Бухарския

земли, а за рекою за Обью двести верст пала в море река Таз. А по реке Тазу Мангазея, Самоядь, Пяки (названия ненецких родов). А на Оби реке на острове от моря вверх град Негей. От Негея семьдесят верст град Носовой, против Носового Обдора».

Описание это сделано по состоянию на 1680 год, когда Обскую губу еще называли морем, потому и впадает в море река Таз. А в остальном описание не расходится с современностью. Стоят на своем месте град Носовой (Лабытнанги) и Носовой Обдор — Салехард. Неясно, куда подевался и как теперь называется град «на острове» Негей, но важно, что такой город на пути от Лукоморья к царству сибирских салтанов действительно существовал и ходили мимо него кораблики в Мангазею и Тобольск. Но утверждать, что именно остров Негей выведен Пушкиным под именем Буяна, трудно, поскольку на это веселое имя претендуют еще несколько островов, правда, уже без города: Вайгач, Новая Земля и в особенности остров Белый у северной оконечности Ямала. Как уже говорилось, Вайгач стоял в стороне от морских путей промышленников и торговцев. Другое дело — Новая Земля или Белый. Григорий Новицкий в 1715 году в своем «Кратком описании о народе остяцком» писал: «Еще же в сей Новой Земле жительствует разумное человеческое создание, несогласно глаголют о сем: иные самовидцы оной земли говорят о виденной созданной человеческой красоте, голоса же не слышали, разговоров не имели, только зрением человеческий облик наблюдали». Людская молва населила этот остров волшебной «человеческой красотой».

В 1584 году главный деятель английской кампании в Москве Антон Марш, собиравшийся совершить плавание в Мангазею, получил ответ от четырех русских, которые вели торговлю между Холмогорами и Печорой. В нем, в частности, сообщалось: «Недалеко от материка в устье Оби имеется остров, на котором водится много зверей, например белых медведей, моржей. Самоеды

говорят, что в зимнее время они часто находят там моржовую кость. Если ты хочешь, чтобы мы проехали к устью р. Оби морем, то мы должны пройти мимо островов Вайгач, Новая Земля, Земля Матвея. И ты можешь убедиться в том, что от острова Вайгач до устья Оби не очень трудно проехать...»

Под Матвеевой Землей, вероятно, понимали северный остров Новой Земли, а остров в устье Оби — Белый. Эти острова были известны очень давно. Еще в XIII веке венецианский путешественник Марко Поло в своей знаменитой книге упоминает об островах кречетов в стране тьмы, к северу от владений Кончи. Владения Кончи распространялись на северную часть улуса Джучи — Западную Сибирь, а упомянутые острова кречетов, вероятно острова Белый и Новая Земля, на которых гнездовья этих соколов встречаются и по настоящее время. О кречетах мы вспомнили в связи со строками «Сказки»: «Бьетса лебедь средь зыбей, / Коршун мечется над ней...»

Сказка есть сказка. Но в этих строках поэт слегка погрешил против существующей в природе реальности. Представитель отряда ястребиных коршун, гроза мелких тварей, никак не мог представлять угрозы для превосходящего его по размерам и силе лебедя. Другое дело — кречет. На Руси, с ее традициями соколиной охоты, не могли обманываться на сей счет. В русских сказках соколы, орлы, ястребы — всегда положительные герои; коршун, филин, ворон — отрицательные. О силе, смелости, ловкости полярного сокола — белого кречета в Европе ходили легенды. Рассказывали, что от одного взгляда кречета умирают от страха белые лебеди. Может быть, остров Белый, где водятся кречеты, и есть сказочный Буян? Ведь мимо него шел корабельный путь в Салтаново царство.

Верста двадцать вторая В ЧЕШУЕ, КАК ЖАР, ГОРЯ

Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской.

А.С. Пушкин.

У Лукоморья

Мы уже познакомились с населением легендарного острова Буян — «человеческой красотой» — красавцами и странными бородатыми великанами. Настала очередь уточнить, откуда взялось у них сверкающее рыбьей чешуей одеяние и что оно могло собой представлять. При изучении источников оказывается, что Пушкин заимствовал подводных витязей отнюдь не из устного фольклора. Похожие персонажи, так или иначе связанные происхождением с Лукоморьем, давно уже кочевали по страницам русской и мировой литературы и, возможно, не покидали устного фольклора.

В широко известном на Руси древнем русском сочинении «О человеце, неизвестных в восточной стране и о языцех розных»

повествовалось в числе прочих чудес и о морских жителях: «В той же стране, за теми людьми над морем, живет иная самоядь (ненцы. — А.З.), такова: линная словет; летом месяц живут в море, а на суше не живут того дея: того месяца понеже тело в них трескается и они тот месяц в воде лежат, а на берег не могут вылезти».

Ричард Джонсон в своем сочинении «О некоторых странах самоедов, живущих по реке Оби и по морским берегам за этой рекой (1558)» уточняет: «В восточной стране, за Югорскою землею, река Обь составляет ее западную часть. По берегу моря живут самоеды, и страна их называется Молгомзей (впоследствии Мангазея. — А.З.). В этой же местности, за этим народом живет на берегу другое племя самоедов, говорящих на другом языке. Один месяц в году они проводят на море и в течение всего этого месяца не возвращаются на сушу...» Из этих документов следует, что легенды о морских жителях возникли не на пустом месте, имеют реальную основу и территориально связаны опять же с Лукоморией и Мангазеей.

Припоминаются пушкинские тридцать три богатыря: «А теперь пора нам в море; / Тяжек воздух нам земли...» Трудно сказать, знаком ли был поэт с сочинением «О человецех незнаемых...» или слышал его в пересказе, но вот книгу римского историка Павла Йовия, которого мы уже упоминали в главе о великанах, он имел в своей библиотеке и, следовательно, мог читать. У Павла Йовия он мог найти запись: «У океана, как рассказывают, живет какой-то народ, который большую часть (времени) проводит в воде и питается исключительно сырой рыбой. Эти люди, подобно рыбам, покрыты чешуею...» Строки эти записаны со слов русского посла Дмитрия Герасимьва, знавшего о походе Курбского в Лукоморье.

Обычаем употребления в пищу сырой рыбы сибиряков и теперь не удивить: у части коренного населения он сохранился и

поныне, а вот чешуя — откуда? Откуда у Пушкина: «В чешуе, как жар, горя...» Объяснение отыскалось и этому не простому вопросу. Первые русские землепроходцы в Западной Сибири поразились умению аборигенов делать непромокаемую одежду из рыбьих кож. Вот как писал об этом современник Петра I Григорий Новицкий: «Одежда их обще из кожey рыбы, наипаче из налима иже подобен сому, то же с осетра и стерлядей одерше кожу елико трудами своими умягчивают, яко могут все одеяние себе из них сошити. Обще же из налимельей кожи кажаны, с иных же чулки, сапоги себе утворяют».

Окончательное разъяснение происхождения легенды о морских жителях дает знаток Севера середины прошлого века Н.А. Абрамов. В «Очерках Березовского края» он рассказал, что близ острова Белый в Ледовитом океане находится песчаная отмель, где обдорские остяки и самоеды приставали во время своих поездок для отправления идольского обряда. Здесь они купались для сообщения с водными божествами и, выйдя из воды, бросали в нее деньги. Видимо, этот ритуал в сочетании с одеждой из рыбьих кож дал пищу фантазии очевидцев и знавших о нем понаслышке.

Пушкину оставалось только развить готовый сюжет:

...Море вскинется бурливо,
Разбежится в шумном беге,
И останутся на бреге
В чешуе, как жар, горя
Тридцать три богатыря...

Морской дядька обдорских остяков и самоедов — это их тотемный предок — водное божество. Возможно, в имя Черномор Пушкин вкладывал информацию, что он обитает в Карском (от татарского кара — черный) море. На самом деле название морю

дано от впадающей в него речки Кара. Кар — по-коми-пермяцки означает селение, городок. Но среди русских Кара была известна и как Черная река, иначе Пай-яга. Кара прорывается через уральский хребет Арвисхой и впадает в Песчаную бухту Северного океана. В «Древней российской гидрографии», что имелась у Пушкина, эти места описаны так: «А от Пустозера семьдесят верст губа Болвановская (болван — самоедский идол). А от той губы двадцать верст река Чорная, да река Великая... А от Кортаевы семьдесят верст река Кара... за губою пала в море речка Князькова, и от Кары реки до Князьковой сто двадцать верст... А промеж реки Кары на море остров Вайгач...»

Все как в «Сказке»: Черная речка и Кара впадают в Черное море, в котором остров и напротив речка Князькова, по берегам которой, возможно, прогуливался с луком остяцкий князь Гвидон...

Верста двадцать третья

ЧЕМ ВЫ, ГОСТИ, ТОРГ ВЕДЕТЕ?

Торговали мы булатом,
Чистым серебром и золотом...

А.С. Пушкин.

Сказка о царе Салтане

В нашей гипотезе на право назваться прообразом острова Буяна в «Сказке о царе Салтане» претендует остров Белый, и не только из-за своего расположения на пути к Лукоморью и царству Сибирскому.

В этом вопросе нам помогут разобраться купцы-землепроходцы. Из ответов купцов на расспросы Гвидона и Салтана можно сделать вполне определенный вывод, что столица «славного Салтана» находилась на востоке от Руси неподалеку от Лукоморья и Мангазеи — в Искере (Тобольске) или Тюмени.

Это предположение подтверждают торговые гости Гвидона: «Торговали мы булатом, чистым серебром и золотом...»

Что же это за странные купцы, торгующие чистым серебром и золотом, да еще в сочетании с оружием? Ассортимент, прямо скажем, необычный. По традиции, наоборот, конечной целью торговой сделки для купца являлось получение, накопление как

можно большего количества драгоценностей, золота. И неординарное сочетание товаров: булат, серебро, золото.

Слово «булат», искаженное «фулад», по-персидски значит «сталь». В древности славился хорасанский персидский булат. Иранские купцы торговали булатными хорасанскими клинками по всему миру. Товар для персов традиционный. Но вот необычная торговля «чистым серебром и золотом» для персов стала вынужденной. Со времени утверждения ислама в Центральной и Малой Азии драгоценные посуда и оружие, ювелирные украшения с изображением человека, животного или птицы стали для их владельцев предметами нежелательными и опасными. Ислам запрещал держать их в доме и при себе под угрозой строгой кары за идолопоклонство. Уничтожать ценные произведения ювелирного искусства было бы неразумным расточительством. И тогда серебро, золото и оружие хорасанской выделки изворотливые персидские купцы повезли в страны полунощные, где им имелся достойный эквивалент торгового обмена — меха, и где идолопоклонство вовсю процветало. Караванный путь на Север шел по Иртышу мимо столицы сибирских салтанов — Искера или Кашлыка. Торговый путь начинался с верхнего Иртыша, выше нынешнего Усть-Каменогорска, куда все товары доставлялись на вьючных животных и перегружались на каюки (большие лодки) и на них отправлялись вниз по Иртышу мимо Искера до Лукоморья или Сургута.

Жители Югры предпочитали серебро другим металлам, очевидно, из-за его бактерицидных свойств. Для них серебро было действительно чистым металлом. Вероятно, поэт знал эту привязанность жителей Салтанова царства, поскольку употребил, возможно подсознательно, по отношению к серебру эпитет «чистый» вместо общепринятого в фольклоре — «светлый». Например: «светлое серебро, красное золото».

Торговля «серебром и золотом» процветала вплоть до XIX века. Академик Миллер сообщал в конце XVIII века: «Кроме гостиного двора, в Ирбите во многих частных домах горожан и в близлежащих деревнях продается прекрасное восточное золото и серебро, а также драгоценные камни». Причем нередко торговля велась в обход таможи.

В 1779 году в Сибирь в составе государственной комиссии по фактам провоза контрабандой нелегальных изделий выехал обер-интеркригс-комиссар Григорий Осипов. В донесении об осмотре Тобольской губернии сообщалось, что у восточных купцов, в частности у бухарцев, выменивалось ежегодно от 50 до 100 пудов серебра, учитываемого в таможах, кроме того, в обход закона такое же количество выменивается помимо таможи.

А.С. Пушкину, отслужившему 7 лет секретарем Коллегии иностранных дел и через друзей имевшему доступ к бумагам Миллера, могли быть ведомы эти документы и факты. И по окончании службы Пушкин не утратил доступа к архивам Коллегии иностранных дел, через своих друзей — служащих Архива: князей Мещерских, А.В. Веневитинова, В.П. Титова, С.П. Шевырёва, Н.А. Мельгунова, С.И. Мальцева, С.А. Соболевского — «архивных юношей».

Выражение «архивные юноши» появилось в романе «Евгений Онегин» с легкой руки Сергея Александровича Соболевского — душевного друга Пушкина. Соболевский пользовался необычайным доверием Пушкина, который свободно допускал его к устройству своих денежных дел. Сам Соболевский вспоминал, что вместе со Львом Сергеевичем принимал участие в издании «Руслана и Людмилы». Пушкин останавливался и жил на московской квартире Соболевского. Редактор «Московского вестника», страстный библиофил и весьма сведущий библиограф, Соболевский собрал интереснейшую библиотеку. Пушкин, по его

собственным словам, привык пользоваться библиотекой «своего старинного приятеля».

Возможно, благодаря дружбе с «архивными юношами» Пушкин получал доступ к малоизвестным документам о Сибири, из которых мог узнать, что золотые и серебряные дела не были чужды его старинному роду. Столбцы Сибирского приказа свидетельствуют, что сын горячо любимого Пушкиным предка из «Бориса Годунова» — Гаврилы, боярин и оружничий Григорий Гаврилович Пушкин заведовал малоизвестным Серебряным приказом. О его деятельности говорят некоторые записи, например о посылке в Серебряный приказ 500 золотых угорских (югорских) пригодных для изготовления окладов к иконам, на позолоту, чеканные и всякие дела.

«Угорские золотые». Слово «угорские» не означает, что золотые отчеканены в Югре — Югра своих денег не имела. Просто эти золотые были взяты в Югре, потому и упомянуты в столбцах сибирского приказа. Взяты из числа даров языческим идолам, изъятых в казну. Запись в столбцах как раз относится к периоду начала христианизации Югры и Сибири, когда разорялись многие святлица. Даже в начале 60-х годов прошлого века в одном из шаманских капищ возле Березова смогли обнаружить серебряную с позолотой чашу, изготовленную около X века в Византии и неведомым путем попавшую в Югру. На вазе изображены царственный юноша с арфой и внимающая ему дева, бой византийского всадника с кочевниками, звери, цветы и птицы. Еще одна серебряная чаша иранской работы найдена в пятидесятых годах на территории Приуральяского района Тюменской области. Там же сделана совершенно уникальная находка серебряной гривны с клеймом Великого Новгорода.

Летом 1989 года археологический отряд тюменского госуниверситета раскопал ряд курганов в Абатском районе Тюменской области. Археологам повезло наткнуться на нетронутое захоро-

нение и сделать неожиданные находки. Мужчины были похоронены в нарядных кафтанах, расшитых золотыми или серебряными бляшками. Рукоятки кинжалов и мечей были обернуты листовым золотом, уздечка коня украшена серебряными бляшками, пряжки на поясе обвиты золотой или бронзовой проволокой. Большой интерес представляют ювелирные украшения — золотые и серебряные серьги, украшенные пирамидками Черни. Археологи пришли к убеждению, что украшения по форме, стилю и технологии изготовления однотипны с теми замечательными изделиями, что собраны в коллекции Петра I.

Не остановиться на знаменитой сибирской коллекции Петра I в нашем повествовании никак нельзя. Если еще и в наше время на территории Сибири находят драгоценную посуду и оружие эпохи сасанидов, то при жизни Петра I такие находки случались совсем не редко. В 1715 году сибирский промышленник Демидов прибыл в Петербург. Совпало, что у царя Петра как раз родился наследник, которому по старинному русскому обычаю делались подарки. Не ударил в грязь лицом и Демидов и поднес в подарок «богатые золотые бугровые сибирские вещи и сто тысяч рублей денег».

Эти «бугровые сибирские вещи» представляли великолепные литые поясные бляхи с изображением борьбы зверей и шейные гривны с фигурами зверей на концах. Подарок заинтересовал Петра I, страстного любителя всяких диковинок. Тобольскому губернатору князю М.П. Гагарину последовал указ о розыске и доставке подобных сокровищ. Выяснилось, что жители Тюмени, Тобольска и прилегающих деревень с успехом занимаются кладоискательством, организуя артели бугровщиков по раскопке курганов, или по-местному — бугров.

Матвей Гагарин срочно шлет грамоту в Тюмень, коменданту Воронецкому: «1717 года июля в 5 день... По именному его царского величества указу, который писан рукою его царского

величества, древние золотые и серебряные вещи, которые находят в земле древних покладов всяких чинов, людям велено объявлять в Тоболску и велено у них брать те вещи в казну великого государя, а отдавать им за те взятые вещи ис казны деньги...»

Гагарин развил бурную деятельность и одну за другой отправил в Петербург три драгоценных посылки из золотых и серебряных изделий совершенно неизвестного до того звериного стиля, общим весом более восьми пудов. Подарки Демидова и посылки Гагарина составили основу так называемой сибирской коллекции Петра I в кунсткамере, а затем в Эрмитаже.

Однако щедрые подношения не уберегли сибирского губернатора от царского гнева. В 1717 году Матвей Гагарин был отозван в Санкт-Петербург и отдан под следствие за злоупотребления, в числе которых значилось ограбление его ставленником иркутским воеводой Ракитиным торгового каравана из Китая с золотом, серебром и другими ценностями.

А в Тобольск для следствия был направлен гвардии-майор Иван Лихарев со товарищи, среди которых был лейб-гвардии капрал Максим Пушкин. Мы не знаем, к какой из ветвей рода Пушкиных он принадлежал, но его служба в лейб-гвардии свидетельствует о его дворянском происхождении. Максиму Пушкину выпала честь расследовать злоупотребления в Иркутске. Первым делом Максим Пушкин и его сотоварищи взялись за ревизию приходно-расходных книг приказной избы.

Царские контролеры дотошно проверяли, куда ушли каждая шкурка соболя, черно-бурой лисицы, куницы и белки. Иркутские летописи сообщают о Пушкине, что он вел себя «благопристойно, соблюдал во всем умеренность, не терпел корыстолюбия, себя вел весьма строго, лихоимственных подарков и взятков ни от кого и ничего не принимал». Дело о пограблении торгового каравана раскрылось, и за злоупотребления воеводе Ракитину пришлось в сопровождении Максима Пушкина с помощниками отправиться

в Санкт-Петербург перед «Петровы очи» и под суд, обрекший его на смертную казнь.

Мог ли Александр Пушкин, интересовавшийся эпохой Петра I и буквально всем, вплоть до анекдотов, что связано с его именем, знать историю сибирской петровской коллекции?

Мог. Не мог не знать. И очевидно — знал. И, вероятно, история ее спрессовалась у поэта всего в две краткие строчки, возможно затем, чтобы проявиться когда-нибудь впоследствии в большой сибирской поэме или повести.

Историю петровской ревизии в Иркутске и другие сибирские истории А.С. Пушкин мог слышать от И.Т. Калашникова, сослуживца М.М. Сперанского и П.А. Словцова, потомственного, в третьем поколении, чиновника иркутской губернской канцелярии. Его отец, Т.П. Калашников, всю жизнь отслуживший в Иркутской казенной палате и в Хозяйственной экспедиции, оставил после себя записки — «Жизнь незнаменитого Тимофея Петровича Калашникова, простым слогом описанная с 1762 по 1794 год». Служба деда и отца была источником всевозможных рассказов о делах иркутских и камчатских для его многочисленной семьи в длинные сибирские вечера, когда в Иркутске главным развлечением были семейные застолья да беседы.

Иван Тимофеевич Калашников стал сочинять стихи уже в детские годы. В 1813 году за оду на изгнание врага из России он получил подарок от вице-губернатора — пятитомник лучших российских стихотворений. Под влиянием П.А. Словцова, Калашников стал пробовать свои силы в прозе. По ходатайству Словцова его этюды печатают «Казанские известия». На одаренного канцеляриста обратил внимание М.М. Сперанский, и с этого момента его карьера пошла в гору — в 1822 году по предложению Сперанского Иван Тимофеевич Калашников назначается советником Тобольского губернского правления, получает в награду за усердную службу золотые часы. А еще через год он уже служит

в Петербурге в должности столоначальника Министерства внутренних дел. Заботами Словцова, Сперанского, близкого к ним петербуржца П.Г. Масальского Калашников вошел в избранное общество. На дочери Масальского Елизавете Петровне он женится, а благодаря ее брату Константину, довольно известному в те времена писателю, входит в круг петербургских литераторов. Естественно предположить, что Калашников оказался коротко знаком с дочерью своего протеже и благодетеля Сперанского — Е.М. Фроловой-Багреевой и с ее другом Александром Пушкиным. Фролова-Багреева проживала в С.-Петербурге вместе с отцом. В ее салоне собирались все знаменитости: ученые, артисты, писатели, в том числе и А.С. Пушкин, который с ней особенно дружил. В своем письме к Н.Н. Гончаровой он сам это подтверждает: «Вчера m-me Багреева, дочь Сперанского, присылала за мной, чтобы “вымыть” мне голову за то, что я не исполнил формальностей — но, в самом деле, у меня не хватает сил. Я мало езжу в свет». Из текста письма следует, что Фролова-Багреева присылала за Пушкиным, потому что он не появился в ее салоне накануне, как следовало. Ее отец Сперанский имел слабость талантливых людей держать от себя поблизости. Так, другой тоболяк, будущий декабрист Г.С. Багеньков, после перевода в С.-Петербург и до самой ссылки проживал в доме М.М. Сперанского. Возможно предположить, что Сперанский на первом этапе карьеры другого своего любимца — Калашникова не изменил своего обыкновения и по отношению к нему.

Вышесказанное способствовало не только литературным успехам Калашникова, но и расширению его светских и литературных знакомств. Во всяком случае, Пушкин в начале апреля 1833 года пишет ему как совершенно старому знакомому: «Вы спрашиваете моего мнения о “Камчадалке”. Откровенность под моим пером может показаться Вам простою учтивостью. Я хочу лучше повторить Вам мнение Крылова, великого знатока и беспристрастного

ценителя истинного таланта. Прочитав “Дочь Жолобова”, он мне сказал: “Ни одного из русских романов я не читывал с большим удовольствием”. ”Камчадалка”, верно, не ниже Вашего первого произведения. Сколько я мог заметить, часть публики, которая судит о книгах не по объяснению газет, а по собственному впечатлению, полюбила Вас и с полным радушием приняла обе Ваши пьесы».

Подробнее о жизни и литературном наследии И.Т. Калашникова можно прочитать в первом томе «Очерков русской литературы Сибири», изданном в 1982 году Институтом истории филологии и философии Сибирского отделения АН СССР.

Верста двадцать четвертая ОЙ ВЫ, КОНИ БУРЫ-СИВЫ...

Предо мною конный ряд;
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые...

П.П. Ершов.

Конек-горбунок

Из всех загадок, искусно упрятанных Пушкиным между строчек «Сказки о царе Салтане», торговля «донскими жеребцами» задала работы более других. Никак не согласовывались донские жеребцы с версией о сибирских корнях «Сказки». В отличие от других корабельщиков, из ответов торговцев конями не следует, что они родом из Салтанова царства:

Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы конями,
Всё донскими жеребцами,
А теперь нам вышел срок —
И лежит нам путь далек:

Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...»

То есть корабельщики сообщают Гвидону, что торговали конями по всему свету, а теперь настало время ехать торговать в Салтаново царство, поскольку «вышел срок». Возможно, под этим следует понимать, что торговые гости спешат проданных коней доставить ко вполне определенному сроку — к открытию ярмарки. А ярмарки в Сибирском царстве бывали знатные: Тобольская, Ялуторовская, Тюменская и уж, конечно, Ирбитская. В библиотеке у Пушкина была книга «Дневные записки путешествия Ивана Лепехина, совершенного в 1771 году».

Академик Лепехин приводит в ней красочное и подробное описание Ирбитской ярмарки: «С китайских границ привозят китайки лощеные и нелощеные разных цветов, голи или камки, фанзы, канфы, легкие парчи, шелк сырец и сучной, лаковую фарфоровую и фаянсовую посуду, чай зеленой и черной, кирпичный или твердый чай, белый чай, разные краски, всякие мелочи, как-то трубки курительные, стекла зажигательные, шелком шитые картины и прочее. Из дальней Сибири идут товары, в мягкой рухляди состоящие, как — куницы, соболи, горностаи, белки, песцы, волки, лисицы, выдры, росомахи, бобры, оленины и лосины. С подобным сим товаром приезжают Вогуличи и Березовцы.

Оренбургская линия снабждает сие торжище наипаче бухарскими и хивинскими товарами, которые состоят из камчатых бумаг, как простой, так и крашеной, в разных выбойках, полушелковых материях, верблюжьем волосе и сделанными из него материи.

Оттуда же привозятся овчинки, мерлушки и тулупы, и особый род орехов, чинар прозываемое; копытчатое серебро, золото как песочное, так и в персидских деньгах редко на

Ирбите видеть можно, но оно ныне предоставлено для оренбургского торгу».

(Опять нам встречается серебро и золото! Заметим, что ниточка от него тянется к Оренбургу, в котором Пушкин побывал.) «...От архангелогородского порту привозят купцы сахар, французскую водку, разные виноградные вина, сукна, холст, лимоны, сласти разные и шелковые материи... Надобно знать все пути, по которым с разных сторон товары привозятся. Китайские товары с Кяхты везут или сухим путем, или водою. Сухим путем привозятся с границы в Иркутск, из оного в Томск, оттуда в Тару, а из Тары в Тобольск. От границы до Тобольска считают 3500 верст, от Тобольска до Тюмени 254 версты, от Тюмени до Ирбитского торжища 160 верст. По такому расстоянию за провоз каждого пуда платится с лишком два рубля. Водяной путь также от самой границы начинается. Сперва плывут рекою Селенгою до Байкала; из Байкала проходят рекою Ангараю; из Ангары выходят в Енисей, по которому спускаются до Енисейска, где, перебравшись через волок, плывут по реке Кеть к Оби, а по Иртышу поднимаются вверх до Тобольска. С прочих сторон товары привозятся гужом, выключая архангелогородские, которые по осени на судах отправляют до Устюга, а от Устюга так же зимним путем перевозятся на лошадях...»

Обратим внимание на фразу: «с прочих сторон товары привозятся гужом». Огромные объемы товарных перевозок требовали соответствующего конепоголовья. Спрос на хороших коней непременно должен был вызвать предложение, и нет ничего удивительного, если на ярмарке появятся со своим товаром лошадиные барышники. Но почему именно «донские жеребцы», а не орловские, к примеру? С этим вопросом я решил направиться на городской ипподром за консультацией специалиста.

Директор ипподрома, из того реликтового племени конников, что в отчаянных рейдах по немецким тылам срубили немало чу-

*«В 1621 году проехал на воеводство в Тюмень
Федор Бобрицев-Пушкин». Художник А.Г. Визель*

жих головушек и сложили свои, казалось, только меня и ждал. Похоже, не очень баловали вниманием горожане в последние годы его подопечных красавцев. Пришлось выслушать всю столетнюю историю тюменского ипподрома, заглянуть в будущее,

в котором конь снова займет свое законное место в народном хозяйстве, пройтись по денникам и только тогда снова повторить свой вопрос:

— А почему все-таки у Пушкина в «Сказке» жеребцы донские? И почему торгуют именно жеребцами, а не кобылами?

Кавалерист снисходительно улыбнулся моей наивности, покрутил ус «под Буденного» и объяснил: «Жеребцы привозились в Сибирь для улучшения местной породы. Татарские лошаденки мохнаты, неприхотливы, выносливы, но мелковаты и слабосильны. Вогульские коньки еще меньше татарских — совсем невелички. Именно с них Ершов списал “Конька-Горбунка”. Ни та, ни другая порода для почтовой гоньбы, когда ямщику необходимо долгое время выдерживать хорошую скорость и везти значительный груз, непригодны — нужны кони покрупнее. Донская порода для этих целей как раз подходит: она универсальна и может с успехом использоваться как в упряжке, так и под седлом».

— Так вы считаете, что донскую породу использовали для селекции сибирской ямской лошади?

— Вместе с другими породами, — подтвердил коневод.

— Донская порода сформировалась на базе местных лошадей донских казаков, которых улучшали персидскими, турецкими, карабахскими и другими жеребцами. А с помощью жеребцов-дончаков в те же годы сформировали местную, так называемую тавдинскую породу. Замечательной выносливости лошади. Для сибирских дорог самая подходящая. Если бы не Артем Бабинов и открытая им дорога с Перми на Верхотурье, может, и не было бы этой местной лошадки...

Бабиновская дорога — через Верхотурье на Тюмень. Многие из рода Пушкиных, начиная с Левонтия и Ивана Пушкиных в 1600 году, затем в 1601 году — Остафия, который по царскому указу взял из Перми и доставил «с кабаку» меда, солода, хмеля на 300 рублей для винокурения в Верхотурье, проследовали по

ней в Тобольск. В 1621 году проехал на воеводство в Тюмень Федор Бобрищев-Пушкин, в 1625-м на смену ему отправился в сопровождении большого обоза предок поэта по прямой линии Петр Тимофеевич Пушкин по прозвищу Черной. А его брат, Воин Тимофеевич Пушкин, в 1629 году — в Березово.

Черной-Пушкин снаряжал и провожал из Тюмени на Енисей отряд казаков для разведки и закладки новых городов-острогов. Казаки возведут Енисейск, в котором впоследствии по указу царя Петра I будет безвинно (за вину сына Федора) отбывать вечную, до смерти в 1698 году, ссылку Матвей Степанович Пушкин и который станет местом ссылки других казаков и их близких.

Александр Пушкин впоследствии вспомнит об этом в «Полтаве»: «...С берегов пустынных Енисея / семейства Искры, Кочубея / поспешно призваны Петром...»

В 1644 году в сопровождении полусотни челяди и со стоведерным запасом хлебного вина в Якутск на смену Петру Головину из Верхотурья выехал племянник Остафия Пушкина воевода Василий Никитич Пушкин. Василий Пушкин служил в Якутске до 1649 года, в котором скончался. Видела бабиновская дорога в 1652—1655 годах и туринского воеводу Матвея Максимовича Мусина-Пушкина, и других представителей славной фамилии Пушкиных.

Несли их по сибирскому бездорожью, грязи и ухабам, наледи и снежным заметам разудалые сибирские тройки, запряженные коренастыми тавдинскими конями.

Тоскливая, однообразная дорога, долгий путь...

Для большей уверенности попробовал отыскать издание, в котором Пушкин мог прочитать описание бабиновской дороги, в период, предшествующий созданию «Сказки о царе Салтане».

Такое издание отыскалось: в 1821 году в Санкт-Петербурге В.Н. Берх опубликовал свое «Путешествие в город Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей». Книга

эта должна была привлечь внимание Пушкина как упоминанием в заголовке исторических древностей, так и названий городов, связанных с именем Ермака. В ней говорится: «...1525. По указу царя Федора Иоанновича ведено проведывать прямую дорогу от Соли Камской до Верхотурья; прежняя была окольная от Соли Камской мимо города Чердынь, вверх по Вишере-реке, да через Камень в Лозву реку, Лозвою вниз в Тавду, да Тавдою вниз до Тобола реки; а Тоболом вверх до Туры реки; а Турою вверх до Тюмени. Тою дорогою хаживала денежная и соболиная казна и хлебные припасы по смете с 2000 верст. Проведал прямую дорогу Верх Уsoleц крестьянин Артюшка Бабинов и стало от Соликамска до Верхотурья только 250 верст. За сию службу пожаловал Федор Иоаннович Бабинова грамотою бесданного и беспошлинного».

На таежной Тавде-реке формировалась с помощью донских жеребцов выносливая ямская лошадь. А для ямской гоньбы и извоза требовалось огромное конепоголовье, прокормить которое было нелегко.

Традиционным сибирским способом, облегчающим содержание коней в зимнее время, была тебеневка — вольный выпас коней на подножном корме почти до половины зимы, пока не лягут глубокие снега. На заливных лугах в пойме Тавды вырастали буйные травы. После ухода воды травы сплетались в сплошную, трудно поддающуюся косе, массу.

Полуодичавшие кони-звери во главе с опытным вожаком паслись на необозримых лугах «вольны, не хранимы».

Под стать своим коням были вольны душой и сибирские ямщики. В том самом 1601 году, когда Остафий Пушкин с братьями и семьей ехал бабиновской дорогой на Тюмень и далее, по повелению их гонителя Годунова в Тюмени организуется первый почтовый ям. В грамоте царя Бориса тюменскому воеводе Луке Щербакову сказано: «И как к тебе наша грамота придет, и ты

бы вперед на Тюмени ямщиков прибирал. А было бы у всякого ямщика гоньбы по три мерина...»

И понеслись по сибирским просторам разудалые ямщицкие тройки, зазвенели тюменские колокольчики, да так, что звук их отозвался не раз и в столичном Санкт-Петербурге.

Соратник Федора Матюшкина по Колымской экспедиции Фердинанд Врангель писал в Петербург: «...Дороги по Сибири стоят того, чтобы их похвалить; с самого Екатеринбурга можно сравнить езду по Сибири с плаванием пассатными ветрами, и то кто ездит по казеной надобности, плавает в индийском океане летом, когда пассат дует, шторм только держись! При всем том, что большая часть сибирских городов суть деревушки, и почти все деревни обстроены лучше, чем надобно, по сравнению с городами, однако я теперь лучшего понятия о Сибири, нежели был»¹².

¹² ЦГИАЭ. Ф. 2057. Оп. 443. Л. 7.

Верста двадцать пятая

КНЯЗЮ ПРИБЫЛЬ — БЕЛКЕ ЧЕСТЬ

Вот старики наши ходили на югру и самуюдь, сами видели в полунощных странах: спадала туча, а в той туче белка молодая, только что рожденная, выростала и расходилась по земле... Этому рассказу свидетель Павел, посадник Ладожский и все ладожане.

Из новгородской летописи XX века

Чудесная затейница белка из сказки «О царе Салтане», несомненно, северянка.

Из десятого века донесли в наши времена записанные исландским летописцем Снорри Стурлуссоном варяжские саги о походах за мехами в далекую страну Биармию и загадочном рыжем звере по имени «Ур». По мнению современных ученых, Биармия, получившая свое название от коми-пермяцкого Би-Ур-Ми, в переводе «страна огненных белок», это Пермия, огромная территория, включавшая в себя весь Средний и Северный Урал, часть Югры и простиравшаяся до Ледовитого моря-океана.

Пермия издавна считалась законной вотчиной новгородцев, и именно от них, промышленных людей и ушкуйников, попало

в «Начальную летопись» XI века известие о волшебных белках Югры, падающих на землю с самых небес. Видимо, белок в те годы в Югорской земле было столько, что объяснить их изобилие, кроме как сверхъестественным путем, не представлялось возможным даже для бывалых добытчиков.

Волшебная белка, грызущая кедровую шишку, вообще могла бы стать символом Югорского княжества и царства сибирских салтанов, как основа их благосостояния. Беличья шкурка служила в Сибири единицей измерения ценности тех или иных товаров, начиная с древнейших времен и почти до наших дней. Стоимость мехов различных зверей и других товаров выражалась в количестве беличьих шкурок, как в наше время в рублях. При этом сама белка ценилась невысоко. Совершенно не случайно, в результате долговременного использования беличьих шкурок как эквивалента для расчетов при товарообменных операциях, на языке сибирских татар слова, обозначающие белку и копейку, звучат и пишутся одинаково: «тиен».

Если Пушкин читал «Российско-татарский словарь» Иосифа Гиганова (о нем выше упоминалось), то должен был обратить внимание на столь замечательное совпадение. Возможно, так оно и случилось, именно этому обстоятельству мы обязаны появлением белки в «Сказке о царе Салтане».

Ни в одной из известных русских народных сказок белка не выступает в качестве героини. Следовательно, нет ни малейших оснований утверждать, что Гвидонова затейница-белка навеяна народным творчеством. Какая же другая причина, кроме «Российско-татарского словаря», могла побудить Пушкина поместить непопулярного у сказителей, глуповатого зверька в княжестве Гвидона по соседству с Салтановым царством?

В XVI—XVIII веках, в период освоения русичами Лукоморья и становления Мангазеи, главы югорских, хантыйских и мансийских родов носили гордые княжеские титулы. Основой

экономики остяцких княжеств и всего сибирского царства в целом служила пушнина, основную массу которой составляла белка, водившаяся в кедровниках и сосняках в таком изобилии, что поражала своей численностью воображение.

Желая отразить значение белки для развития многих сибирских городов, Российское правительство присваивает им в XVII веке гербы с изображениями пушных зверей. Белку и горностая в своем гербе одно время имел город Нарым. Расположенный неподалеку от него (по сибирским меркам) Енисейск, в котором некогда служил Матвей Пушкин, имел в своем гербе двух красных белок.

О месте, занимаемом белкой в общем объеме добычи пушнины, можно судить по данным Г. Старцева за 1923—1924 годы, взятым по Сургутскому району Тюменской области: белка 600 000 шт., лисица 900 шт., горностаи 900 шт., соболь 35 шт. В другие годы общий объем добычи мог колебаться в ту или иную сторону, но соотношение количества добываемой по видам пушнины неизменно свидетельствует о преобладающем значении белки.

Мы уже говорили, что у Пушкина имелась книга «Дневные записи путешествия Ивана Лепехина, совершенного в 1771 году», в которой поэт мог найти информацию о быте и промыслах вогулов, живших по Затурью и реке Тавде до Пелыма. Есть в ней интересные сведения и о белках: «Зимние вогульские жилища, юртами прозываемые, состоят из нескольких изб. Зимний их промысел большею частью состоит в белке и соболях. Белка может быть причислена к текущему зверю и в известные годы бывает в великом множестве, так что хороший стрелок сот до пяти в осень набивает. По их приметам белка тогда великими собирается стадами, когда ели и сосны, полные и зрелые имеют шишки. Течение белки, как сказывают, наиболее бывает с полудня на север, и тогда все поморские стороны к Океану ими изобилуют».

Приметим, что Гвидонова белка, как и белки Лепехина, тоже живет под елью на берегу океана.

Белка песенки поет,
Да орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Слуги белку стерегут,
Служат ей прислугой разной —
И приставлен дьяк приказный
Строгий счет орехам весть...

Строгий счет орехам вести имело прямой смысл, поскольку второй после пушнины статьей доходов сибирского царства был кедровый орех, в огромных количествах вывозившийся не только в Россию, но и за ее пределы. И.Я. Словцов в очерке «В стране кедра и соболя» отмечает: «...Кедровые орешки составляют для обитателей Севера предмет немаловажной торговли. Помимо местного употребления большая партия их зимой и весной отправляется в Россию. Через Тюмень ежегодно проходит от 60 000 до 190 000 пудов, а если прибавить к этому грузы, проходящие из Туринска, Тары и Северного Урала прямо в Ирбит и Екатеринбург, то общее количество собираемого ореха достигает от 150 000 до 300 000 пудов. При ценах от 3,5 до 5 рублей за пуд отпуск кедровых орехов превышает миллион рублей». Сумма для XIX века баснословная!

Особое значение кедра для Сибирского царства издавна признавалось на государственном уровне. В указе 1666 года есть описание: «Печать Сибирская, на ней древо стоящее кедровое, к древу два соболя стоят на задних ногах». О символике на сибирских гербах стоит упомянуть и потому, что Пушкин

был знатоком государственных и дворянских гербов и геральдики. Для пополнения знаний в этой сфере он приобретал книги, содержащие описания гербов и смысла геральдической символики.

В письме к К.Ф. Рылееву (май 1825) Пушкин писал: «...Ты напрасно не поправил в “Олеге” герба России. Древний герб, святой Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега: новейший, двуглавый орел есть герб византийский и принят у нас во время Иоанна III, не прежде...» А в 1834 году поэт записывает: «Гербы наши весьма новы. Оттого в гербе кн(язей) Вяземских, Ржевских пушка...»¹³

Как мы видим из письма, Пушкин понимал исторический смысл геральдики и суть язычества. Гербы и геральдические знаки могли служить ему хорошим подспорьем и дополнительным информационным материалом для его произведений. Возможно, и гербы сибирских городов и царства сибирского дали ему материал для эпизода «Сказки о царе Салтане».

Пушкина (носившего, заметим, звание историографа) интересовали не только история покорения Сибири и экзотические насельники этой «terra инкогнита», но и основы их экономической деятельности. В 1831 году вышла книга Кириллова «Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал и привел и оставил неизреченный трудами Петр Великий».

Во 2-м томе книги Пушкина привлекла статистика Сибирской губернии и замечания о «Сибирском царстве и царях сибирских, о которых в истории сибирской, изложенной в 1745 году сентября 1 дня, написано»; Александр Сергеевич писал издателю М.П. Погодину: «Сердечно благодарю Вас и за письмо и за старую СТАТИСТИКУ. (Выделено мною. — А.З.) Я получил все экземпляры вчера из Петербурга».

¹³ XII, 334.

А.С. Пушкин пишет письмо М.П. Погодину. Художник А.Г. Визель

Похоже, Погодин, высылая статистику Пушкину, заранее знал о его пристрастии к такого рода сведениям о Сибири и надеялся доставить ему удовольствие. Не тайна, что в 1826 году Пушкин посылает записку императору Николаю I «О народ-

ном образовании». Он пишет о том, что в учебных заведениях разного уровня необходимо ввести предмет «Россиеведение», предлагает ввести кафедры русской истории, законодательства, статистики. Интерес к исследованию какой-либо темы не возникает внезапно и на неподготовленной почве. Багаж знаний по определенной тематике постепенно накапливается у исследователя, пока не выльется в конкретные литературные формы. Но статистика лежит в основе экономики, науки далекой, казалось бы, от литературного творчества. Только не для Пушкина. Пушкин интересовался экономической наукой и даже осмеливался рекомендовать Николаю I обучать дворянскую молодежь политэкономии. И совершенно не случайно появились отнесенные к Егению Онегину строки:

Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет,
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог...

Из анализа текста следует сделать вывод, что и сам автор поэмы был достаточно хорошо знаком с сочинениями великого английского экономиста, если сумел в сжатой поэтической форме точно изложить суть его учения. «Скупой рыцарь» Пушкина не что иное, как сатира на учение меркантилистов. Сама природа и сущность капитала состоит в том, что он постоянно находится в движении: деньги должны приносить деньги, еще большие. По меткому выражению, популярному у политиков, деньги — это

кровь экономики. Между тем, припрятывая сокровища, Барон обескровливал тело экономики государства. Собирателю и хранителю мертвых сокровищ противопоставлен потенциальный расточитель сын. Однако расточительство Альбера было бы полезнее для роста производительных сил, чем накопительство Барона, так как в результате денежный капитал неизменно попал бы в руки наиболее предприимчивых. И склонности и намерения Альбера давали надежду, что после смерти отца мертвое богатство отца станет чьими-то «живыми деньгами». Экономика занимала поэта. Как знать, не пошел ли бы он по пути всех видных европейских экономистов, в большинстве своем гуманистичнее, и не обогатил ли бы экономическую науку России новыми теориями. Пушкин умел извлекать необходимые сведения даже из самых скучных, на первый взгляд, источников, вроде таможенных тарифов и старой статистики Сибирской губернии. Изучив множество материалов о Сибири, в своей «Сказке о царе Салтане» Пушкин опоэтизировал реально существовавшую в Сибирском царстве экономическую ситуацию, подав ее в привлекательном, доступном даже детскому пониманию, сказочном виде. Будем же ему за это благодарны.

Верста двадцать шестая

ЗА МОРЕМ ЦАРЕВНА ЕСТЬ

Очень труден вопрос об источниках «Сказки о царе Салтане».

...Вопрос этот по сию пору остается сложным, хотя и упрощается по необходимости комментаторами.

А. Гаврилов. Персей и Гвидон

Традиционная версия происхождения сюжета в вероятном источнике «Сказки» примерно такова: художественная переработка в сказку-поэму народной сказки, краткая запись сюжета которой была сделана Пушкиным еще в Кишиневе в 1822 году. В 1824 году он снова, гораздо подробнее, записал его со слов няни. В 1828 году Пушкин начал перелаживать эту запись в стихи, но написал только первые четырнадцать стихов, почти совпадающие с окончательным текстом, затем стал набрасывать для себя продолжение ее прозой.

Полностью сказка была написана только в 1831 году (датирована 29 августа) во время своего рода творческого соревнования с В.А. Жуковским, который написал в это время сказки «О спящей царевне» и «О царе Берендее». Любопытно, что сам Пушкин

свою «Сказку» серьезным произведением никогда не считал и относился к ней весьма иронически: 3 сентября 1831 года он пишет своему другу П.А. Вяземскому: «...на днях испразнился сказкой в тысячу стихов; другая в брюхе бурчит».

Мнение комментаторов «Сказки» о ее исключительно фольклорном происхождении представляется ошибочным. Действительно, в михайловской тетради 1824 года есть запись варианта сюжета, совпадающего в деталях с народной сказкой «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре» (записана А.Н. Афанасьевым). Сказка эта близка к пушкинской. Есть в ней и эпизод с тремя девицами, которых подслушал царь, и зверушки, предьявленные царю вместо новорожденного, и мотив зависти старших сестер и их злые дела. В записях Пушкина, сделанных либо по памяти, либо со слов Арины Родионовны, все эти эпизоды, равно как и подробности с бочкой, тоже сохранены.

Пушкин преобразил народную сказку, обогатил ее, наполнил деталями и героями не фольклорного происхождения и которые, вероятно, заимствованы из других источников. О многих из них мы уже упоминали выше, о других еще предстоит сказать.

Центральное место в сюжете «Сказки о царе Салтане» занимает Царевна Лебедь, которая ни в одной из русских сказок не встречается.

А. Гаврилов высказал предположение, что Пушкин заимствовал сюжет о Гвидоне и его матери из античной литературы, в частности из древнегреческого мифа о Персее. Согласно мифу, оракул (встречается в кишиневском варианте записи сюжета Пушкиным) предсказал аргосскому царю Акрисию, что у его дочери Данаи родится мальчик, который свергнет и убьет деда. Акрисий заключил дочь в подземелье, но влюбленный в нее Зевс проник к ней в виде золотого дождя, и Даная родила от него Персея. Тогда Акрисий повелел сделать большой сундук, посадить в него дочь и внука и бросить в море. Пока сундук плавал по морю,

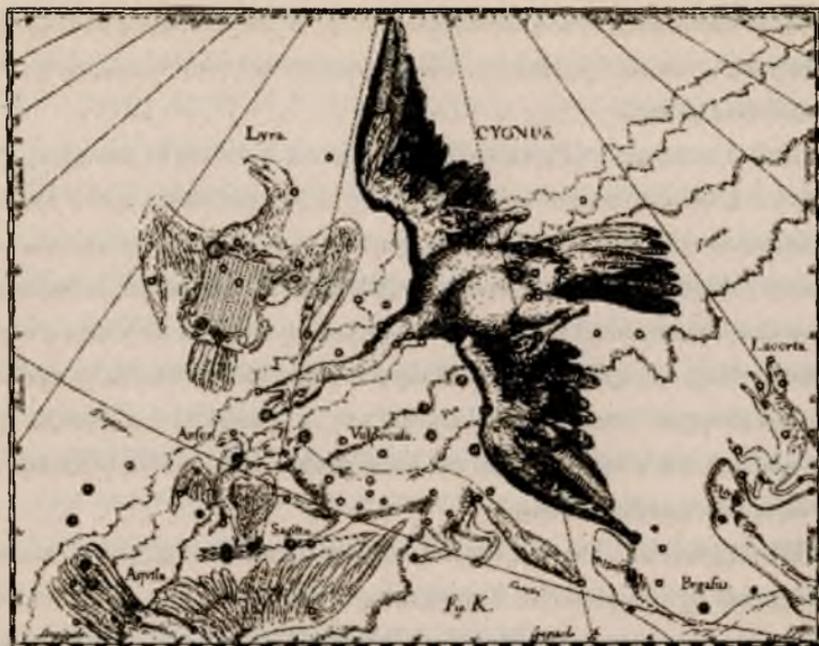
Персей в нем вырос в богатыря и, после освобождения рыбаком, совершил немало подвигов, обратившись в конце концов в созвездие Персея.

Действительно, Пушкин хорошо знал античную литературу и имел в своей библиотеке почти всех древнейших классиков, изданных к тому времени большей частью на французском языке. Известны его вольные переводы Анакреона, Ксефана Колофонского, Афинейя, Иона Хиосского и антологических сборников «Пир мудрецов» и «Анакреонтические стихотворения». Не исключено, что, как предполагает А. Гаврилов, в одной из антологий он встретил элегию Симонида Хиосского о Данае с сыном, брошенных в море.

Но Царевны Лебеди ни в этом произведении, ни в мифе о Персее нет. Гипотеза Гаврилова о связи между Персеем и Гвидоном заставила отыскать старинный атлас звездного неба, чтобы взглянуть на созвездие Персея. Интуиция подсказывала, что именно в ней может таиться разгадка: в Царскомельском лицее астрономию преподавали основательно. Казалось, что неслучайно Пушкин поставил рядом море и небо:

В синем небе звезды блещут,
В синем море волны плещут,
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет...

Древние звездочеты обводили контуры созвездий, придавая им привычные земные формы для лучшего восприятия и запоминания. Самый известный из старинных звездных атласов — атлас польского астронома Яна Гевелия, который жил в 1611—1687 годах. Его книга была издана в Гданьске в 1690 году, уже после смерти автора, и получила широкую известность в научных кругах Европы и России. В СССР сохранилось четыре экземпля-

Созвездие Лебедя в «Атласе звездного неба» польского астронома Яна Гевелия. 1690 г.

ра книги Яна Гевелия, из них три — в Санкт-Петербурге. Нет ничего удивительного, если Пушкин видел и листал одну из них. Прекрасные гравюры, выполненные рукой неизвестного мастера, своей фантастичностью и неожиданностью сюжетных поворотов сами по себе способны поразить воображение поэта.

В созвездии Стрельца бросается в глаза Стрелец, натягивающий лук, — древнее зодиакальное созвездие. Недалеко от него, в созвездии Девы, прекрасная Дева с огромными лебедиными крыльями. Дева в античной мифологии — дочь Зевса и Фемиды, олицетворение справедливости, чистоты и невинности. Похожа на Царевну Лебедь и Артемиду. Вокруг Гончие Псы, Медведица, Рак...

Яркие звезды огромного созвездия Лебедя образуют крестообразную фигуру (Северный Крест), напоминающую фигуру гигантского лебедя, который, широко распахнув крылья и вытянув

шею, летит вдоль Млечного Пути. Много легенд связано с этим большим и очень красивым созвездием. Одна из них повествует о том, что в Лебеда был обращен чудесный певец Орфей.

Возле головы Лебеда прекрасный юноша с натянутым луком — Антиной, и в одном созвездии с ним — Орел, самая яркая звезда которой Альтаир на звездной карте находится напротив украшающей голову Лебеда звезды Альбирео (β). У пушкинской Царевны Лебеди — «месяц под косою блеснит, а во лбу звезда горит». Удивительное, скорее всего, не случайное совпадение: изображенный на звездной карте Яна Гевелия сюжет почти совпадает со сценой встречи Гвидона на взморье с Царевной Лебедью. В юноше Антиное мы узнаем натянувшего лук Гвидона, в Лебеде со звездой во лбу (впоследствии Дева) видим Царевну Лебедь, нависший над ней Орел — несомненно чародей — коршун. Со всем как у Пушкина: «Бьется лебедь средь зыбей, коршун мечется над ней...» Похоже, что именно карта звездного неба вдохновила поэта на эти строки.

Атлас Яна Гевелия или подобную ему карту Пушкин мог увидеть в Лицее, а кроме того, в Петровском планетарии, представлявшем собой огромный, более трех метров в диаметре, шар. На внутренней поверхности сферы изображен небесный свод, аллегорические фигуры, олицетворяющие созвездия Лиры, Лебеда, Большой Медведицы, Орла и другие. Подаренный ему в 1713 году планетарий Петр I велел поместить в кунсткамеру для общего обозрения. Нет сомнения, что поклонник гения Петра бывал в кунсткамере, видел планетарий и другие диковинки, в том числе сибирскую коллекцию Петра.

Пушкин прекрасно знал образы античной мифологии и часто использовал их в своем творчестве. Ему наверняка было известно, что древние греки связывали образ лебеда с Севером, со страной гипербореев, людей, живущих за Бореем — северо-восточным ветром.

Античная Греция породила целый ряд мифов об Аполлоне, неразрывно связанном с лебедями, которые семь раз облетали остров Делос во время его там рождения. Мать Аполлона — гиперборейка Лето (у славян Лада), его сестра-двойня — Артемида (у римлян — Диана). Аполлон-солнце каждый год улетал на увлекаемой лебедями колеснице на север, в Гиперборею. По отношению к Аполлону и его лебедям имеется множество доказательств о связи этого мотива с Севером. Жрецами Аполлона считались сыновья Борея, северо-восточного ветра. Во время жертвоприношений солнечному богу с северных Рифейских гор (Урала) слетала стая лебедей, воспевающих Аполлона.

Не могла не иметь духовного родства с лебедями и сестра-близнец Аполлона Артемида, или Диана. Вот как она описывается в книге И.Х. Гаттерера «Начертание гербоведения»:

«Диана — богиня охоты и леса представляется в легком белом охотничьем опоясанном платье, с завязанными власами с полумесяцем на главе...»

«Месяц под косою блесит» — чтобы найти этот образ, Пушкину стоило лишь протянуть руку, чтобы снять со своей книжной полки книгу Гаттерера.

А может, он из другой книги или сказки взял свою Царевну Лебедь, — точно утверждать вряд ли кто возьмется. Круг чтения гения был чрезвычайно широк и до сих пор почти не исследован.

Верста двадцать седьмая

МЕСЯЦ ПОД КОСОЙ

Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанок Байрона милей...
Пушкин — Баратынскому

Своими астрономическими и античными исследованиями я поспешил поделиться со своими приятелями по клубу «Тюменская старина» — как раз представился удобный случай. Отдел редкой книги открывал выставку литературы разных лет о Югре. Со стеллажей напоминали о себе забытые авторы: Дунин-Горкавич, Инфантьев, Носилов, Словцов, Бартнев...

Краеведы с интересом восприняли мое сообщение о Царевне Лебеди, и, казалось, вопрос о ней был исчерпан, но один из «стариков» клуба постарался нарушить мою счастливую уверенность в справедливости изложенной версии.

— Не там ищешь, старина, — сказал он мне доверительно. — Вечно вы, начинающие, в небесах витаете. В Античность вас тянет. Опуститесь на родную землю, оглянитесь вокруг внимательно, найдете вещи поудивительнее мифов Эллады.

Допустим, Аполлон и Диана связаны с лебедями, и что из этого? А разве у славян ничего подобного не было? Было. В пра-

славянском мире, кормившемся в основном охотой, существовал культ водоплавающих птиц, тесно связанный с солнечным. Обожествление лебедя могло оставить в фольклоре остаточные образы, подобные Царевне Лебеди. С развитием земледелия и земледельческой религии восточные славяне забыли культ солнечных лебедей, но у сопредельных с ними уральских и обских угров он сохранился до нашего времени. У них бытовало поверье, что душа сверхестественного существа, волшебника может принимать облик птицы-лебедя или коршуна. Обские ханты поклонялись медному гусю, живущие у Рифейских гор кондинские манси почитали целую стаю медных лебедей, а казымские ханты отдавали дань почтения Великой Казымской Богине, один из семи обликов которой — глухарка.

— Вот полюбуйся, — старик взял со стеллажа сборник мансийских сказок В.Н. Чернецова, — сказка сосьвинских манси о Великой Женщине:

«В Няксимволе у семи братьев есть сестра. У сестры косы медными птичками украшены». Что это означает? Косы у мансиек короткие, до плеч, а шнурки от них длинные, ниже талии. Концы их украшены разными подвесками и бляшками, которые могут быть и в форме месяца, и в форме звездочки.

Отсюда и «месяц под косою блестит». Но в далекие времена, о которых рассказывают сказки, такие подвески бывали в форме птичек и зверушек: «По одной косе соболя бегают, по другой птички порхают».

С.К. Патканов в 1887 году записал сказание о посещении русского царя остяцким князем, у которого «на лбу сверкала яркая звезда, а на затылке (т.е. под косою) светил ясный месяц».

— Допустим, — не стал я спорить с собеседником, — но при чем здесь Царевна Лебедь?

— А вот посмотрим дальше: «Победил Великую Женщину Верхнеобский богатырь и говорит: ...отныне... народ твой в

глухариных шкурах ходить будет... Женщина осталась жить в верховьях реки Казым». С тех пор казымские ханты стали носить одежды из глухариных шкур. И не только из глухариных. Модницы из Лукоморья и царства «славного Салтана» любили щеголять в шубках, способных вызвать жгучую зависть у любой современной красавицы.

В «Кратком описании о народе остяцком» Григорий Новицкий не мог обойти вниманием такие шубки: «от птиц, гусей, лебедей сдирают кожи, по обыкновению выделывают изрядно, истеребив перо, оставивши только пух, трудами своими кожу умягчают и составляют шубы: сия же и теплые глаголют быти, для красоты особыми украшениями одежды утворяют, особенно женский пол щитится о сем».

Да если выдавший виды бывший полковник из свиты Мазепы не избежал очарования красотой наряда, так, может, и на самом деле красавица северянка в лебяжьей шубке положила начало сказкам о Царевне Лебеди? Или это славянка, московская боярыня, накинувшая легкую диковинную шубку из лебяжьего пуха?

Последняя такая шубка представлена сейчас в экспозиции Тобольского музея-заповедника. Что и говорить, действительно царская одежда.

Видел ли Пушкин на какой-нибудь из своих многочисленных приятельниц такую шубку или читал о таковой -- мы можем только догадываться. И если замечательные приметы царевны: «месяц под косою блестит, а во лбу звезда горит» не навеяны поэту мусульманским Востоком, то к созвездию Лебедя эти знаки ночного неба явно тяготеют.

Во всяком случае, от своей версии мне не хотелось отказываться, и я не преминул задать собеседнику последний вопрос:

— Вы и в самом деле считаете, что Пушкин в образе Царевны Лебеди запечатлел югорскую красавицу хантыйку?

— А почему бы и нет? — последовал ответ. — Такого интернационалиста, каким был Пушкин, в русской литературе трудно сыскать. Уже во 2-м томе созданного им «Современника» опубликован материал финского исследователя Кастрена о посещении им Русской Лапландии. А вспомните хотя бы, как он восторгался Эдой — поэмой Баратынского? А ведь чухонка (финка) Эда — близкая родня угорским красавицам...

Дома я нашел томик писем Пушкина и отыскал нужную страницу. Письмо Пушкина А.Г. Родзянке, из Михайловского в Лубны. 8.02.1824 г.: «...Кстати: Баратынский написал поэму (не прогневайся — про Чухонку), и эта чухонка, говорят, чудо как мила. А я про Цыганку: каков?.. Воображаю, Аполлон, смотря на них, закричит: зачем ведете мне не ту? А какую же тебе надобно, проклятый Феб? гречанку? итальянку? чем их хуже чухонка или цыганка...»

Каков Пушкин! Похоже, что мой приятель по читательскому клубу оказался недалек от истины. Мог, мог писать Пушкин и про цыганку, и про татарку, и про остячку. Мог. И писал.

Верста двадцать восьмая

ТАМ ЧУДЕСА...

При том общем недостатке, в каком нас оставляют домашние наши писатели, никто, как думаю, не будет требовать от нас, чтобы мы прибегли к иностранцам... которые, будучи в сведении о России столь же далеки, как и природою чужды, пробежали через нашу землю весьма скоро, не должны постановлять себе на обиду, если мы о их величиною полдесять томах несколько усомнимся...

*Л. Бакмейстер. Топографические
известия о России.*

(Книга из библиотеки А.С. Пушкина)

Не без основания «усомнился» Бакмейстер. Каких только невероятных слухов европейские авторы, начиная с Геродота, не распространяли о Севере России, и в особенности о Югре!

В XI веке Гюрята Рогович рассказал летописцу о горах, заходящих в морскую луку: «Путь к тем горам непроходим из-за пропастей, снегов и лесов так, что не всегда доходим до них, есть

и подальше путь на север. В той горе высечено оконце маленькое, и они туда говорят, но нельзя понять их».

«Это люди, замурованные Александром Македонским», — делает свой вывод летописец из рассказа Гюраты.

В начале XIII века Плано Карпини, французский монах, в книге о своем посольстве к татарам сообщает: «Следуя далее, пришли они (татары) в землю самогитов (самоедов), которые живут охотою и вместо платья носят звериные кожи и меха. Оттуда дошли они до Океана, где нашли чудовищ, которые во всем прочем походили на людей, но имели бычачьи ноги и лицо похожее на собачье. Они несколько слов произносили по-человечески, но, впрочем, как собаки лаяли, смешивая то и другое, чтобы их поняли»...

Воистину, прочитав такое, Пушкин мог воскликнуть: «там чудеса!» На деле же Плано Карпини никакого чуда не описал, и его известие — достовернее многих последующих. Просто мы имеем дело со смещением, а потом и с подменной понятий. Люди, живущие у «Океана», имели не бычачьи ноги, а обувь, сшитую из шкур, снятых с ног быков — оленей или лосей — камуса. Подобное объяснение находит и собачья голова. З.П. Соколова в книге «Путешествие в Югру» описала и нарисовала старинную мансийскую парку — верхнюю меховую одежду, капюшон которой кроился из шкуры с головы оленя, причем уши оставлялись целыми. Человек, одетый в такую парку, с ушами на голове и впрямь мог быть принят за собакоголового.

Еще больше нафантазировано авторами «Сказания о человецах неизвестных в восточной стране» — выдающегося по своему значению сколько-нибудь связного рассказа о народах, обитающих «за Камнем» в западной Сибири. В нем встречается множество баснословных сообщений о девяти племенах, ее населяющих. Это и самоеды, «зовомые молгонзеи» — людоеды; «линная самоедь» — летом живущие в море; «иная самоедь — по

пуп мохнаты до долу, а от пупа вверх якож прочие человецы»; «Самоеды со ртами на темени и немые»; самоеды, умирающие зимой на два месяца; «люди, живущие в земле, вверху Оби, реки великия; иная самоедь — без голов, рты у них меж плечами, а очи в груди. Есть еще подземные люди у озера возле мертвого города и самоедь каменская, что живет по горам высоким около Югорской земли».

Настала пора сказать несколько слов о происхождении слова «самоед», которое отнюдь не означает, что его носитель поедает сам себя. Самоедь — искаженное слово саамо-ядне, что означает: земля саамов. Русские землепроходцы неправильно истолковали это название и перенесли как наименование народности на многие сибирские племена, в том числе ненцев и селькупов.

Саамы некогда населяли весь север Западной Сибири и являлись предшественниками и предками современных самодийских народов. Пришедшие с юга ненцы частично истребили, частично ассимилировали саамов, или, как их называли ненцы, сииртя (сихиртя).

По преданиям, сииртя были совсем маленького роста, коренасты и крепки. Занимались они охотой на дикого северного оленя, рыбной ловлей и морским зверобойным промыслом. Жили они не в чумах, как ненцы, а в пещерах, землянках или жилищах с остовом из костей морских животных и покрытых дерном и землей. Окно и вход делались в крыше.

Сообщение Гюраты о жителях Севера, торгующих через окно в скале, — вероятно, сообщение о торговле с саамами, языка которых никто не понимал: «язык — нем».

Пришельцы с юга, выросшие в более благоприятных климатических и природных условиях, безусловно, были более высокорослыми, чем аборигены сииртя. К тому же люди склонны приуменьшать своего противника, а фольклору тем более свойственна гиперболизация. Вероятно, на этой основе зародились

легенды о карликовом народе полярной тундры, живущем под землей.

Легенды о северных карликах были известны Руси, и Пушкин не ошибся, поселив карлу Черномора в полнощных горах Полярного Урала и Карского моря. Вспомним Людмилу в замке Черномора:

Она к окну решетчату подходит,
И взор ее печально бродит
В пространстве пасмурной дали.
Все мертво. Снежные равнины
Коврами яркими легли;
Стоят угрюмых гор вершины
В однообразной белизне
И дремлют в вечной тишине.
Бунтует вихорь в поле чистом,
И на краю седых небес
Качает обнаженный лес...

Кто бывал зимой на отрогах уральского хребта Пай-хой, заходящего в море на Югорском полуострове, тот узнает эту картину.

Участники иностранных экспедиций, плававших вдоль северного побережья России в XVI—XVII веках, сообщали о диких, не похожих на ненцев людях. Несомненно, это были сииртя, впоследствии переселившиеся на Кольский полуостров и известные нам теперь как саамы.

В конце XIII века венецианский купец Марко Поло в своей знаменитой «Книге» написал о стране Тьмы: «На север от этого царства (Сибирь) есть темная страна; тут всегда темно, нет ни солнца, ни луны, ни звезд. У жителей нет царя, живут они как звери, никому не подвластны. У этих народов множество ме-

хов и очень дорогих. Все они охотники, и просто удивительно, сколько мехов они набирают. Соседние народы оттуда, где свет, покупают здешние меха: им носят они меха туда, где свет, там и продают; а тем купцам, что покупают эти меха, большая выгода и прибыль.

Великая Россия, скажу вам, граничит с одной стороны с этой областью».

Из книги о путешествии Марко Поло следует, что в XIII веке «торговые гости» из Средней Азии и Бухары прекрасно знали караванный путь в «страны полунощные» и если привирали чуть-чуть в описаниях, то лишь затем, чтобы набить себе цену, отпугнуть конкурентов и поднять свой престиж в глазах доверчивых читателей. Впрочем, так делали не только знаменитые путешественники по Сибири, но и писатели, в ней некогда не бывавшие, как, например, Даниэль Дефо, написавший роман о приключениях Робинзона в Сибири. У Пушкина была книга Дефо, в которой описано немало чудес, но он, несомненно, читал и ее раннее издание на французском языке. Но даже и серьезные ученые Российской академии находили в Сибирской земле немало чудесного. Василий Зуев из экспедиции академика Палласа писал своему руководителю о севере Сибири: «Зимой там почти свету нету, а бывают дни около Николеы не более трех или четырех часов, в кои при свете писать можно. Летом же, напротив того, и днем и ночью такая светлость, что не только читать и писать можно, но между ранним вечером и ночью почти различия нету, и без привычки на первый случай уснуть нельзя... Кто желает сими приятностями наслаждаться, то пускай сам туда съездит, тогда увидит и мне поверит, сколь прелестное летнее тамошней страны состояние.

Северные сияния там не в большом почтении и не за великую особенность считают, потому что там и зимой и летом часто случаются, а особливо под осень. Простые северные сияния очень

неудивительны, но которые с немалым треском и большим шумом зимой случаются, те часто приводят зрителей в удивление, ужас и предугадание. Тотчас после таких пойдут у их переговоры, перенятые у русских невидалцов, и всяк предбудущее по своему разуму заключает, но таковым заключениям здесь места нету, а для курьезности приложу одне мнения тамошних господ физиков, отчего оне происходят. Иные говорят, что солнце в море купается, и оттого свет оказывается и скрывается, а треск значит, когда оно о воду ударяется. Иные сказывают, что море горит в то время и от его волнования происходит сей стук и движение колумнов. Так наши остяки свою физику толкуют».

Книга о путешествии экспедиции Палласа также была в библиотеке Пушкина и, закрывая ее после чтения, поэт с полным правом мог сказать о Сибири: «Там чудеса!»

Верста двадцать девятая

СЛЕДЫ НЕВИДАННЫХ ЗВЕРЕЙ

В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит.

А.С. Пушкин. У Лукоморья

Вас никогда не удивляло, почему у Пушкина волк именно бурый, а не серый, каким его создала природа и каким он традиционно изображается во всех фольклорных и литературных источниках? Не без исключений, естественно. В некоторых сказках, как и в природе, встречается белый волк — альбинос. Изредка попадаетея черный волк. На Алтае и в горах Тянь-Шаня водится даже красный, очень редкий и вряд ли известный Пушкину. Но вот бурых, если верить знаменитому естествоиспытателю Брэму, в природе не встречается.

Что это: случайная ошибка великого поэта или, наоборот, осмысленная и закодированная информация, на которую никто не обратил внимания? В ошибку как-то не верится. Ничто не мешало Пушкину исправить ее, заменив «бурый» на «серый», — ни размер, ни рифма не пострадали бы. Но он этого не сделал. Значит, в этом — закодированная информация. Какая? Попробуем отыскать ее в Лукоморье.

В легендах об острове Буяне — земле бородатых — фигурируют волки, на которых ездят обитатели острова. В свою очередь Брэм в «Жизни животных» подчеркивает, что ездовые лайки Северо-Восточной Сибири и эскимосские собаки чрезвычайно похожи на волков. Окрас шерсти лаек встречается самый разнообразный, в том числе и бурый. Не сибирскую ли ездовую собаку, которая верно служит сибирякам тысячелетия, назвал поэт «бурым волком»?

Вот как описывал сибирских собак уже известный нам Василий Зуев: «Собаки каждый день небывалым там людям наведут чрезвычайную скуку своим воем, который по всему городу раздается, таким образом сойдутся собаки три или более, перво подерутся, потом начнут выть, что услыша прочие собаки то же подымут, и так во всем городе (Березово) делается такой вой, что из конца в конец переходит, будто караульные перекликаются, стоя на караулах, крича: “С богом! Ночь начинаем”».

На путешественников, по выражению Зуева — небывалых людей, впервые попавших на Север, езда на собаках производила неизгладимое впечатление и впоследствии давала пищу для рассказов, которые, со временем обрастая фантастическими подробностями, могли обратиться в сказки, подобные сказке «Иван-царевич и серый волк».

Но даже и рукописи серьезных авторов, к коим нельзя не отнести Марко Поло, содержат удивительные сведения о ездовых собаках: «На севере, знайте, есть царь Канчи. Он татарин, и все его подданные татары... У них большие медведи, все белые, и длиною в двадцать пядей. Есть тут лисицы, совсем черные и большие, и дикие ослы; много тут горностаев; из их шкур делают дорогие шубы... Белок обилие и много фараоновых крыс, и все лето они ими питаются, потому что крысы очень жирны.

Еще у этого царя есть такие места, где никакая лошадь не пройдет, это страна, где много озер и ручейков; тут большой

лед, трясины и грязь; ...и эта дурная страна длится на тринадцать дней, и каждый день есть стоянка, где пристают гонцы, что ходят по стране. На каждой стоянке до сорока больших собак, немного поменьше осла, и эти собаки возят гонцов от стоянки к стоянке... А вот кто сторожит стоянку, садится также в сани, погоняет собак и едет дорогою кратчайшею и лучшею. На другой стоянке как приедут — собаки и сани уже готовы...»

Упомянутый Марко Поло царь Канчи (не путать с Кошчем, имя которого в древнеславянской мифологии означает змея-тучу, несущую холод с Севера, от которого цепенеет, костенеет земля) — владетель восточной половины улуса Джучи, правнук Чингисхана. Его владения занимали бассейны Верхней и Средней Оби с Иртышом и Нижней Сырдарьей.

В описанной Марко Поло местности без труда узнается Западная Сибирь и ее животный мир, за исключением так никем и не расшифрованных эрколинов да еще фараоновых крыс, в которых можно узнать бобров: «Сказание о человецех незнаемых» сообщало, что ими питается каменная самоедь.

И все-таки Марко Поло не слишком исказил истину, чего нельзя сказать о его гораздо более просвещенных последователях, нагородивших о лукоморском зверье совсем несусветных небылиц. Даже уважаемый нами Герберштейн не избежал этого соблазна: «Река Коссин (Надым) вытекает из Лукоморских гор; при ее устье находится крепость, которою некогда владел князь венца... Из истоков же той реки начинается другая река Коссима (Казым) и протекши через Лукоморию впадает в большую реку Таханин, за которой, как говорят, живут люди чудовищного вида... В реке Тахине водится также некая рыба с головой, глазами, носом, ртом, руками, ногами и другими частями совершенно человеческого вида, но без всякого голоса; она, как и другие рыбы, представляет собою приятную пищу».

Герберштейна буквально повторяют Рейтенфельс, А. Гваньини и Андрэ Тэвэ, автор «Всемирной космографии» (1575), цитату из которой приведем ниже: «По ту сторону Печоры и Шугора (приток Печоры) по направлению к горам “Каменный Пояс”, как на берегу моря, так и на близлежащих островах живут различные народы, которых русские одинаково зовут общим именем “самоеды” ... они имеют много всякой птицы, различных пород и цветов зверей с красивым мехом, как, например, соболей, куниц, бобров, горностаев, бурых медведей, волков и диких лошадей (автор не ошибся, говоря о лошадях, — вспомним их вольное содержание на тебеневке вогулами), а также большое количество зайцев. Среди водящихся у них зверей находится один, которого они зовут росомаха, величиною с восьмимесячного теленка и столь же коварный, как львы и тигры африканских пустынь.

Случается нередко, что, поймав оленя или другую какую-нибудь дичь, росомаха так обжирается ею, что бывает принуждена для того, чтобы освободить и прочистить свое брюхо, поместиться между двумя близко растущими деревьями; протискиваясь между ними, она так бывает сдавлена ими, что выбрасывает на землю пищу в том виде, в каком она проглотила ее и пожрала.

Там водятся также рыбы-амфибии, логовище которых находится на земле, в море, озерах и реках; они имеют чудовищный вид и чрезвычайно опасны; самый же опасный их род... величиной с английского дога и столь же хорошо вооружен зубами. В этом самом море находится такое большое изобилие других рыб, что это просто кажется чудесным; притом они так безобразны, что подобных не водится больше где бы то ни было в другом месте на земле».

Не будем спешить относить эту информацию к чистому вымыслу. В рыбах-амфибиях можно узнать морских млекопитающих: моржей и тюленей, а также полярных дельфинов — белух.

В 1845 году с устья Оби в Иртыш за косяком рыбы зашел дельфин. Жители села Самарово загнали его на мелководье и там убили. Видимо, случаи захода дельфинов в реки Обь и Таз бывали и ранее и именно им, а может, и тюленям, обязаны мы появлением в книге Герберштейна сообщений о рыбе с человеческими органами.

«Всемирная космография» Тэвэ имела широкую европейскую известность, использовалась как пособие по географии в учебных заведениях, и вполне возможно, что Пушкин, вторым своим языком считавший французский, после знакомства с ней сделал в своей памяти отметку о невиданных зверях. Впрочем, совсем не обязательно ему было читать именно Андрэ Тэвэ. Может, это был А. Гваньини или другой автор.

Важно отметить, что литература о невиданных зверях Лукоморья существовала и Пушкин имел возможность с ней ознакомиться. Причем это не обязательно была литература иностранных авторов. Григорий Новицкий в «Кратком описании о народе остяцком» писал о невиданных зверях: «Обретаются сия наипаче в пределах полунощных, что прилежат к Ледовитому океану... Граждане называют кости сия мамонта зверя некоего земного. Но о нем различно разумеют: говорят, что он влагою земною живет и в пещерах земных обитается: наипаче влажных, сухого и прозрачного воздуха боится сильно, и глаголют, когда каким-нибудь случаем пещера его опадет, и выйдет на воздух и не вернется во влажную пещеру, тогда от воздуха погибает и составляет кости. Подобие его изъясляет быти: высотой трех аршин, длиною пяти аршин, ноги подобно медведю, рога крестообразно сложенные на себе носит и когда копает пещеры, тогда сгибается и простирается подобно ползящего змия. Некоторые предполагают противное и утверждают, что не было существа мамонта, кости же считают единорогов или иных морских зверей, во время потопа Ноева водою занесенные и обсохшие на земле, от старости

в землю вросшие». И еще многое писал Новицкий о невиданных и виданных сибирских зверях. Мои современники лучше него представляют теперь мамонта и динозавра.

А разнообразные звери Лукоморья и Югры скоро могут снова стать «невиданными». Из-за всё возрастающих темпов промышленного освоения нефтяных месторождений Югры и Лукоморья исчезают песец и лисица, куница и соболь. Исключительной редкостью стала россомаха. Под угрозой уничтожения белый медведь. Не стало на Ямальском побережье морского зверя. Скоро «невиданным» может стать и обыкновенный заяц. Если мы не остановимся в своем варварстве, то скоро звери останутся только в сказках. Но потеряв зверей, мы не одних мехов лишимся — мы лишимся гораздо большего, что обычными словами не выразить. Как нельзя выразить словами человеческую душу.

И раз уж мы затронули эту тему, то нельзя не вспомнить еще двух невиданных представителей животного мира пушкинских сказок, которым не грозит исчезновение или гибель от руки браконьера, хотя они от рождения и золотые. А может благодаря именно этому качеству.

Верста тридцатая ПРОРОКОВ НЕТ

Пророков нет в Отечестве своем,
Но и в других отечествах не густо...

В. Высоцкий

Среди пушкинистов бытует мнение, что сюжет для своей «Сказки о золотой рыбке» Пушкин позаимствовал у братьев Гримм, а отдельные места сказок «О царе Салтане» и «О золотом петушке» носят следы влияния творчества Вашингтона Ирвинга.

Представлять моему читателю знаменитых на весь мир сказочников братьев Гримм не имеет смысла, а вот современника Пушкина, крупного американского романиста, блестящего рассказчика и новеллиста Вашингтона Ирвинга в наше время изрядно подзабыли, и имя его теперь известно только заядлым книголюбам и литературоведам. А в начале XIX века его читала вся Европа. Читал и Пушкин.

Мне повезло познакомиться с его творчеством еще в детстве.

Довоенного издания книгу «Рассказы и легенды» я не могу забыть и в наши дни. Великолепная бумага, цветные иллюстрации, необычное содержание. Особенно легенды, включенные Ирвин-

гом в книгу «Альгамбра». По профессии дипломат, Вашингтон Ирвинг почти 18 лет прожил в Европе, полюбил ее и Испанию считал своей духовной родиной.

На страницах книг Ирвинга живут и действуют рыцари, призраки, пираты, искатели сокровищ, зачарованные мавры, колдуны и звездочеты. Легенда «Об арабском звездочете», как уверяют пушкиноведы, и послужила для Пушкина канвой сюжета «Сказки о золотом петушке». Напомню. В некоем государстве изнемогающий от набегов воинственных соседей, дряхлеющий король обращается за помощью к арабскому колдуну и звездочету. Звездочет предлагает королю волшебную шахматную доску, резные фигурки на которой изображали два противостоящих войска, застывшие, пока на границах царства не наблюдалось движения враждебных сил. Но стоило появиться вблизи чужим войскам, фигурки (как и золотой петушок) оживали, начинали двигаться и сражаться. Звездочет предупредил короля: «Если помогать своему войску на доске тупым концом крошечного, как вязальный крючок, копьеца, то настоящее неприятельское войско на поле брани приходит в ужас и в панике обращается вспять. Но если колоть фигурки на доске острым концом, неприятели гибнут. Но не стоит увлекаться острым концом — жестокость навлечет беду».

Король не внял предостережениям звездочета и однажды, отражая на шахматной доске набег чужой рати на свои владения, сам укололся острым концом копьеца и умер.

Если обратиться к текстам «Сказки о золотом петушке» и «Легенды об арабском звездочете», то удастся обнаружить некоторые совпадения. Остановимся на самых важных. Первое, что не ускользает от внимания, — это наличие в обоих произведениях дуэта — престарелый правитель государства + волшебник-звездочет, которые при помощи чар пытаются отразить набеги воинственных недругов с востока. Второе — шахматная

доска, которая незримо присутствует и в «Сказке о золотом петушке»: «...Вот проходят восемь дней, / А от войска нет вестей... / Снова восемь дней проходят, / Люди в страхе дни проводят... / Вот осьмой уж день проходит, / Войско в горы царь приводит...» В горы, заметьте.

Но почему для определения промежутков времени Пушкин берет восемь дней, а не общепринятые на Руси и в Европе семь и десять.

Цифра восемь не характерна и для русской народной сказки и в них никогда не встречается. Магическое число Руси — семь. Тогда откуда восемь? А вот откуда.

В сказку Пушкина восьмерка перекочевала с шахматной доски арабского звездочета: столько клеток на одной ее стороне. Или другое сходство: вспомним возвращение Дадона и его встречу со звездочетом: «Вдруг в толпе увидел он, в сарачинской шапке белой...» Сарачинская шапка — это арабская чалма, вместе с ее хозяином заимствованная Пушкиным у Ирвинга. И это не единственное заимствование. Но вот чего не бывало у Ирвинга, так это Шамаханской царицы, образа целиком пушкинского.

И о ней нам стоит поговорить подробнее, поскольку к теме нашей книги она имеет самое непосредственное отношение, хотя сарацинов в краях сибирских не водится. Но о ней чуть позже, а сначала о пророках и пророчествах самого Пушкина.

Пушкин оказался пророческим, изобразив в аллегориях «Сказки о золотом петушке» события, повторенные уже нашей советской действительностью. После двадцатилетнего царствования «лежа на боку» сонное царство потревожил сигнал с Востока, от Древней Шемахи, что по соседству с Баку и Сумгаитом. Близ нее в горах сталкиваются в жестокой битве братья-горцы и в ужасе от пролитой крови содрогаются недра гор землетрясением в Спитаке. Разве не этот самый сюжет наблюдали мы ежедневно на телеэкранах? Столкновения азербайджанцев и армян, кровавая

междоусобица между грузинами и осетинами и рати десантников Додона на улицах Баку и Тбилиси: опасность грядет с Востока. В «Сказке о золотом петушке» Пушкин предсказал это потомкам Додона. Война хлынула из Ферганы и Афганистана. И вот уже режутся между собой братья-кавказцы. И плачут о своих сыновьях матери на берегах Севана, Туры, Куры и Терека. В Горном Карабахе и Древней Шемахе. Так кто она — шамаханская царица, из-за которой брат пошел на брата? Может, каспийская нефть? Возможно. Однако остановимся на Шемахе.

В поисках шамаханской царицы наткнулся я у Карамзина, в «Истории государства Российского», на сообщение, относящееся к царствованию Ивана III: «Звук оружия изгнал чужеземцев из Астрахани, спокойствие и тишина возвратили их. Они приехали из Шамахи, Дербента, Шавкала, Тюмени, Хивы, Сарайчика... Земли Шавкальская, Тюменская, Грузинская хотели быть в нашем подданстве...» Эта фраза насторожила. Не могло быть, чтобы ошибся Карамзин. Но вот почему Тюмень рядом с Дербентом, Грузией и Каспием? Ведь присоединение Тюмени к России произошло гораздо позднее, уже во времена Ивана IV. Продолжаю дальше копаться в книгах личной библиотеки Пушкина. И вот присылают по межбиблиотечному абонементу прелюбопытнейший экземпляр: «Древняя российская гидрография, содержащая описание московского государства рек, протоков, озер, кладязей, и какие по ним города и урочища и на каком оныя расстоянии, изданная Николаем Новиковым в 1773 году в Санкт-Петербурге». Очень нужная это была книга для путешествующего по России, в которой хороших дорог испокон веков не бывало, а для торговых, военных дел и перевозки грузов годились только развитые водные пути.

Посмотрим, есть ли в книге наша таинственная Шемаха--Шамаха? На пожелтевших от времени листах Шемаха, как не стоящая на водном пути, не упоминается. Зато отыскался со-

седствующий с нею Дербент: «А от Дербента восемьдесят верст, меж гор, у Хвалимского (Каспийского) моря городище Торки. А от Торков до устья Терека до Тюменского града сто восемьдесят верст. А от Тюмени до Астрахани четыреста...» Отсюда мне следовало сделать вывод, что Шамаханская царица родом из-под Тюмени.

Окончательно все перепуталось: Тюмень на Тереке и Астрахань по соседству. Не иначе как перепутали древние гидрографы Туру и Терек. Продолжаю осторожно листать страницы. И вдруг читаю: «А в Тобол реку за триста тридцать верст от устья Тобола пала Тура-река. А река Тура течет из горы, из Камени: против града Соли Камской восемьдесят верст. От Соли Камской, от Великия Тюмени за пятьсот пятьдесят верст. А от Тюмени сто двадцать верст пала Тура в реку Тобол».

И по сегодняшним меркам не слишком ошиблись в расстояниях древние гидрографы. Как не ошиблись они и в том, что в конце XVI века сосуществовали на карте России сразу две Тюмени: одна на Туре, другая на Тереке. Уважаемый Пушкиным академик Г.Ф. Миллер подтверждает это в своей «Истории Сибири», сообщая, что есть две Тюмени: Великая на Туре и Малая на Тереке. Но почему город, носивший до прихода русских имя Чимги-Тура, переименовался в Тюмень, не говорит никто. Но мы с вами попробуем разобраться с помощью летописей.

В мае 1483 года Иоанн III, великий князь московский, послал войско под начальством князя Федора Курбского-Черного и Ивана Ивановича Салтыка-Травина на вогульского князя Асыку и на Югру. Разбив вогуличей при устье реки Пелым, войско продолжило свой путь по Тавде, **МИМО ТЮМЕНИ ДО СИБИРИ**, а отсюда берегом Иртыша до Великой Оби в землю Югорскую...

У внимательного краеведа возникает естественный вопрос к летописцу: мог ли Курбский плыть по реке Тавде мимо Тюмени, которая стоит южнее на реке Туре, до Сибири, стоявшей

на Иртыше? Оказывается, мог, если под именем «Тюмень» подразумевать не город, а область, северная граница которой проходила по реке Тавде. Это предположение подтверждает другой исторический источник. В 1575 году во Франции появилась книга Бельфоре, представлявшая собой перевод и переработку «Космографии» немецкого географа Себастьяна Мюнстера (1489—1552). В ней упоминаются жители Сибири, которые живут в области Тюменской и питаются сырым лошадиным мясом. А между 1537—1544 годами сенатор данцигский Антон Вид отпечатал карту, на которой были обозначены Обские низовья, «Тюмень Великая» и город Сибирь.

Пришедшие по следам Ермака русские воеводы Василий Сукин (зять Остафия Пушкина) да Иван Мясной, а с ними Ермаковы казаки, Черкас Александров с товарищами, в 1586 году поставили на реке Туре град Тюмень, на месте городка Чимги, назвав его по имени царства Тюмень, присоединенного к Руси.

Так название царства стало именем города, как город Сибирь дал свое имя царству. Откуда произошло название царства Тюмень, история умалчивает. Возможно, оно унаследовало имя основавшего его гуннского предводителя Тюманя. Но это уже предположения, ждущие своего исследователя.

Радостью своих открытий в «пушкинском» краеведении я не пожалел поделиться с доцентом пермского института, с которым мы делили номер московской гостиницы «Кузьминки». Шел перестроечный 1991 год. Страна кипела общественными инициативами, и Советский Фонд культуры собрал пушкинистов на очередную конференцию. Тюмень направила меня. Владимир Ильич, так звали доцента, к моим изысканиям проявил живейший интерес, поинтересовался, есть ли публикации, и выразил согласие прорецензировать рукопись будущей книги, если я, конечно, не против. Поскольку, по его мнению, работа у меня получается несколько неожиданная даже для специалиста, естественно, есть

несколько спорных моментов. Именно спорных, а не ложных. А потому они имеют право на существование как предположение, как гипотеза. Книга может заинтересовать краеведением и Пушкиным начинающего, расшевелить серое вещество выпускников средней школы, заикленных на хрестоматийных образах школьной программы. Не знаю, куда можно отнести вашу будущую книгу: то ли в область пушкинского краеведения, то ли к примеру народной пушкинистики. Одно бесспорно: она не претендует на роль строгого научного исследования, хотя в ней есть моменты, о которых пока еще никто не упоминал, — о первоисточниках Лукоморья, например. Это удачная попытка любителя старины заглянуть в сокровенные тайны нашей истории и литературы, самому во всем разобраться, не связывая себя догмами сложившихся стереотипов. Желание поспорить с авторитетами похвально. И для самих авторитетов не опасно. Но вот Пушкин?.. Не будет ли ущербен для его памяти несколько необычный взгляд на некоторые подспудные моменты его творчества? На мой взгляд, гению не может повредить, если исследователь его творчества в чем-то и ошибся. Но зато если кто-то, прочитав ваши мысли, задумается, засомневается и в желании поспорить засядет за пушкинскую литературу — значит, еще одна душа будет спасена от очерствения и равнодушия.

И хотя речь идет о поэте, рукопись не только о нем. Она о любви к своему краю, о гордости за его историю и культуру, о дружбе народов, его населяющих, об общих путях их развития. И конечно, не обошлось здесь без Пушкина. Потому что Пушкин — наше все.

Окрыленный участием и ласковым словом ученого, я растаял, вручил доценту свою бесценную рукопись и стал ждать рецензии, крайне зачем-то понадобившейся издательству. Но доцент с рукописью как в воду канул. Зато в пермском «Профсоюзном курьере» началась публикация глав моей будущей

книги. К счастью, под моим именем. Я огорчился, написал «курьерам» ругательное письмо, и они немедленно прореагировали: публикацию прекратили, выслали грошовый гонорар и сообщили об этом моем побочном доходе в налоговую инспекцию. А второй экземпляр рукописи продолжал пылиться в книжном издательстве. Добродушнейший старожил тюменского Парнаса, мэтр всех начинающих, Зот Тоболкин, полубобняв меня за плечи, усмехнулся: «Ты думаешь, свердловчане тебя напечатают? Да никогда. Они начинающих тюменцев не издают. Вдумайся, какая у них аббревиатура... Ты лучше попробуй в толстые журналы». Я внял голосу опыта и пошел забирать рукопись из отделения издательства. Вальяжная редакционная дама сделала большие глаза: «Вы свою рукопись получили. И не говорите нет». Но я оказался настойчивей, чем она предполагала, и после долгих пререканий запыленную папку удалось найти и извлечь из забвения.

Как оказалось, толстые издания отнюдь не жаждали публикаций провинциального автора, задумавшего писать (вы только подумайте) о самом Пушкине.

«Литературная Россия» откликнулась первой: «Просим извинить за задержку с ответом, которая была вызвана необходимостью консультаций по Вашему материалу...»

Любезный моему сердцу «Урал» откровенно поиздевался: «...любительское пушкиноведение — прекрасная вещь... но если на Камчатке станут утверждать, что Лукоморье у них, то в Архангельске вообразят, что Лукоморье — это берег Белого моря, а уж в Крыму докажут непременно, что оно Каркинитский залив. *В. Клепиков*».

Бедный Клепиков... Жалко мне его стало. Если не дано — значит, не дано. До глухого не достучишься.

Пришлось стучаться в другие двери. Посылаю рукопись по обнадеживающему адресу: Петрозаводск, ул. Пушкинская,

литературно-художественный журнал «Север». И очень скоро получаю по-северному приветливый ответ: «Тема, избранная Вами, — показать на примере рождения к жизни образа Бабы-Яги — сейчас актуальна. И поработали Вы основательно — переворошили столько разнообразного материала. Хотя не скрою, меня некоторые вещи и удивляют: например, ваш взгляд на раннюю историю славян, заимствованный, по всей вероятности, от Шлецера или его последователей... (И хотя о Шлецере я узнал впервые из приводимого здесь письма, это не помешало мне приободриться.) Хуже другое: наш журнал — самый тонкий среди “толстых”, и сейчас, когда идет очень интересная проза, и практически без сокращений, трудно будет напечатать...»

Интересная проза — это рукописи из стола, открытые перестройкой и гласностью.

По правде говоря, такой поворот меня не очень и огорчил, потому что накануне пришел конверт из «Уральского следопыта», который без лишних обиняков сообщал, что материал «По следу Бабы-Яги» принят к напечатанию, просил прочитать гранки, выправить ошибки и сразу же вернуть. С легкой руки Юния Алексеевича Горбунова началась полоса удач и, как результат, родилась эта книга.

— Не сердись на тех, кто тебя не понял, — внушал мне поэт Анатолий Васильев. — У них «совковая» психология и дубовый стереотип мышления. Попробуй провести опыт: задай любому три следующие вопроса:

Назовите быстро реку. Получите ответ: Волга.

Спросите о великом русском поэте. Ответят обязательно: Пушкин.

А попросите назвать дерево — вам ответят: дуб.

Причем обязательно дуб, а не бук и не бамбук. А почему так, никто не скажет. Дубовая психология...

Что ж, придется поговорить о дубах.

Верста тридцать первая СРЕДИ ДОЛИНЫ РОВНЫЯ...

На месте праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, растрепанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колебясь и шумя...

А.С. Пушкин. 1836

...многими богатыми вещами одаренные
бывали и деревья стоящие, равным образом
обогащенные и в лесу оставляемы.

*В.Ф. Зуев. Описание живущих
в Сибирской губернии в Березовском уезде
иоверческих народов остяков
и самоедов*

Я чувствую, моего читателя давно уже мучает вопрос: «А как же тогда быть с дубом? Ведь дубы в Приобье не растут! Не мог же Пушкин ошибаться?!» Ну почему не мог — случаются порой ошибки даже и у гениев. И наш Александр Сергеевич не был исключением. Пример тому его стихотворение о другом дереве — «Анчар». Услышав легенду о находящейся будто бы

на острове Ява долине смерти, усыпанной костями отравленных людей и животных, посреди которой растет дерево упас, или анчар, листья которого испаряют яд, А.С. Пушкин написал свое замечательное стихотворение. На самом деле ботаники доказали, что такого дерева с ядовитыми испарениями нет.

Но нельзя же требовать от поэта строгого соблюдения научных канонов — неотступно следуя им, поэт перестает быть поэтом. Может, и с дубом не ошибся наш Пушкин, а сознательно, волею своего вдохновения перенес привычный русскому сердцу дуб из теплых краев в суровое северное Лукоморье. Или попутал поэта Сигизмунд Герберштейн, написавший в своих «Записках»: «Приморские места Лукомории лесисты»? Поэт мог сделать вывод, что если лесисты, то и дубы должны расти. Вместе с тем Ф. Штильмарк отмечает, что в старину «дубом» принято было называть всякое особо крупное дерево (отсюда слово «дубина»), да и до сих пор в некоторых местах крупноствольные кедрачи или ельники местные жители именуют «дубачами» (Лес и человек, 1990).

Еще можно припомнить высочайше утвержденную в царствование Алексея Михайловича — знатока лукоморских и мангазейских дел — печать царства Сибирского с изображением на ней развесистого кряжистого дерева, весьма похожего на дуб.

Из подобных деталей, как из мозаики, в воображении поэта мог складываться поэтический образ лукоморского берега. Впрочем, по поводу распространения дуба на север у Пушкина существовало стойкое заблуждение. В «Руслане и Людмиле» Финн говорит: «В беспечной юности я знал одни дремучие дубравы...» Дубрава — дубовый лес. Говоря о дубовых лесах на финской земле, Пушкин отступил от реальности, что допускается жанром поэмы-былины. То же самое произошло и с дубом в Лукоморье. Высокий дуб фигурирует во многих русских сказках. В древние времена одиноко стоящий на возвышенности дуб

считали священным и связывали с культом бога Перуна. Культ дуба, как священного дерева, существовал у многих народов. У язычников коми, поклонявшихся деревьям, в эпосе есть герой, объединяющий их культуру со славянской и носивший имя Перя. Пушкинский дуб корнями уходит в космогонические представления наших предков о «древе жизни». Золотая цепь на его ветвях появилась совершенно не случайно: это умиловительная жертва, дар богам и духам, живущим как на ветвях деревьев, так и внутри ствола. Навешивание на священное дерево ценных украшений, одним из коих могла служить золотая цепь, типично угорский культовый ритуал. И житие Трифона Вятского, и житие Стефана Пермского говорят о том, что кроме идолов и болванов, сделанных из дерева, в кумирницах или на идоложертвенных деревьях были «бесовские привесные козни» — золотые и серебряные, как значится в житии Трифона, «золотое, серебряное, медь, железо, олово», — как пишет Епифаний Премудрый. Стефан Пермский вынужден был срубить прокудливую березу, а Трифон Вятский — идоложертвенную ель. Жития Трифона сообщают, что еще в 1618 году вогуличи не только у лиственницы молили в юртах, но даже приносили ей жертвы, «малого убили».

Когда мы украшаем новогоднюю елку цепями из золотой и серебряной фольги, а под нее ставим ватного «Деда Мороза», тем самым, сами того не сознавая, повторяем ритуал поклонения деревьям, некогда существовавший у наших языческих предков.

Рассуждая о священном дереве и золотой цепи, нельзя не остановиться на центральном персонаже пушкинского Лукоморья — ученом коте, ведущем свой род от известного сказочника кота Баюна, получившего свое имя от слов баять — рассказывать, а может, и от убаюкивать. Сказочный Баюн своими коварными повадками сродни другому лесному коту — рыси. Но водился в Лукоморье и другой, более ласковый кот — сибирский.

Кошек, давших начало породе знаменитых сибирских котов, завезли в Сибирь персы, издавна торговавшие с ее столицей. Драгоценный товар — персидских кошек — для ублажения сибирских салтанов бережно везли по караванному пути до Искера, будущего Тобольска. Скоро они расплодились настолько, что известный естествоиспытатель Брэм, побывавший в прошлом веке в Тобольске, описал их как отдельную тобольскую породу. А на Севере, у хантов и манси, кошки еще долго оставались чрезвычайной редкостью и предметом почитания.

Известны три народа, обожеествлявшие кошек: древние египтяне, японцы и казымские ханты.

Мы уже упоминали лукоморскую реку Коссима — Казым. Не знаю, что тому причиной: случайное ли совпадение, широкая ли информированность поэта об обычаях сибиряков-лукоморов и их верованиях или необычайный дар провидения, но знакомый нам с детства ученый кот родом с берегов Казыма и считался там священным животным. Одно из семи имен «Великой Казымской Богини» — «питы кати хур», мудрая кошка. Для сказочника мудрец и ученый — почти синонимы. Слово «мудрая» должно пониматься и как «ученая».

Наш земляк, хантыйский поэт и писатель Роман Ругин, записал эпос казымских хантов о великой мудрой кошке — легенду о Казым-най: «Давно это было... земля медленно покачивалась на золотых цепях Всесильного священного Солнца. Еманг Най Эви — дочь великого Солнца (по поручению отца. — А.З.)... спрыгнула в сторону земли. Кошка медленно зарулила своим упругим хвостом и прицелилась в сторону кедрового бора. Пружинистая крона кедра погасила... силу падения». Мудрая кошка научила людей ловить рыбу, раскрыла им тайну огня, спасла от землетрясения, потопа и речного чудовища.

Роман Ругин рассказал мне однажды, что за убийство кошки полагалась строгая кара. Однажды охотничья лайка разорвала

кошку, и за этот собачий грех ее хозяину присудили пожертвовать Золотой Бабе трех оленей. Еще одно косвенное доказательство, подтверждающее традиционную связь кошки и Яги, или в данном случае Золотой Бабы.

В русских народных сказках, которые сказывались обычно в холодные и длинные зимние вечера, действие большей частью происходит летом. По этой народной традиции тепло и в пушкинском Лукоморье, первые строки о котором написаны во время его ссылки в Михайловское. Там же записал он и окончательный сюжет сказки о царе Салтане. Свое прекрасное «У Лукоморья», Пушкин написал в 1828 году, тогда же была начата и «Сказка о царе Салтане». Возможно, закончи он «Сказку» в этом же году, «У Лукоморья...» стало бы введением к ней. Но работа над «Сказкой» затянулась, а в это время готовилось к выходу в свет второе издание поэмы «Руслан и Людмила». Известно, что первое издание не принесло автору сколь-нибудь заметных финансовых выгод. Чтобы заинтересовать читателей, в основном Москвы и Петербурга, вторым изданием, имело смысл внести в него элемент новизны. И Пушкин находит остроумное решение: начало «Сказки о царе Салтане» — уже готовое «У Лукоморья» он включает в качестве пролога к поэме «Руслан и Людмила».

И несмотря на то что пролог к «Сказке» написан в несколько ином стиле, чем поэма, он органично влился в нее, возможно потому, что и многие персонажи поэмы большей частью северного происхождения, да и само ее действие преимущественно разворачивается в близких к Лукоморью пределах.

«У Лукоморья» названо прологом, но по существу это присказка, в традициях русского устного фольклора, на что указывают ее последние строки: «...сказку эту поведаю теперь я свету...»

Вставленная в присказку фраза: «Там русский дух... там Русью пахнет!» — намекает на место действия описанных событий. Дей-

ствительно, в Лукоморье, Югре, Сибири русские землепроходцы и промышленники утвердили навсегда русский дух, но от этого эти территории не стали Русью.

Русью на них только пахнет, потому что никакое освоение и колонизация не могут переменить души самобытной, огромной и чудесной земли — царства Сибирского.

И сибирякам не стоит сетовать на то, что волею своего поэтического вдохновения Пушкин перенес милый русскому сердцу дуб из теплых краев в наше суровое Лукоморье, где на «неведомых дорожках следы невиданных зверей, избушка там на курьих ножках стоит без окон, без дверей...» Оторвали их бродяги — туристы или другие бездельники, каких много появилось в дремучей некогда тайге.

Верста тридцать вторая

ЗЛАТАЯ ЦЕПЬ

...Я жаждал Сибири или крепости, как средства для восстановления чести.

*А.С. Пушкин. Письмо Александру I,
Михайловское, октябрь, 1825*

Почему-то принято считать, что «У Лукоморья» написано Пушкиным под влиянием сказок его старой няни Арины Родионовны. Между тем этот вопрос гораздо сложнее и обширнее, чем представляется на первый взгляд. Не отрицая высокого эмоционального воздействия на воображение поэта сказок няни, попробуем исследовать другую точку зрения и отыскать иные побудительные мотивы, подвигнувшие поэта написать ставший всемирно известным пролог.

Мотивы эти связаны как с биографией и личностью поэта, так и с политической и экономической ситуацией, возникшей к началу XIX века в России, когда она с надеждой устремила свои взоры к Сибири и Уралу.

Лукоморье. Это реальное географическое понятие с легкой руки соратников Курбского, и, подхваченное Герберштейном, оно долго держалось в литературе о Сибири. Еще в Энциклопеди-

ческом словаре Гюбнера, изданном в Лейпциге в 1811 году (в том, в котором юный Пушкин поступил в Царскосельский лицей), под словом «Лукоморье» поясняется, что это провинция в пустынной Татарии, подвластной (русскому) царю. Она лежит по ту сторону реки Оби в Азии и простирается до Ледовитого океана.

Географическое название Лукоморья не встречается ни в одной из известных нам русских сказок. Не могла его знать и Арина Родионовна. Поэтому уместно предположить, что Пушкин нашел его в историко-географической литературе, скорее всего, еще в лицейские годы, когда он увлеченно читал все, что удавалось достать из истории и географии России. Недаром еще в первой табели лицеиста Пушкина, заполненной весной 1812 года, его успехи в географии и истории получили высокую оценку. И вряд ли он мог заблуждаться по поводу истинного местонахождения Лукоморья, поскольку имелось немало литературных источников, освещающих эту тему.

С 1549 по 1832 год «Записки» Герберштейна издавались на разных языках 32 раза, в том числе в 1795 году по воле императрицы Екатерины II в Санкт-Петербурге, а в 1818 году появился русский перевод «Записок» Ф. Фавицкого.

Широкое распространение «Записок» Герберштейна дает повод предположить, что это сочинение каким-то образом попало в поле зрения юного Александра или его гувернеров-иностранцев и с их подачи явилось в поэму Пушкина, да так и осталось навеки в русской поэзии чудесное Лукоморье.

С окончательными выводами по поводу этой догадки пока не будем торопиться, а попробуем исследовать предысторию появления пушкинского «У Лукоморья» по порядку, начиная с «Руслана и Людмилы», которое вышло первым изданием без пролога.

После выхода «Руслана и Людмилы» Пушкин стал всерьез обдумывать новую эпическую поэму о покорителе Сибири Ермаке.

Имя этого славного героя не сходило с уст многих хороших и средних, а порою и совсем слабых и ныне забытых поэтов XVIII—XIX веков. Пушкин не упускает из виду ничего, что связано с именем атамана, и собирает о нем всю возможную информацию.

Еще в 1817 году он иронически писал о своем послании В.Л. Пушкину о поэме «Ермак» И.И. Дмитриева:

Возьми пример с того поэта,
С того, которого рука
Нарисовала Ермака
В снегах незнаемого света
И плен могучего Мегмета...

Упоминание Пушкиным имени Мегмета — одного из основателей династии сибирских салтанов Тайбугинов свидетельствует о том, что к тому времени Пушкин уже прочитал «Описание Сибирского царства» Миллера, который о нем писал.

Отрицательно отозвавшись о поэме Дмитриева в своем письме к Вяземскому (1823), Пушкин многократно вспоминает и хвалит трагедию о Ермаке Хомякова. Между тем Карамзин, с семейством которого Пушкин был дружен, опубликовал «Историю государства Российского», в 9-м томе которого помещены легенды о Ермаке и взятии Сибири. Пушкин, внимательно изучавший труды Карамзина, не упускает из внимания образ народного героя. В феврале 1825 года из Михайловского он пишет Н.И. Гнедичу: «Я жду от Вас эпической поэмы. Тень Святослава скитается не воспетая, писали Вы мне когда-то. А Владимир? А Мстислав? А Ермак? А Пожарский? История народа принадлежит поэту».

По росписи рода Пушкиных, составленной А.А. Черкашиным, и Владимир, и Мстислав, и Донской, и Пожарский — дальние

предки и родственники А.С. Пушкина. И лишь Ермак занимает в этом ряду особое место.

В стихотворении «Родословная моего героя» у Пушкина есть строки: «Кто б ни был ваш родоначальник, Мстислав, князь Курбский иль Ермак...» Случайно ли поставил поэт на одну ступень князя Мстислава Удалого, князя Курбского и покорителя Сибири атамана Ермака, какой кроется за этим еще не выявленный подспудный смысл? Что может быть общего у царского воеводы Курбского и простого казака Ермака, чтобы оценить их в равное достоинство? Как узнать, какого из Курбских имел поэт в виду, ведь у самого Пушкина уже не спросить. Спросить, действительно, нельзя. Но взглянуть на Сибирь глазами Пушкина можно попробовать.

Необъятная романтическая страна за Уралом притягивала помыслы поэта, и он постоянно собирал и накапливал данные об освоении Сибири, которая простиралась тогда от Урала до самой Камчатки, и даже собирался написать повесть о завоевании Камчатки Атласовым.

Пушкин правильно оценил значение подвига Ермака в статье, посвященной Камчатке: «Завоевание Сибири постепенно свершалось. Уже от Лены до Анадыря реки, впадающие в Ледовитое море, были открыты казаками и дикие племена, живущие на их берегах или кочующие по тундрам северным, были уже покорены смелыми сподвижниками Ермака...»

К числу последователей-покорителей Сибири можно отнести и многих представителей рода Пушкиных, прибывших в необжитую Сибирь сразу по следам Ермаковых казаков. После смерти тобольского воеводы Остафия Михайловича Пушкина в 1603 году его сменил Никита Михайлович Пушкин. На берегах Лены в Якутске вместе служили в 1644—1649 годах и порою спорили между собой воевода Василий Пушкин и казак Семен Дежнев; в Красноярске воеводствовал стольник Петр Савич

Мусин-Пушкин, в Нерчинске воеводским товарищем был его сын Петр. В 1700 году от кетских казаков в Сибирский приказ поступила жалоба о том, что проезжавший мимо Кетского острога «стольник Петр Мусин-Пушкин... их имал насильством и подводы и провожатые и многих убил до полусмерти». Насильно захватив сторожа приказной избы Оську Фомина и казачьего сына Сеньку Панова, он отпустил их только после уплаты ими двух рублей. Из-за малочисленности кетского гарнизона здесь на одного человека приходилось по две-три посылки в год, а в городе оставались «на караулах» по человеку и по два.

На жалобу челобитчиков последовало распоряжение Тобольскому воеводе учинить сыск по поводу действий Мусина-Пушкина, а кетских казаков во всяких службах от проезжих воевод и служилых всяких чинов людей оберегать¹⁴. Сыск по безобразиям Мусина-Пушкина не забылся, и когда в марте 1712 года на место полковника тобольских казаков назначили Федора Федоровича Пушкина, ему была дана от царя наказная грамота: «...И одноконечно ему, Федору, над казаками смотреть, чтобы у них никакого худа не было и изделий никаких на себя казаков делать не заставлял. И ему против сего, великого государя, указу и наказу посулов и поминков ни у кого ничего и заемных памятей в долговых деньгах и ни в каких долгах и насильства никакого никому не чинить.

А буде он казаков от воровства унимать или корчемного питья вынимать у них не учнет, и от того учнет посулы и поминки имать, или насильством и от продаж казакам и сторонним людям чинить, а в том будут на него великому государю челобитчики и ему за то учинено будет смертное наказание»¹⁵.

Естественно, что представители пушкинского рода не только служили или отбывали наказание в Сибири. Они обживали край,

¹⁴ ЦГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1318. Л. 129.

¹⁵ ЦГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Ед. хран. 2226. Л. 1—3 об.

женились, рождали детей и умирали в Сибири, богатели и выезжали «на Москву». Понимание Сибири закладывалось в роду Пушкиных генетически, на уровне подсознания. И в крови поэта на фоне романтизма, беззаветной удали и бесшабашности сибирских первопроходцев смешались честь и отвага сибирских казацких полковников и любвеобильность абиссинского негуса.

И вряд ли стоит все лучшее в Александре Сергеевиче приписывать исключительно той малости африканских генов, что он унаследовал от Ганнибала. Род Пушкиных возрос и разбогател на сибирской почве. И, возможно, благодаря этому обстоятельству впоследствии влилась в него тонкая струйка абиссинской крови.

Служила в Сибири и другая родня Пушкиных: Сукины, Головины, Чичерины и, наверное, многие, о которых мы пока не знаем. Многих из знатных родов царская милость или опала привела в Сибирь и Тобольск, через который дорога уходила и на Иркутск, и в Китай. Не миновал Тобольска и знаменитый предок поэта Абрам Петрович Ганнибал, сосланный происками фаворита царицы Анны Иоанновны Бирона в Тобольск и Иркутск. Ссылка непривычного к сибирскому климату Ганнибала могла кончиться для него самым печальным образом, когда бы не его самовольное возвращение. «Аннибал удалился в свои поместья, — пишет Пушкин, — где и жил во все время царствования Анны, считаясь в службе в Сибири».

Будущий автор «Арапа Петра Великого» не мог не придавать самого серьезного значения сибирскому периоду жизни своего предка, а вместе с тем и изучению самой Сибири, безусловно, понимая, что невозможно изобразить героя вне окружающей его среды. Для большей убедительности произведения следовало ознакомиться с условиями, в которых оказывались сибирские ссыльные, тем более что и самому поэту неоднократно грозила подобная участь.

Тревожные мысли о ежедневно возможной опале и ссылке в Сибирь постоянно волнуют поэта неслучайно, ибо род Пушкиных, как никакой другой, вдосталь изведал и того и другого. Потомок Остафия Пушкина — Михаил Алексеевич Пушкин был сослан Екатериной II также в Тобольск, после процесса, получившего название «дела братьев Михаила и Сергея Пушкиных и Федора Сукина».

Доносчик и соучастник по «делу о сговоре с целью изготовления фальшивых бумаг» — Федор Сукин приходился дальним родственником основателю городов Тюмени и Тобольска Василию Борисовичу Сукину, женатому на дочери Остафия Михайловича Пушкина, и, таким образом, приходившийся дальним родственником Михаилу и Сергею Пушкиным, а через них и А.С. Пушкину. (Не исключено, что и другой основатель Тобольска — Данила Чулков приходился дальним родственником А. Пушкина. Предок Пушкина — Гаврила Олексич был предком множества знатных русских родов, в том числе Пушкиных и Чулковых.) Императрица пожалела Михаила Пушкина, причастного к заговору, приведшему ее на российский престол, и в качестве наказания за умысел печатания фальшивых денег вместо обычно применявшейся смертной казни ограничилась высылкой всех троих соучастников. Жена Михаила Пушкина — Наталья Абрамовна, урожденная Волконская, последовала за мужем в Тобольск, где и прожила с ним почти 20 лет до самой его смерти. Уезжая в Тобольск, Наталья Пушкина оставила на воспитание московской подруге своего годовалого сына Алексея, который, возмужав, специально приезжал в Сибирь повидаться с родителями и познакомиться с родившимися там сестрами Варварой и Елизаветой.

Михаил Алексеевич Пушкин в тобольской ссылке встречался с другим изгнанником — Александром Радищевым и близко сошелся с Понкратием Платоновичем Сумароковым, также попавшим в Сибирь за изготовление фальшивой ассигнации.

В Тобольске Сумароков в типографии купцов Корнильевых издавал первый сибирский журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», и Михаил Пушкин сотрудничал в нем и печатал свои стихи. Не отставала от мужа и Наталья Абрамовна, ставшая первой сибирской журналисткой.

Их сын, Алексей Михайлович Пушкин, современник Александра Сергеевича, был популярен «на Москве» как поэт, переводчик и актер-любитель и конечно же хорошо знаком с Александром Сергеевичем. Когда Алексей Пушкин безвременно умер в 1825 году, Александр Пушкин написал Вяземскому: «...пошел мор на Пушкиных... Как жаль, что умер Алексей Михайлович!»

С одним из семьи издателей журнала — В.Д. Корнильевым А. Пушкин был лично знаком. В 1826 году Корнильев рассказывал Погодину о чтении в его присутствии лично Пушкиным «Бориса Годунова» у Вяземских в Москве.

В 1830 году факт знакомства подтверждает сам Пушкин, сделав надпись на обороте черновика стихотворения, начинающегося словами «В начале жизни школу помню я» — «Корнильев приезжал разделить горесть о потере лучшаго из людей». Остается догадываться, читал ли Пушкин журнал Сумарокова с участием в нем Михаила и Натальи Пушкиных. И если «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» все-таки не попал в поле зрения поэта, если ускользнула от его внимания фраза в одном из сибирских писем Радищева: «Пушкин ставит свечку...», то сама романтическая история ссылки Михаила Пушкина и добровольно последовавшей за ним его жены, оставившей ради этого сына-младенца, никак не могла его миновать.

Узок был путь российских литераторов в XVIII веке! Сошлись в сибирском захолустном Тобольске нелегкие дороги трех знаменитых изгнанников — Михаила Пушкина, Александра Радищева и Панкратия Сумарокова, и каждый из них оставил свой след в

сибирской истории и российской литературе. След, замеченный Александром Пушкиным.

Книга стихотворений и сказок П.П. Сумарокова заняла в библиотеке Пушкина почетное место, а за один из уцелевших экземпляров «Путешествия из Петербурга в Москву», побывавший в Тайной канцелярии, он не пожалел двухсот рублей, сумму по тем временам значительную.

Испытывавший постоянную нехватку средств, Пушкин приобрел и «Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева». К пониманию Сибири Пушкин шел и через Радищева, который во время временного пребывания в Тобольске писал: «До приезда сюда известного Пушкина за столом все пивали и едали из одной чашки».

Тобольский и Илимский узник не мог не привлечь внимания поэта, гордившегося тем, что вслед Радищеву восславил он свободу, и самому не раз содрогавшегося душевно от нависавшей угрозы сибирской ссылки. Изучая биографию Радищева, Пушкин, вероятно, ознакомился с его «Сокращенным повествованием о приобретении Сибири», написанным в Илимске. В биографической заметке о Радищеве Пушкин писал: «Сенат осудил его на смерть. Государыня смягчила приговор. Преступника лишили чинов и дворянства и в оковах сослали в Сибирь». В статье о Радищеве он обращает внимание читателей на строчки, посвященные Ермаку в «забавной» поэме Радищева «Вова», написанной им по возвращении из Сибири:

«Вздохну на том я месте, где Ермак с своей дружиной садясь в лодки устремлялся в ту сторону ужасну, хладну...»

На протяжении десятка лет Пушкин собирает и накапливает сведения о Сибири и Ермаке. Еще в 1825 году поэт просит своего брата выслать ему «“Сибирский Вестник” весь».

Издатель «Вестника» Г.И. Спасский через этот журнал знакомил читателей с сибирскими летописями: строгановской,

черепановской и есиповской, повествовавшими о походах Ермака и истории царства Сибирского.

Брат выслал ему полный комплект вестника Спасского за 1818—1824 годы, и Пушкин получил возможность с ними ознакомиться. Известно, что многие друзья поэта знали о его намерении написать о Ермаке: «Мне пишут, что ты затеваешь новую поэму Ермака, — справлялся Евгений Баратынский в начале 1826 года. — Предмет истинно поэтический, достойный тебя...» В 1821 году вышла «Дума о Ермаке» Кондратия Рылеева. Рылеев прислал Пушкину своего Ермака: «Знаю, что ты не жалуешь мои “Думы” ...убежден душевно, что Ермак, Матвеев-Волынский, Годунов и им подобные хороши и могут быть полезны не для одних детей».

В 1833—1835 годах по Сибири путешествовал один из друзей Пушкина В.Д. Соломирский — личность в некотором роде замечательная. Он был побочным сыном Д.Т. Татищева от связи его со вдовою обербергмейстера Н.А. Турчаниновой, владелицей пермских «турчаниновских» железоделательных заводов. В 1827 году, будучи артиллерийским офицером, Соломирский по ничтожному поводу вызвал Пушкина на дуэль и получил согласие, но С.А. Соболевский, у которого жил Пушкин, сумел примирить дуэлянтов. В дальнейшем у Пушкина с Соломирским установились приятельские отношения. Соломирский был не чужд литературы, сам писал стихи, и Пушкин провожал его в Сибирь, просил собрать о Ермаке народные рассказы и легенды.

В 1835 году Соломирский прибывает в Тобольск. Получив письмо Пушкина с напоминанием о просьбе, он встречается с Петром Словцовым, работавшим над «Историческим обозрением Сибири». Из Тобольска Соломирский сообщает Пушкину: «Ты просил меня писать тебе о Ермаке, предмет, конечно, любопытный, но, помышляя о поездке для розысков следов сего воителя, я досель сижу дома».

С Сибирью и Тобольском Пушкина связывали многочисленные дружеские нити. После 1826 года там оказались многие его товарищи и в их числе Пущин. Одновременно с посланием «В Сибирь» Пушкин отправил прекрасное стихотворение, посвященное И. Пущину, чем доставил ему неописуемую радость. Пущин писал: «Пушкин первый встретил меня в Сибири задухновенным словом. В самый день моего приезда в Читу призывает меня к частоколу А.Г. Муравьев и отдает листок бумаги, на котором неизвестною рукою написано было: “Мой первый друг, мой друг бесценный...” Отрадно отозвался во мне голос Пушкина».

Впоследствии И. Пущин переслал это стихотворение тоболяку, поэту П.П. Ершову, который через своего друга П.А. Плетнева напечатал это стихотворение в «Современнике» уже в 1841 году.

Пушкин и Ершов были хорошо знакомы. Впервые прочитав сказку молодого сибиряка «Конек-горбунок», Пушкин сказал: «Теперь этот род сочинений можно мне и оставить».

«Пушкин заявил о намерении содействовать Ершову в издании этой сказки с картинками и выпустить ее в свет по возможно дешевой цене, в огромном количестве экземпляров для распространения в России», — писал ближайший друг Ершова Ярославцев. А Н.Г. Чернышевский добавлял: «Многие знают, с (...) какими похвалами встретил сказку г. Ершова “Конек-горбунок”, которую внимательно пересмотрел и первые четыре стиха которой (по словам г. Смирдина) принадлежат Пушкину».

Пушкин никогда не забывал своих друзей-декабристов, отбывающих сибирскую ссылку. Однажды в беседе с Пушкиным Ершов сказал, что любит свою Сибирь и не желает лучшего местожительства. Пушкин ответил: «Да Вам нельзя и не любить Сибири, во-первых, это Ваша родина, во-вторых, это страна умных людей». Ершов вспоминает: «Мне показалось, что он

смеется. Потом уж я понял, что он о декабристах напоминает»¹⁶. На родине Ершова в Ишиме отбывали ссылку А.И. Одоевский и В.И. Штейнгель. В Тобольске жили В.К. Кюхельбекер, А.М. Муравьев, М.А. Фонвизин, П.С. Бобрищев-Пушкин и др. В Ялуторовске жили И.И. Пущин, М.И. Муравьев-Апостол, И.Д. Якушкин, В.К. Тизенгаузен. Другие декабристы отбывали ссылку в Сургуте, Березове, Пелыме, Кондинском. Пушкин собрал о Сибири богатейший для своего времени материал и мечтал сам побывать в Сибири, повидать своих друзей-декабристов.

К несчастью, ему не пришлось побывать в Сибири, не довелось написать поэму о Ермаке и повесть о В. Атласове, но собранные им сведения о земле Сибирской не пропали втуне и успели выплеснуться в «Лукоморье» и «Сказке о царе Салтане».

Кажется, завершается длинная цепь легенд, преданий, догадок и маленьких открытий, так или иначе связанных с пушкинским Лукоморьем. И пора бы поставить точку на нашем сказании, да мешают ощущение, что одного завершающего золотого звена в цепочке наших рассуждений недостает.

Не вызывает сомнения тот факт, что Александр Пушкин был привязан к Сибири многими узами, жадно впитывал любые вести, из нее исходящие, и рано или поздно количество должно было перейти в качество. «У Лукоморья» закономерно должно было появиться. И оно появилось.

Но все-таки, в каком письменном источнике нашел Пушкин прототип своего Лукоморья? Можно ли в бескрайнем книжном море найти ту единственную книгу, которая побудила поэта написать свой, ставший бессмертным, пролог?

Дорожка к ответу на этот нелегкий вопрос достаточно извилиста и проходит через трагедию «Борис Годунов».

¹⁶ Знаменский М.С. О поэте П.П. Ершове // Сибирские огни, 1940. № 4—5. С. 239.

Верста тридцать третья

ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ

Предания русские ничуть не уступают в фантастической поэзии преданиям ирландским и германским.

*А.С. Пушкин. Письмо П.А. Плетневу,
около 14 апреля 1831 г.*

Зима 1924 года. Село Михайловское, что неподалеку от древней границы псковских земель с Литвой и Польшей, утонуло в снегах. Ветер метет над старинной дорогой, по которой хаживали полки Лжедмитрия, хватает пригоршни снега и бросает их в освещенное окно барского дома. За морозными узорами на стеклах тепло и тихо. Лишь тяжелые часы неумолимо отсчитывают время да потрескивают свечи в канделябрах. Робкая восковая слеза с оплывшей свечи падает на ворох старых бумаг на столе. За столом Пушкин. Не слушая завываний за окном, он то лихорадочно пишет, то безжалостно черкает написанное, то нервно кусает кончик гусиного пера. Над чем он так напряженно думает, что мнится поэту в глуши изгнания?

Вспоминается ли ему 1820 год, когда среди петербургских повес распространился вдруг слух, что за непочтительные сатири-

ческие стихи он будто бы был высечен в Секретной канцелярии? Припомнилась дуэль с оскорбителем, безумное отчаяние и мрачные думы о самоубийстве? Или всемилостивейшее повеление Его Императорского Величества, соблаговолившего заменить Соловки на Молдавию?

Все теперь позади: первая угроза ссылки на Север, тоскливые годы кишиневского изгнания, напрасные ожидания торжества справедливости, надежда возвращения в свет к друзьям и любимым и, как горм среди ясного неба, высочайшее повеление отбыть в Михайловское под надзор уездного предводителя дворянства. Затем постыдная слежка за Александром, организованная перепуганным отцом, последовавшая за этим ссора, семейный скандал с тенденцией перерасти в уголовное дело о покушении на отца и ежедневное ожидание «рудников сибирских и лишение чести».

Пронизывающее дыхание Сибири донеслось до псковских полей, ознобило пылкую душу поэта и проникло между строк рукописи на рабочем столе поэта. Слово «Сибирь» неоднократно звучит в ее тексте. Под гусиным пером рождается трагедия, равной которой не будет в XIX веке, — «Борис Годунов». Действие ее происходит то в Литве, то в Польше, то в Москве, но за всем этим незримо стоит Сибирь. Вот, например, сцена в царских палатах. Царевич Федор Годунов, склоненный над чертежом земли Московской: «Наше царство из края в край. Вот, видишь, тут Москва, тут Новгород, тут Астрахань. Вот море. Вот пермские дремучие леса, а вот Сибирь...»

Неслучайно царевич не упоминает Урал — он тогда входил в Пермский край, через дремучие леса которого вели пути в Сибирь. Мимо Пелыма — по пути Федора Курбского, или через Верхотурье — по пути Ермака.

Стал бы Пушкин описывать эту древнюю, составленную в начале XVII века, карту, если бы точно не знал о ее реальном существовании. Я думаю, нет. До наших дней дошли две такие

карты, составленные Годуновым в разные годы. В латинской легенде к одной из них, отпечатанной в 1613 году в Амстердаме, прямо говорится, что она составлена по чертежу царевича Федора Годунова. Другая «карта Сибири и части Тобольска» была напечатана в Москве в 1668 году по указу царя Алексея Михайловича: «176 года ноября в 15 день, по указу царя и Великого князя Алексея Михайловича, всея Великая и Малыя и Белыя России самодержцев, збиран сей чертеж в Тобольску за свидетельством всяких чинов людей, которые в Сибирских во всех городах и острогах кто где бывал и городки и остроги и урочища и дороги и земли знают подлинно, и какие ходы от города до города, да от слободы до слободы, и до которого места и дороги и земли и урочища и до земель в скольку дней и скольку езду и верст, и где меж слобод Тобольского уезду построить от приходу воинских людей по высмотру стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова с товарищи, какие крепости и по скольку человек в которой крепости посадить драгун, к какой крепости скольку ходу дней и недель степью и возами ж до Китай, и то писано в чертеж порознь, со статьями в кругах, также за свидетельству иноземцев и приезжих Бухарцов и служилых Татар».

Эта рукопись, хранившаяся в Румянцевском музее, содержала и описание чертежа первой карты Сибири. Долгое время сам чертеж считался утерянным до тех пор, пока его не отыскал Норденшельд в Стокгольмском государственном архиве, с надписями, переведенными на шведский язык. В Швецию этот чертеж попал через посредство Класа Иоганна Прютца, состоявшего при шведском посольстве в Москве в 1668—1669 годах. Прютц записал в своем дневнике: «Приложенную ландкарту Сибири и пограничных с ней стран я скопировал 8 января 1669 года в Москве настолько хорошо, насколько это было возможно сделать с плохо сохранившегося оригинала, данного мне лишь на несколько часов князем Иваном Алексеевичем Воротынским,

с тем чтобы я ее только посмотрел, но отнюдь не счерчивал». Вторая копия была снята Кронеманом, который писал: «Карту всех этих стран и Сибири до Китая, которую прислал недавно по указу Его Величества Тобольский воевода Годунов, показали и мне, и я снял копию, получив позволение продержит у себя ее одну ночь».

Была еще копия, снятая шведским офицером Эриком Пальмквистом, а в одном из частных архивов отыскалась карта графини Воронцовой-Дашковой, в которой оказался и вышеупомянутый чертеж П. Годунова на русском языке. Следует вспомнить еще карту Витсена, приложенную к его труду «Северо-Восточная Татария». Витсен считался особой, близкой к Петру Великому, и потому его карта считалась копией русских официальных карт, которые, по мнению ученых, считались окончательно утерянными для науки.

Как карта Гесселя Герритса, составленная по автографу царевича Федора Годунова, она почиталась копией большого чертежа, ибо царевич не мог не пользоваться официальными данными, так и в основу карты Витсена были положены считавшиеся утерянными чертеж Петра Годунова и чертеж Сибирской земли Ремезова 1672 года. Карта Витсена представляет синтез обоих документов. Уже при императрице Екатерине II, в 1792 году, выходит новый Атлас: «Российский атлас из 44 карт состоящий и на 42 наместничества Империю разделяющий». Атлас был гравирован и напечатан в типографии при Горном училище, которая с 1791 года управлялась графом Мусиным-Пушкиным. Как мы видим, с одной из этих карт, в том числе и с копией с карты царевича Федора, Пушкин вполне мог ознакомиться как в лицейские, так и в последующие годы.

В Михайловском, оскорбленный и отверженный, Пушкин ищет утешения в работе, размышляет над историей государства Российского, примеряет к себе самому судьбу великих из-

гнанников прошлого и всерьез подумывает о выезде за пределы империи. Михайловскому узнику становятся особенно близки и понятны непокоренные герои: возвысившие голос против грозных властителей Семен и Андрей Курбские, ушедший от правежа и плахи в Сибирь Ермак, отправленные по обычному обвинению в сибирскую службу предки рода Пушкиных. И как результат раздумий над их деяниями и судьбами, в написанную опальным поэтом трагедию о царе Борисе, вопреки исторической правде, введены князь Курбский и Остафий Пушкин, на самом деле участия в описанных событиях не принимавшие.

Мысль о сопротивлении насилию и злу бродила в голове оскорбленного несправедливостью Пушкина и не могла не появиться в трагедии. В сцене «Краков. Дом Вишневецкого» поэт сводит вместе одного из своих предков Гаврилу Пушкина и Курбского. Вот выдержка из текста:

«Самозванец: ...Но кто, скажи мне, Пушкин, красавец сей?

Пушкин: Князь Курбский!

Самозванец: Имя громко! (Курбскому). Ты родственник казанскому герою?

Курбский: Я сын его...

Самозванец: Великий ум! Муж битвы и совета! Но с той поры, когда являлся он, своих обид ожесточенный мститель, с литовцами под ветхий город Ольгин, молва о нем умолкла.

Курбский: Мой отец в Волынии провел остаток жизни, в поместьях, жалованных ему Баторием. Уединен и тих, в науках он искал себе отрады...»

Не трогая личности Самозванца, не имеющего отношения к сибирской теме, разузнаем поподробнее о других участниках этой сцены: Гавриле Пушкине и Курбском. Точнее, сразу о двух Курбских — отце и сыне. О Гавриле сохранились записи самого Пушкина. Оказывается, думный дворянин Гаврила Григорьевич Пушкин прибыл под знамена Лжедмитрия прямиком из Сибири,

где он служил письменным головой при пелымском воеводе. «Гаврила Пушкина, — писал о нем поэт, — я изобразил его таким, каким нашел в истории и в наших семейных бумагах. Он был очень талантлив — как воин, как придворный и в особенности как заговорщик».

Пушкин искал в истории и семейных бумагах. Представляется невероятным, чтобы он не наткнулся в них на сведения о сибирском периоде рода Пушкиных и не заинтересовался им.

Теперь обратимся к «казанскому герою». Так Самозванец называет в трагедии князя Андрея Михайловича Курбского (1528—1583), родом из Рюриковичей. В молодости он был любимцем Ивана IV и принимал активное участие во взятии Казани. В дальнейшем он воевал против Польши, в одном из боев потерпел поражение и, опасаясь гнева Грозного, перешел на польскую сторону. Обласканный Баторием, Курбский во главе одной из польских армий воевал против Грозного и осаждал Псков. У Курбского действительно был сын Дмитрий, родившийся в Польше в 1581 году, но никакого участия в аванюре самозванца он не принимал.

Зачем же было Александру Сергеевичу вводить в свою трагедию образ второстепенный и к Смуте не причастный? Разве потеряла бы трагедия без Дмитрия Курбского? Почему на протяжении многих лет не оставляет поэта обаяние личностей Курбских? Почему в трагедии Пушкин рассказывает о том, что Андрей Курбский, к событиям Борисова царствования никакого касательства не имевший, остаток жизни провел в уединении и искал себе отрады именно в науках? Какой скрытый смысл и какую информацию вложил в эти строки поэт?

Прямых ответов на эти вопросы Пушкин нам, к сожалению, не оставил, но попытаться отыскать истину можно. И поможет нам сам «казанский герой». В личной библиотеке Пушкина возьмем книгу «Сказания князя Курбского» и откроем на комментарии

Устрялова, который сообщает: «Андрей Михайлович Курбский. На 21 году жизни сопутствовал Иоанну под стены Казани, в звании стольника и находился в есаулах. По возвращении из страны Казанской был назначен воеводою в Пронск, когда туда ожидали нашествия крымских татар. Спустя год Курбский начальствовал уже Правую рукою всего царского войска на берегах Оки, готовясь встретить соединенное войско татар крымских и казанских. В 1552 году вместе с князем Щенятевым он разбил татар на берегах реки Шиворони. В жестокой битве ему иссекли голову, плечи, руки, но несмотря на то, 20 августа 1552 года, в 24 года снова командует Правую рукою при осаде Казани и снова изранен». В 1556 году за ратные победы он был возведен в достоинство боярина. В Ливонскую войну Курбский в два месяца одержал восемь побед над рыцарями, взял в плен много командоров, разгромил Ливонию и открыл другим воеводам путь к победам. Но в 1563 году он проиграл литовцам битву под Невелем и, опасаясь мести Грозного, укрылся в Польше. Там он посвятил себя наукам, писал свои «Сказания» и вел язвительную полемическую переписку с царем Иваном Грозным, подвергая острой критике его государственное правление и окружение.

Прекрасное в целом сочинение Курбского не менее замечательно в подробностях: историк описывал не по слухам, а по собственным наблюдениям, по крайней мере большую часть важнейших событий. Дела минувшие резко запечатлелись в его памяти, и летописцу стоило только передать верно свои впечатления, чтобы нарисовать живую картину. Письма Курбского к Иоанну — блестящий образец ранней российской публицистики. Первый русский диссидент Курбский занимался и переводами с латинского. Он перевел беседы Златоуста и читал того же Герберштейна, о чем записал: «...Князь Великий Василий Московский по многим злым и сопротив закону Божия делом своим и сие при-

ложил... живши с женою своею первую Соломонию двадцать шесть лет остриг ее во мнишество... И понял себе Елену, дочь Глинского... А от мирских сигклитов возбранял ему Семен, реченный Курбский, с роду княжат Смоленских и Ярославских; о нем же и о святом жительстве его не токмо тамо Русская земля ведома, но и Герберштейн, нарочитый муж Цесарский и великий посол на Москве был и уведал, и в кронике своей свидетельствует, юже латинским языком...

Он же предреченный Василий Великий, паче же в прегордо-сти и в люто-сти князя Семена от очей своих отогнал, даже до смерти его».

Быстро меняли цари милость на гнев, и везло на опалы и изгнания князьям Курбским, даже если один из них «князь югорский», а другой — «герой казанский». Столь сильные характеры и трагические судьбы не могли не задеть пылкое воображение поэта и не запасть в душу. Под обаянием князей Курбских Пушкин находил всю свою жизнь.

В трагедии «Борис Годунов» есть еще один участник казанского похода и вероятный типаж Андрея Курбского. Это старец Пимен.

Перенесемся в Московский Кремль, в Чудов монастырь — ведение московского патриарха. Итак — ночь. Келья в Чудовом монастыре.

Пимен: «Еще одно последнее сказанье, и летопись окончена моя... Да ведают потомки православных Земли родной минувшую судьбу, своих царей великих поминают. За их труды, за славу, за добро, а за грехи, за темные деянья Спасителя смиренно умоляют...»

Григорий: «...Он летопись свою ведет, и часто я угождать хотел, о чем он пишет? О темном ли владычестве татар? О казнях ли свирепых Иоанна? О бурном ли новгородском Вече? О славе ли отечества?...»

Пимен: «...мне чудятся то шумные пиры, то ратный стан, то схватки боевые, безумные потехи юных лет!..»

Григорий: «...Как весело провел свою ты младость! Ты воевал под башнями Казани. Ты рать Литвы при Шуйском отражал. Ты видел двор и роскошь Иоанна! Счастлив...»

Прервем Григория, чтобы осмыслить информацию о Пимене. Вам не кажется, мой читатель, что биография старца удивительно похожа на биографию Андрея Курбского и содержит одни и те же жизненные вехи: казанский поход, шумные пиры двора Иоанна, схватки боевые и Ливонская война. Именно эти эпизоды описаны в летописи времен Ивана Грозного — сказаниях князя Курбского. Похоже, что Пушкин избрал прототипом Пимена Андрея Курбского в старости, когда: «уединен и тих, в науках он искал себе отрады».

Пимен говорит: «Еще одно последнее сказанье, и летопись окончена моя...» А летопись Андрея Курбского так и названа — «Сказания». Впрочем, это не единственное совпадение, подтверждающее справедливость нашего предположения. Вот Пимен обращается к Григорию: «Подумай, сын, ты о царях великих. Кто выше их? Никто. А что ж? Часто Златый венец тяжел им становился: они его меняли на клобук. Царь Иоанн искал успокоенья в подобии монашеских трудов. Его дворец, любимцев гордых полный, монастыря вид новый принимал: КРОМЕШНИКИ в тафьях и власяницах послушными являлись чернецами...»

В этом описании много из «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, влиянию которой часто приписывают создание Пушкиным «Бориса Годунова». Все в этой сцене вроде бы по Карамзину, за исключением одного странного слова — кромешники. Что это за слово такое и откуда заимствовал его Пушкин, прежде чем вложить в уста Пимену?

Иногда говорят «тьма кромешная» — значит, кромешник — представитель мира тьмы, исчадие ада? Тогда почему

они допущены в монастырь? Что-то здесь не так. Попробуем справиться у современника А.С. Пушкина, автора «Толкового словаря русского языка» В.И. Даля. Ищем слово «кромешники». Оказывается, у тщательно собиравшего крупинки русской речи Даля слова «кромешник» нет. А значит, можно с полной уверенностью считать, что во времена Пушкина его в ходу не было. Есть — кромсать, кромшить, т.е. резать, стричь, крошить как попало. А слово «кромешник» отсутствует. Не мог же Пушкин сам это слово выдумать — не наблюдалось за ним такого озорства. Где-то он его позаимствовал.

Однако где-то уже попадалось мне это словечко. Заказываю в библиотеке «Сказания князя Курбского», с трепетом открываю кожаный переплет и точно: в главе V с названием «Начало злу», оказывается, текст почти идентичный тому, что произносит чудовский монах Пимен. Курбский обращается к царю Ивану IV: «...Царь Великий Христианский. А за советом любимых твоих ласкателей и за молитвами Чудовского Левки и прочих вселукавых мнихов, что доброго и похвального и Богу угодного приобрел еси? Разве спустошение земли твоя, ово от тебя самого с Кромешники твоими, ово от предреченного пса Бусурманского, — и к тому злую славу от окрестных суседов, и проклятие и нареkanie слезны ото всего народу?»

Здесь Курбский упоминает о молитвах царя в том самом Чудовом монастыре, где живет Пимен Пушкина, и о кромешниках. В «Сказаниях» кромешники упоминаются еще неоднократно: «...лютым кромешникам повелел извлещи его, едва дышуща и добити...» По всему видно, что кромешники — это известные нам опричники, а само слово произведено от «кром», синонима «опричь».

Совпадение эпизодов, текстов и отдельных характерных слов в трагедии Пушкина и «Сказаниях» Курбского не может быть случайным и дает основание предполагать, что, работая

над Борисом Годуновым, Александр Сергеевич использовал и «Сказания князя Курбского».

Сам Пушкин так рассказывал о работе над Годуновым: «...в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени, — и прибавлял: — Источники богатые! Умел ли ими воспользоваться — не знаю; по крайней мере труды мои были ревностны и добросовестны».

Поэт сумел гениально использовать доступные ему источники. Он подтверждает свое знакомство с летописями Курбского в письме к Н.Н. Раевскому (1827): «...характер Пимена не есть мое изобретение. В нем... собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях, совершенное отсутствие суетности, пристрастия — дышат в сих драгоценных памятниках времен давно минувших, между коими озлобленная (жестокая) летопись (озлобленного Иоаннова Изгнанника одна носит на себе чуждое клеймо) кн. Курбского отличается от прочих летописей, как бурная жизнь Иоанна изгн. отличалась от... смиренной жизни безмятежных иноков».

Напрашивается вывод, что Пушкин читал «сказания» Курбского в одном из нескольких известных в начале XIX века списков с его рукописи. Среди них лучшим и наиболее сохранным считался список всех творений Курбского, хранившийся в Патриаршей, или Синодальной, библиотеке. Другой, более доступный, с заглавием «Книга о разных происшествиях со времен Великого князя Василия Иоанновича», хранился в Императорской публичной библиотеке. Обратим особое внимание, что этот список содержит еще старинный перевод V книги «Описания Московии» под заглавием: «Летописца Польского Александра Гвагнаина (Алессандро Гваньини), книга VII, часть 4, об обычаях князя Иоанна Васильевича Московского и всея России».

В Румянцевском музее хранился список с заглавием «История царя Иоанна Васильевича, писанная бежавшим в Польшу бояри-

ном князем Андреем Курбским». В нем так же, как и в упомянутом выше, есть старинный перевод сочинений Гваньини.

Одним из лучших списков считался так называемый Бороздинский, размером в лист, в трех частях, под заглавием: «Ковчег Русской правды, или Книга в мире Бытии прошлых сокровеннейших лет. Жизнеописаний великих людей, Российския земли царств и градов оснований, чудеса Волховца, Златые Бабы и происхождений никому не известных истории Российской». Несмотря на столь странное заглавие, этот список имеет преимущества перед прочими тем, что он верен и полон. В нем также находится перевод большей части Гваньиниева «Описания Московии», из-за которого, собственно, нам и пришлось изучить биографии Пимена и Курбских. Существовало еще несколько подобных списков, и перечислять их не будем. Читатель, наверное, обратил внимание, что к «Сказаниям» Курбского странным образом присовокупилось «Описание Московии» польского шляхтича и врага России Алессандро Гваньини, написанное им в 1578 году. Это обстоятельство немаловажно для нашего исследования, поскольку имеет прямое отношение и к Лукоморью, и к царству славного Салтана.

Настала пора сказать несколько слов об Алессандро Гваньини, полонизированном итальянце, современнике Андрея Курбского, военном администраторе и писателе. В войсках Стефана Батория он воевал против Молдавии и России, четырнадцать лет начальствовал в Витебске, а на склоне лет вдруг занялся литературой. Его «Описание Европейской Сарматии» и в нем сведения о Сибири, Югре, Обдоре, Кондии, Лукоморье большею частью повторяют Герберштейна и других авторов и приукрашены маловероятными, похожими на сказки, подробностями. Сочинения Гваньини имели на Руси широкую известность и не раз переводились на русский язык еще в XVII веке, о чем писал А.И. Соболевский в своем труде «Переводная литература московской Руси».

В 1653 году, по царскому указу, князь Репнин-Оболенский купил в Поньине сочинения Гваньини, а патриарх Никон поручил перевести их на русский язык. Благодаря Гваньини сведения Семена Курбского о Югре и Лукоморье, занесенные им в бесследно утраченный «Дорожник», облетев всю Европу, снова вернулись в приукрашенном виде в Россию.

По иронии судьбы, вновь переведенные на русский язык, они стали приложением к произведению другого Курбского — Андрея.

Гваньини, описывая многие чудеса Севера, в том числе колдунов и Золотую Бабу — прообраз Яги, сообщал: «Область Лукоморье тянется длинной полосой подле северного моря; ее обитатели живут без всяких построек в лесах и полях...»

Читая летописи Курбского, Пушкин никак не мог пропустить и приложенное к ним сочинение Гваньини. Фантастические образы и таинственное очарование Лукоморья запомнились, и, работая над «Сказкой о царе Салтане», он использует эту информацию. «У Лукоморья», в котором мы встречаем тех же героев, что и в «Сказке», должно было стать прологом-присказкой к ней. «У Лукоморья» написано другим размером, чем «Сказка», что вполне допустимо для пролога. К тому же и сама «Сказка» изначально писалась в полустихотворной-полупрозаической форме и лишь после долгих раздумий приобрела тот вид, который имеет теперь.

«У Лукоморья» написано для «Сказки» в традициях присказки, уточняющей время и место действия: «В некотором царстве, в тридевятом государстве...» Легкий на импровизацию, Пушкин поместил «У Лукоморья» во второе издание «Руслана и Людмилы» — «Сказка» была еще не закончена.

В развитии нашей версии можно привести немало доказательств, но давайте остановимся и задумаемся: о чем нам может говорить совокупность изложенных выше сведений, обстоя-

тельств, прямых и косвенных доказательств особого интереса Пушкина к Сибири, его предрасположенности к сибирской теме в творчестве, основанной на глубоком знании сибирской истории и географии. Прежде всего о том, что, говоря о Пушкине поэте, мы не должны забывать о Пушкине географе, Пушкине историке и краеведе. И трудно сказать, чего в нем было больше и кого в его лице потеряла Россия в большей степени — ученого или поэта.

Нет оснований сомневаться в сибирской прародине пушкинских «Лукоморья» и «Сказки о царе Салтане». Используя для этих произведений сюжеты мифов, былин и сказок, он одевал их в «сибирские одежды», придавая им неповторимый колорит. «Сказка о царе Салтане» — не сказка о Сибири, а сказка, написанная по сибирским мотивам, с использованием исторических и географических источников.

Ну вот и замкнулось последнее звено в длинной цепи сказаний: Гюрята Рогович — Семен Курбский — Сигизмунд Герберштейн — Алессандро Гваньини — Андрей Курбский — Александр Пушкин. Дописано последнее сказанье о Лукоморье древней земли Сибирской. Впрочем, последнее ли? Сколько еще неизведанных тайн ждут своего часа и своих открывателей! Цель этой книги — подвинуть начинающих краеведов на путь познания тридевятого Салтанова царства. Пускай не все в ней бесспорно на первый взгляд — попробуй найти свой путь познания. Смелее ступай по неведомой дорожке, мой приятель. Многие чудеса ожидают тебя впереди.

Пускай многое изменилось ныне в нашем сказочном Лукоморье. Но, как и прежде, летят над древней землей Югры крикливые гуси-лебеди, и видно им с высоты, как, подобно гигантскому луку, напряглась от Сургута до Ямбурга полногрудая красавица Обь, обнимая Лукоморье со всеми его чудесами. Идут корабли мимо острова Буяна. И мы здесь живем.

1979—2003

Содержание

НАПУТСТВИЕ.....	3
ВСТУПЛЕНИЕ НА ТРОПУ.....	9
Верста первая. ЛЕГЕНДА О ЗОЛОТОЙ БАБЕ (вместо присказки).....	31
Верста вторая. ПОКОРИТЕЛЬ ЮГРЫ.....	36
Верста третья. В СТРАНЕ СУРОВОЙ И УГРЮМОЙ.....	43
Верста четвертая. СИБИРСКИЕ ГЕРОСТРАТЫ.....	49
Верста пятая. ПО НЕВЕДОМОЙ ДОРОЖКЕ.....	55
Верста шестая. У ЛЮДОЕДКИ.....	63
Верста седьмая. ЖЕСТОКИЙ ЦАРЬ.....	65
Верста восьмая. НАЙ, СОРНИ-НАЙ И НАИНА.....	71
Верста девятая. ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА.....	80
Верста десятая. ШАМАНЫ И ЭКСТРАСЕНСЫ.....	89
Верста одиннадцатая. ОТЕЦ ЯГИ.....	94
Верста двенадцатая. ЯГА — КОСТЯНАЯ НОГА И ЯМА — ВЛАДЫКА МЕРТВЫХ.....	103
Верста тринадцатая. БОГИНЯ ОХОТЫ.....	114
Верста четырнадцатая. ХРАНИТЕЛЬ ЗОЛОТОЙ БАБЫ.....	122
Верста пятнадцатая. ТАМ ЛЕШИЙ БРОДИТ.....	130

Верста шестнадцатая. БЕРЕЗОВСКОЕ ЧУДИЩЕ.....	142
Верста семнадцатая. СЛЕД К ЛУКОМОРЬЮ.....	149
Верста восемнадцатая. РОД ПУШКИНЫХ МЯТЕЖНЫЙ.....	160
Верста девятнадцатая. ГОСУДАРЕВА ТАМОЖНЯ.....	171
Верста двадцатая. ПО МОРЮ, ПО ОКΙΑНУ.....	184
Верста двадцать первая. ЧУДНЫЙ ОСТРОВ.....	189
Верста двадцать вторая. В ЧЕШУЕ, КАК ЖАР, ГОРЯ.....	194
Верста двадцать третья. ЧЕМ ВЫ, ГОСТИ, ТОРГ ВЕДЕТЕ?.....	198
Верста двадцать четвертая. ОЙ ВЫ, КОНИ БУРЫ-СИВЫ.....	207
Верста двадцать пятая. КНЯЗЮ ПРИБЫЛЬ — БЕЛКЕ ЧЕСТЬ.....	215
Верста двадцать шестая. ЗА МОРЕМ ЦАРЕВНА ЕСТЬ.....	223
Верста двадцать седьмая. МЕСЯЦ ПОД КОСОЙ.....	229
Верста двадцать восьмая. ТАМ ЧУДЕСА.....	233
Верста двадцать девятая. СЛЕДЫ НЕВИДАННЫХ ЗВЕРЕЙ.....	239
Верста тридцатая. ПРОРОКОВ НЕТ.....	245
Верста тридцать первая. СРЕДИ ДОЛИНЫ РОВНЫЯ.....	254
Верста тридцать вторая. ЗЛАТАЯ ЦЕПЬ.....	260
Верста тридцать третья. ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ.....	272

Научно-популярное издание

Неведомая Русь

Захаров Аркадий Петрович

ВСЛЕД ЗА ВЕЛИКОЙ БОГИНЕЙ

Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*

Художник *И. Савченко*

Корректор *Б.С. Тумян*

Дизайн обложки *Е.А. Забелина*

Верстка *Н.В. Гришина*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 09.07.2013. Формат 84×108 ¹/₃₂

Гарнитура «Темрога LGC Uni». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 9. Тираж 2500 экз. Заказ № 1838.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@r-d-p.ru www.printing.yaroslavl.ru

НОВАЯ ЦЕНА

40 руб. 00 коп.

Аркадий ЗАХАРОВ

Вслед за Великой Богиней

Легендарная Югра — север Западной Сибири, край земли, страна, что простирается к востоку от холодных гор Полярного Урала... В книжных преданиях об Александре Македонском говорилось, что великий полководец античного мира вроде бы достигал этих гор во время своего загадочного, поистине мистического путешествия в Страну тьмы — полярной ночи. А еще мы знаем, что на Руси именовали Югру Лукоморьем. Конечно, в русском языке так называют иногда любой залив, морскую излучину. Но очень уж стойкие ассоциации связывают для нас это слово с пушкинским Лукоморьем. Что имел в виду великий поэт?

Две темы неожиданно переплетаются: судьба предков А.С. Пушкина и история Золотой Богини Севера. Легенды о священной статуе, донине не известной ученым, дожили до XX столетия. И тюменский краевед Аркадий Захаров предпринимает еще одну попытку раскрыть вековую тайну.

ISBN 978-5-4444-1404-0

9 785444 414040

ВСЕ